

Г.П. Новоселов

**Учение
об объекте
преступления**

Методологические аспекты

Издательство НОРМА
Москва, 2001

ББК 67.408

Н 76

Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления.
Н 76 Методологические аспекты. – М.: Издательство НОРМА, 2001.– 208 с.

ISBN 5-89123-533-1 (НОРМА)

Монография посвящена проблеме направленности преступных посягательств. На основе критического анализа бытующих в уголовно-правовой науке воззрений обосновывается необходимость переосмысления ее понятийного аппарата, изменения традиционных представлений о преступлении и его объекте. Особое внимание уделено роли общественных отношений в процессе совершения преступления и в механизме уголовно-правового регулирования.

Для научных работников, аспирантов, студентов юридических вузов, а также судей и служащих правоохранительных органов.

Предисловие

В последние годы в общественных науках сложилась парадоксальная ситуация: на фоне информационного бума все больше и больше ощущается нехватка полезной, конструктивной, созидательной, социально здоровой информации, оплодотворяющей нетрадиционные, но обладающие перспективой мысли, идеи, исследования, творческие новации.

Не обошла стороной эта беда и правоведение. По многим позициям, несмотря на отдельные успехи, юридическая наука, и прежде всего уголовно-правовая, увы, как и в далекие достопамятные времена, скатилась к добросовестному (а нередко и услужливому) глоссаторству, а проще говоря, к комментированию сформулированных (не всегда плодотворных) кем-то и когда-то идей, изданных (не всегда удачных) законов, принятых (нередко противоречащих друг другу) решений правоприменительных органов. Одним словом, юридическая практика нередко приземляется, а юридическая наука зачастую приспособливается, охотно обслуживая государственную политику, в том числе и уголовно-правовую, не обращая внимания на ее социальную эффективность.

На этом фоне отрадным следует признать появление хотя и скромных по числу, но оригинальных по содержанию и фундаментальных по масштабности научных работ. При этом впечатляет не только творческий размах и глубина исследований монографического уровня, но и богатая география научных центров, из которых происходят подобные подлинно научные труды.

К подобного рода работам я со всей ответственностью отношу настоящее издание, посвященное концептуальным методологическим проблемам одного из самых сложных, дискуссионных и в то же время основополагающих институтов уголовного права – объекту преступлений. То, что изложено в этой работе, есть результат многолетних и упорных размышлений автора, не убоившегося предложить читателю не только непривычные, нетрадиционные, но и порой кажущиеся неприемлемыми решения, взгляды и суждения. Как в свое время заметил Н. Бор, идея должна казаться абсурдной, чтобы быть истинной.

Читая работу Г. П. Новоселова, невольно ловишь себя на мысли, что, к сожалению, добротных исследований по фундаментальным проблемам теории уголовного права среди вышедших в свет работ единицы. В этой связи лейтмотив монографии как бы воплощается в авторский призыв активизировать глубокие научные разработки основополагающих положений теории уголовного права, результаты которых некогда были гордостью

отечественной правоведческой школы.

Кроме того, заслуга Г. П. Новоселова, по моему глубокому убеждению, заключается и в том, что он взял на себя огромный труд – критически проанализировать практически все известные научные труды российских юристов, в той или иной степени касающиеся методологических аспектов целого ряда институтов уголовного права, прежде всего, естественно, объекта преступления. Хочется особо отметить, что критика Г. П. Новоселова столь же тактична и спокойна, сколь и конструктивна.

И, наконец, в неторопливой, но логически выверенной манере автор подводит читателя к собственным выводам, которые не могут не привлечь своей новизной, неординарностью и, что на мой взгляд главное, своей плодотворной научной перспективой. Обусловлено это тем, что научные построения, которые развивает Г. П. Новоселов, как бы разрывают тесные рамки теории уголовного права и смело вторгаются в сферу общеправовой теории.

Теория уголовного права многим должна быть обязана Г. П. Новоселову лишь только за тот перечень вопросов, которые он обозначил в качестве основного объекта своих научных интересов и, как мне думается, на которые нашел достаточно взвешенные в теоретическом плане и практически обоснованные ответы: какова в процессе совершения посягательства роль общественных отношений и тех, кому причиняется или создается угроза причинения вреда; должны ли соотноситься представления об объекте с понятием преступления, либо, наоборот, понятие преступления должно основываться на такого рода представлениях; сколько – один или несколько – объектов должно выделяться в отдельном преступлении; как соотносится объект преступления с предметом преступления, с одной стороны, и объектом уголовно-правовой охраны – с другой, и т. д.

Полагая, что избранная Г. П. Новоселовым методологическая основа, с помощью которой он производил кропотливое научное исследование таких категорий уголовного права, как объект преступления, преступление, предмет преступления, общественные отношения, уголовные правоотношения, объект уголовно-правовой охраны, уголовно-правовое регулирование и др., верна, считаю целесообразным обратить внимание читателя на важные авторские новации.

Полемизируя со своими многочисленными оппонентами по существу деления объектов преступления по так называемой вертикали, Г. П. Новоселов утверждает, что подобно тому, как само преступление всегда предстает явлением (но не понятием) конкретным и не может быть "родовым" или "общим", его объект также всегда конкретен и не существует в виде "родового" или "общего" объекта посягательства, а следовательно, в реальной действительности в посягательстве нет никакого иного объекта, кроме именуемого сторонниками классификации объектов преступления по

вертикали непосредственным.

Г. П. Новоселов, как и многие другие современные правоведы (можно даже говорить о сформировавшейся в отечественной юридической литературе тенденции), подвергает сомнению тезис о том, что объектом преступления всегда выступают общественные отношения.

Не только объектом каждого преступления, резонно предполагает автор, но и каждым из объектов многообъектного преступления выступают люди – индивиды или их малые или большие группы (объединения). И в этом плане так называемых беспоследственных преступлений не существует в принципе, по определению, речь в данном случае идет о тех из них, которые не причинили реального вреда, хотя при определенных условиях могли его причинить. Данное положение следует признать обоснованным, так как в любом случае причиняется или создается угроза причинения вреда не чему-то (благам, нормам права, отношениям, интересам и т. п.), а кому-то, и, следовательно, как объект преступления нужно рассматривать не что-то, а кого-то. И потому никакого иного вреда, кроме вреда людям, преступление причинить не может.

Преступление, по мнению Г. П. Новоселова, есть не отношения между кем-то, а отношение кого-либо к кому-либо. В этой связи преступное деяние предстает перед нами как родовая, а его виновность, общественная опасность и запрещенность под угрозой наказания как видовая характеристика преступления. Определение преступления как некоторого рода отношения лица к людям делает невозможным понимание объекта посягательства в качестве общественного отношения.

Гносеологическая оценка Г. П. Новоселовым объекта преступления ценна тем, что она позволила автору сделать обоснованное заключение, что, выступая в преступлении в качестве сторон криминального отношения, объект и субъект посягательства должны рассматриваться вне совершаемого лицом деяния (действия или бездействия), но никак не вне криминального отношения, именуемого преступлением.

Сущность общественной опасности преступления автор видит во вредоносности деяния. Не менее важную мысль он высказывает и о взаимосвязи общественной опасности и противоправности. По его мнению, в качестве исходной, отправной должна признаваться взаимосвязь противоправности не с общественной опасностью, а с тем, что именуют признаком предусмотренности деяния в законе, ибо это, по справедливому замечанию Г. П. Новоселова, не одно и то же. Следовательно, нельзя объединять в рамках одного и того же понятия противоправности два взаимоисключающих определения преступления: как деяния, противоречащего нормам права (или, как ранее говорилось, правопорядку в целом), и как деяния, соответствующего уголовному закону. Наказуемость преступления, по мнению Г. П. Новоселова, предстает перед нами как

характеристика правовых последствий, но никак не правовой природы преступления.

Свое нетрадиционное видение проявляет автор и при исследовании соотношения понятий состава преступления и основания уголовной ответственности. Отождествляя их, уголовно-правовая наука, замечает Г. П. Новоселов, практически отводила и отводит факту наличия в деянии всех признаков состава преступления роль основания для оценки совершенного деяния в качестве преступления, но никак не роль самого основания уголовной ответственности.

Нельзя не согласиться с категорическим утверждением Г. П. Новоселова о том, что ни о каком едином понимании предмета уголовного права не может идти речи без переосмысления общей теории правоотношений, большинство положений которой применительно к характеристике предмета уголовно-правового регулирования должно быть подвергнуто критическому осмыслению.

Увязывая момент возникновения уголовно-правовых отношений с моментом вступления в силу обвинительного приговора (что, на мой взгляд, не вполне бесспорно), Г. П. Новоселов полагает, что одной из их сторон выступает не подозреваемый или обвиняемый, а лицо, признанное виновным в совершении преступления; другой – не сам по себе суд, а тот, от имени кого он выступает и выносит свое решение по рассматриваемому уголовному делу.

Сущностный момент уголовных правоотношений, по Г. П. Новоселову, состоит в том, что их предметом является отношение не между кем-то, а кого-то к кому-то: общества к лицу, признанному в установленном порядке виновным в совершении преступления.

Будучи убежденным, что отношение общества к лицу, совершившему преступление, может быть выражено исключительно в ущемлении его правового статуса, Г. П. Новоселов заключает, что именно правовой статус и есть предмет правового воздействия, обуславливающий необходимость жесткой нормативной регламентации действий сторон, характера связей между ними, а также пределов, средств и целей воздействия общества на виновного.

Признавая одним из методов регулирования установление запрета на совершение общественно опасных деяний, Г. П. Новоселов, однако, не признает этот запрет уголовно-правовым. Его утверждение о том, что предметом уголовно-правового регулирования служат только отношения, возникающие вследствие совершения общественно опасного деяния, есть одновременно и отрицание уголовно-правовой природы запрета на совершение таких деяний. Уголовно-наказуемый запрет есть, таким образом, разновидность социальных запретов типа "не убий", "не укради" и т. д.

В отличие от устоявшегося мнения, что Общая и Особенная части

Уголовного кодекса обладают неразрывной и органической связью, Г. П. Новоселов замечает, и не без основания, что они представляют собой разные совокупности статей.

Рассуждая о механизме уголовно-правового регулирования, исследователь отмечает, что предмет уголовно-правовой охраны нужно рассматривать лишь в связи с предметом уголовно-правового регулирования, но никак не в его рамках. В силу этого объектом уголовно-правовой охраны, по Г. П. Новоселову, является именно предмет, но никак не объект преступления.

Не все выводы Г. П. Новоселова, возможно, будут однозначно восприняты уголовно-правовой наукой, но то, что они обладают удивительной притягательностью, – бесспорно. Та критика, которой могут подвергнуться многие его тезисы, будет, на мой взгляд, важным доказательством того, что работа Г. П. Новоселова затронула именно те вопросы, решение которых является настоятельной потребностью науки уголовного права. А что может быть более ценным для любого автора истинно научного труда ?

Надеюсь, что выход в свет монографии Г. П. Новоселова станет серьезной победой научного новаторства, так трудно пробивающего себе дорогу в науке.

И. Я. Козаченко,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук,
профессор

Раздел 1. Понятие объекта преступления

Глава 1. Досоциалистические концепции объекта преступления

Разработка проблемы объекта преступления началась в юридической науке после того, как в конце XVIII в. понятие "состав преступления", перестав иметь первоначальное, процессуальное значение, получило статус одной из важнейших категорий уголовного права. Это, разумеется, нельзя воспринимать так, что в предшествующие столетия решение вопросов, непосредственно касающихся уяснения направленности преступных деяний, находилось вне сферы внимания исследователей. Еще со времен римского права считалось, что это одна из важнейших характеристик, позволяющая различать среди деяний преступления публичного и частного характера и преследовать первые в порядке уголовного, а вторые – гражданского судопроизводства. Сохранив в последующем в какой-то степени свой исходный смысл, предполагающий обособление группы преступлений, преследуемых только по жалобе потерпевшего (дела частного обвинения), данная классификация получила широкое распространение в научной литературе и в законодательстве ряда государств. Другое дело, что нередко ученые с направленностью преступных посягательств считали возможным связывать вычленение большего числа основных групп преступлений. Так, в известном труде Ч. Беккариа с учетом данного признака они объединялись не в две, а в три разновидности: некоторые преступления, считал он, разрушают

само общество или вызывают гибель того, кто является его представителем, другие нарушают личную безопасность граждан, посягая на их жизнь, имущество и честь, третьи противоречат тому, что ввиду общественного спокойствия и блага закон предписывает каждому гражданину делать или не делать¹. Сходное, трехчленное деление преступлений позднее получило широкое распространение и в отечественной литературе, в связи с чем вычленились, например, преступления против интересов государства, преступления против интересов общества и преступления против частногражданских интересов.

Помимо указанных двух наиболее часто встречающихся подходов в истории развития уголовно-правовой мысли можно обнаружить и менее представительные по числу сторонников точки зрения на этот счет, в соответствии с которыми назывались преступления государственные, преступления общественные, преступления семейственные, преступления против прав отдельных лиц, как физических, так и юридических, заключающиеся в преступлениях против личности и имущества². Упуская из виду требование единства основания деления, иногда преступления делились на пять групп: "преступления против прав отдельных лиц", "преступления против половой нравственности и семейства", "преступления против общества", "преступления против государства", "преступления против религии и церкви"³. Имелись сторонники (Ж.-П. Марат) и восьмиразрядной классификации, которые по целевой направленности предлагали, в частности, выделять преступления, ведущие к гибели государства, наносящие вред законной власти, посягающие на личную безопасность, на нравственность, затрагивающие честь отдельного человека, подрывающие общественное спокойствие, деликты против религии и другие. Укажем также и на позицию отдельных авторов, выступающих за необходимость выделения еще большего числа видов преступных посягательств: по мнению П. П. Пусторослева, преступления и проступки против безопасности государства составляют одну группу; против неприкосновенности законного авторитета или законного господства правительственной власти – другую; против доброкачественности исполнения государственной или общественной службы – третью; против доброкачественности денежных знаков – четвертую; против неприкосновенности веры или религии человека – пятую; против неприкосновенности правового состояния личности – шестую; против жизни – седьмую; против телесной неприкосновенности – восьмую; против половой неприкосновенности – девятую; против свободы – десятую; против чести – одиннадцатую; против имущества – двенадцатую и т. д.⁴

¹См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1940. С. 228.

²См.: Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права, СПб., 1887. С. 2.

³См.: Бернер А. Учебник уголовного права. Т. 2. СПб., 1867. С. 4.

⁴См.: Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Особенная часть. Вып. 1. СПб., 1913. С. 10.

Существование столь широкого спектра мнений о количестве основных видов преступлений было обусловлено комплексом причин. Прежде всего, безусловно, перед нами свидетельство того, что само основание классификации посягательств – их направленность – понималось в науке по-разному. Со всей определенностью данное обстоятельство подтвердилось тогда, когда перед представителями теории уголовного права встала задача осмысления в рамках учения о составе преступления понятия объекта посягательства. Ее решение требовало уяснения уже не столько специфики, сколько общего в направленности преступных деяний, осознания существования многих видов взаимосвязей (в том числе социального и индивидуального, фактического и юридического) в объекте преступления. Что представляется наиболее примечательным в изначально существовавших представлениях об объекте преступления ?

К сожалению, в советской юридической литературе данный период развития учения об объекте преступления всегда воспринимался и анализировался исключительно сквозь призму интересов классовой борьбы, по схеме, в соответствии с которой вычленялись три основных этапа формирования буржуазного общества, а стало быть, и три этапа в развитии концепций объекта преступления: с первым увязывалось возникновение концепции, отражающей интересы борьбы буржуазии с феодализмом и противопоставляющей личность и общество; после прихода к власти буржуазии предполагалось начало второго этапа, характеризующегося появлением у государства потребности в создании теории объекта преступления, способной решать задачи маскировки классового содержания буржуазного уголовного закона; целью третьего этапа разработки проблемы объекта преступления объявлялось теоретическое обоснование применения насилия со стороны господствующего класса¹.

В соответствии с этим, например, Е. Каиржанов различал теории "субъективного права", "нормы права" и правового блага как объекта преступления. Отмечая, что в основе нормативной теории лежит чисто юридический метод познания, абстрагированность от оценки различных социальных, психологических и исторических интересов, автор считал важным сделать особый акцент на различиях между двумя другими трактовками объекта преступления. Специфика подхода сторонников теории субъективного права, по мнению Е. Каиржанова, состояла в том, что они «все-таки исходили из человеческого лица, из личности, из прав лица, причем прирожденных, а потому естественных, неприкасаемых, неотделимых от человека, и тем самым как бы объективно данных, то есть обращали свое главное внимание на самого человека, на личность и ее волю. Таким образом, в известной мере "материализовав" это понятие, они стояли ближе к

¹См.: Курс советского уголовного права. В 6 т. Часть Общая. Т. 2. Преступление. М., 1970. С. 126–130.

содержательной оценке объекта преступления. Такого стремления нет у сторонников теории правового блага. Инициаторы и последователи данного учения, наоборот, стараются подчеркнуть в объекте преступления его формальное начало, формальную, а именно правовую сторону. В то же время теория правового блага – это своеобразная база и сердцевина общей так называемой нормативной школы, этой сугубо идеалистической теории объяснения права вообще, уголовного в особенности»¹.

Подобного рода представления о существовавших во второй половине XIX – начале XX в. основных концепциях объекта преступления трудно назвать безупречными. И дело даже не столько в идеологических наслоениях, сколько в спорности или, по крайней мере, слишком большой условности объединения всего многообразия взглядов на объект преступления в три указанные группы. В этом смысле, например, показательна характеристика позиции Н. С. Таганцева, причисляемой к нормативной теории, видимо, лишь по тем соображениям, что объектом преступления он называл "норму права в ее реальном бытии". Между тем против такого одностороннего понимания объекта преступления и преступления в целом как раз и предостерегал Н. С. Таганцев: "Если мы, – писал он, – будем в преступлении видеть только посягательство на норму, на веления правопроизводящей авторитетной воли, создающей для одной стороны право требовать подчинения этим велениям, а для другой – обязанность такого подчинения, будем придавать исключительное значение моменту противоправности учиненного, то преступление делается формальным, жизненепригодным понятием, напоминая у нас воззрения эпохи Петра Великого, считавшего и мятеж, и убийство, и ношение бороды, и срубку заповедного дерева равно важными деяниями, достойными смертной казни, ибо все это виновный делал, одинаково не страшась царского гнева". Отмечая, что сущностью преступления не может быть и посягательство на интерес, поскольку при таком решении вопроса утратит "всякое значение социальная сторона преступной деятельности, исчезнет возможность надлежащей оценки проявившейся в преступлении личности преступника, оценки видов виновности, делается невозможной правильная оценка карательных мер", Н. С. Таганцев выступал за "признание одинакового значения обоих моментов преступного деяния". Если, с одной стороны, отмечал автор, "несомненно, что преступное деяние хотя и имеет своим непосредственным объектом конкретное благо, но сущность его не исчерпывается вредом и опасностью, причиняемыми этому благу, а по преимуществу заключается в противодействии, оказываемом им господству права в государстве, то, с другой стороны, также очевидно, что сравнительная тяжесть отдельных преступных деяний для правопорядка определяется не этим

¹Каиржанов Е. Интересы трудящихся и уголовный закон. Алма-Ата, 1973. С.122–123.

противодействием праву, даже не проявленной виновным энергией этого противодействия, а значением правоохраняемого интереса, на который направлялось посягательство"¹.

Безусловно, с позиций сегодняшнего дня концепцию объекта преступления Н. С. Таганцева трудно назвать удачной, в том числе и потому, что в ней представления о сущности преступления основывались на признании его объектом того, что автор обозначил "нормой права в ее реальном бытии" и подразумевал как "правоохраняемые интересы", вольно или невольно тем самым отождествляя разные понятия. Неудачное употребление Н. С. Таганцевым термина "норма" вызывало вполне объяснимую критику еще со стороны С. Е. Познышева, который в этой связи обоснованно отмечал, что интересы и явления жизни никоим образом не могут рассматриваться как воплощение или "реальное бытие" охраняющих их норм; они существуют совершенно самостоятельно и нередко задолго до того, как получают правовую охрану. С другой стороны, указывал автор, если рассматривать охраняемые правом конкретные факты и интересы как реальное бытие "правовых норм, то существование норм, как общих правил, в виде предписаний или норм объективного права пришлось бы считать не реальным, мнимым их бытием или существованием. Подобного рода представления и терминология, очевидно, в высшей степени неудобны"².

При этом важно отметить, что Н. С. Таганцев, как и подавляющее большинство ученых второй половины XIX – начала XX в., считал ошибочным противопоставление юридического и фактического в направленности преступных посягательств, признание их объектом только того либо другого. Говоря об опосредованном и непосредственном, формальном и содержательном, юридическом и фактическом воздействии, отдаленном (отвлеченном) и ближайшем, ученые этого времени обычно связывали направленность посягательства и с тем, что выражает его отношение к государству или обществу в целом (с нормами права, законом, заповедями, предписаниями и т. п.), и с тем, что характеризует содеянное с позиций интересов или прав отдельных физических и юридических лиц. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о значительной доле условности в обособлении нормативной теории объекта преступления от взглядов на него как на некоторого рода субъективное право.

Эта сомнительность становится еще большей, если учесть, что почти в каждой работе опосредованное и непосредственное, фактическое и юридическое, формальное и содержательное, отдаленное и ближайшее именовались и самостоятельными объектами и одновременно разными аспектами анализа отдельно взятого объекта преступления. В этой связи важно заметить, что в отечественной литературе довольно часто в его

¹Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т.1.М., 1994. С. 33–34.

²Познышев С. Е. Основные начала науки уголовного права, Общая часть. М., 1912. С. 132.

качестве называлось определенного рода благо. Означает ли, однако, данное обстоятельство, что в употреблении термина "благо" находил свое выражение какой-то специфический, отличный от других подход к пониманию объекта преступления? Думается, что в контексте приведенных выше суждений о трех основных теориях объекта преступления для положительного ответа на поставленный вопрос нет достаточных оснований, поскольку, во-первых, данный термин использовался представителями всех концепций объекта преступления, в том числе, кстати, и Н. С. Таганцевым, во-вторых, интерпретировался криминалистами по-разному, и, наконец, в-третьих, с некоторых пор стал играть роль своеобразного собирательного понятия, дающего возможность, помимо всего прочего, связать воедино в объекте преступления его юридическую (правовую) и фактическую (физическую) стороны. Именно это и упускается из виду всякий раз, когда идет речь о теориях объекта преступления, различающихся между собой тем, что в одних под объектом подразумевается право в субъективном или объективном смысле, а в других – правовое благо.

Критически воспринимая саму идею противопоставления теорий "субъективного права" и "нормы права", а каждой из них – трактовке объекта преступления в качестве правового блага, нельзя обойти вниманием существо взглядов криминалистов, традиционно относимых к представителям первого подхода. Считается, что наиболее рельефно и последовательно он изложен в работах В. Д. Спасовича, который в своих выводах об объекте преступления исходил из понимания самого преступления как "посягательства на чье-либо право, охраняемое государством посредством наказания". "Из этого определения, – утверждал автор, – вытекают два весьма важных последствия: 1) так как право бывает всегда чье-нибудь, а владельцами или субъектами прав могут быть только лица человеческие, единичные или собирательные, то и преступление может быть совершено только противу какого-нибудь лица, следовательно, предметом преступления может быть только лицо; 2) коль скоро по каким-нибудь причинам государство отнимет от известного права свою защиту, то нарушение его перестанет быть бесправием и не подлежит ведению уголовного правосудия". Отмечая в связи с этим, что "лицо, страдающее от преступления, называется технически предметом или объектом преступления", В. Д. Спасович далее разъяснял: "Право может принадлежать как лицам единичным, физическим, так и лицам собирательным, юридическим, то есть целым группам и сочетаниям, состоящим из лиц физических, различной величины, назначения, размеров. Таким образом, предметом преступления может быть частное лицо, семья, сословие, церковь, совокупность лиц, находящихся в известной местности, или публика, государство и его правительство, со всеми органами этого

правительства"¹.

Сходных представлений об объекте преступления придерживались также П. Д. Калмыков², Д. А. Дриль³ и др. Общность их подходов находила свое выражение в том, что, не различая объект и предмет преступления, они связывали характеристику направленности наказуемого деяния с целым, объединяющим в себе одушевленное и неодушевленное, человека с созданными им или принадлежащими ему ценностями, субъекта права с правами субъекта. Конечно, далеко не во всем данные авторы были едины и последовательны. Подтверждением тому служат суждения, например, А. Ф. Кистяковского. "Объектом преступления, – считал он, – может быть, вообще говоря, только человек со всеми правами и учреждениями, которые им как существом общественным создаются. Посему кроме жизни, здоровья, свободы, чести, как более или менее основных объектов преступления, так сказать, созданных природою, таковыми являются также вещи, животные, учреждения, даже известный строй мысли"⁴. Явно вступая в противоречие с общим тезисом, А. Ф. Кистяковский допускал возможность признания объектом преступления имущества и животных по той причине, что они находятся в собственности человека. Аналогичным образом решал вопрос и С. М. Будзинский, хотя и уточнял, что в таком случае предмет преступления – не вещь, а лицо или право этого лица на вещь. Вместе с тем, не соглашаясь с мнением о признании нарушения субъективного права существом условием всякого преступления, он доказывал: "Если государство имеет право или обязанность наказывать деяния, противные его целям, то нельзя ограничивать его задачей защиты права субъективного. Характеристическая черта преступления состоит скорее в нарушении права в объективном смысле, т. е. закона"⁵.

Указанная непоследовательность в логике суждений сторонников так называемой теории субъективного права – явление, заслуживающее внимания главным образом потому, что в юридической литературе второй половины XIX – начала XX в. получили распространение и такие представления об объекте преступления, которые усматривали в нем не самого человека, людей и даже не субъекта права в единстве с его субъективными правами, а непосредственно то, что принадлежит отдельным членам общества или обществу в целом, способно удовлетворять их потребности и в сохранении чего они заинтересованы. Подобное смещение акцента отнюдь не малозначительно, поскольку оно и раскрывает эволюцию взглядов теоретиков на функции объекта, отводимые ему в процессе

¹ Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб., 1863. С.94.

² См.: Калмыков П. Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб., 1886. С.49.

³ См.: Дриль Д. А. Уголовное право. СПб., 1909. С. 154.

⁴ Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая. Киев, 1882. С. 310–318.

⁵ Будзинский С. М. Начало уголовного права. Варшава, 1870. С. 172–173.

посягательства. Ведь одно дело, когда объект преступления предстает перед нами тем, против кого совершается посягательство, чьи интересы оно затрагивает и, в конечном счете, кому именно причиняет или создает угрозу причинения вреда. И другое дело, когда с понятием объекта преступления увязывается не столько вредоносность преступного деяния, сколько его способность посягать на что-либо, нарушать что-либо, оказывать воздействие на что-либо и т. п.

На первый вариант решения вопроса ориентировался, например, Н. Неклюдов. Отправной им признавалась мысль о том, что люди и вещи суть "объекты права", вследствие чего первые назывались личным, а вторые – вещным объектом права. Полагая, что общественные отношения возникают по поводу людей или вещей, те и другие суть предмет таких отношений, автор утверждал, что при гражданской неправде (гражданском правонарушении) имеет место посягательство "на установившиеся между людьми отношения по поводу каких-либо объектов прав, все равно, личных или вещных, но не посягательство на самые объекты непосредственно", в то время как преступление (уголовная неправда) – "посягательство, направленное непосредственно на самый объект права или на самого конкретного представителя его, так сказать, на самый корпус права, все равно, личный или вещный"¹. Считая, что для преступления необходима не только "физическая годность объекта", но и воплощение в нем воли ("ибо только воля, входя в неодушевленные предметы, вводит их в сферу личности и оставляет на них отпечаток права"), Н. Неклюдов делал вывод: "Эта-то внутренняя сущность внешнего предмета, воля и право, и есть истинный объект преступления"². Заметим, что, увязывая первоначально понятие объекта с ключевым словом "посягательство", автор далее высказывался за необходимость выделять в объекте преступления две воли, два права и при этом предпочитал говорить не о посягательстве, а в основном о нарушении, производимом деянием: "Объектом преступления являются: во-первых, "общее право, ибо право нарушается преступлением как таковое; им нарушается всеобщая воля, высказанная в законе, и посредством наносится вред даже самому государству", и, во-вторых, "частное право, так как право нарушается непосредственно и количественно и качественно только до известной степени, в известных пределах; все право, все общество, все государство только посредством затронуты преступлением"³.

¹См.: Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Т. 1. СПб., 1865. С. 316 – 320. Мысль о том, что объект преступления есть нечто, по поводу чего складываются отношения между людьми, высказывалась и в работах других авторов. Вместе с тем данным отношениям в процессе посягательства отводилось и иное значение: нередко о них говорилось либо как о самом объекте преступления, либо как о своеобразной среде (сфере), в которой только и возможно совершение преступления.

²Неклюдов Н. А. Указ. соч. С. 400.

³Там же. Поясняя свою мысль, автор отмечал, что в преступлениях против частных лиц "непосредственным объектом преступления является частное право, и такого рода преступления только потому являются вредом для всего организма права, что все права охраняются государством".

О двоякого рода направленности преступления шла речь и в работе Н. Д. Сергиевского. Называя объектами правовые нормы и конкретные блага, интересы, он придавал в рамках понятия "преступление" вредоносности и нарушению деянием нормы права самостоятельное значение, поясняя, что, "отсекая голову в силу закона преступнику, палач, очевидно, причиняет ему такой же вред, так и всякий убийца: но это лишение жизни не будет преступным". Подчеркивая связь между причинением вреда и нарушением нормы права, автор отмечал, что всякое преступное деяние является по своей природе таким нарушением норм положительного права, которое неизбежно должно заключать в себе момент материального или идеального вреда отдельным лицам или всему обществу. "Таким образом, – писал Н. Д. Сергиевский, – возникает как бы двойной объект преступных деяний: во-первых, в качестве объекта представляется, ближайшим образом, непосредственный предмет посягательства, а затем, во-вторых, отвлеченный интерес всего общежития, нарушаемый неисполнением соответствующего предписания закона. Только соединение обоих моментов образует понятие объекта, вместе с тем обосновывает состав преступного деяния: нарушение нормы закона невозможно без посягательства на конкретные блага или интересы; одно же посягательство на эти последние, если за ними не стоит нарушение нормы закона, не будет преступным"¹.

Примечательно, что о нарушении деянием правовых норм вели речь не только сторонники, но и противники признания данных норм объектом преступления. Г. В. Колоколов исходил из положения, согласно которому только то, что разрушается или по крайней мере страдает от преступной деятельности, должно считаться объектом преступления. "Но можно ли, – ставил он вопрос, – сказать относительно юридических норм, что они разрушаются от преступной деятельности? Что при совершении преступления нормы эти сами по себе не только не разрушаются, но даже и не страдают, это ясно само по себе. Но, оставляя неприкосновенной самую правовую норму, всякое преступление разрушает то или иное благо, частное или общественное, охраняемое уголовным законом; эти блага или интересы и есть объект преступления"².

Аналогичным образом рассуждали многие авторы, отдавая предпочтение характеристике объекта преступления в качестве определенного рода блага. Не снимая необходимости правового анализа объекта преступления, используемое ими понятие "благо" охватывало собой нечто нарушаемое, изменяемое, подвергающееся воздействию и т. п. в результате преступления. Однако на рубеже XIX – XX вв. сначала в зарубежной, а затем и отечественной литературе был поставлен вопрос о необходимости разграничения того, что именовалось объектом защиты, с одной стороны, и

¹Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право: Пособие к лекциям. Часть Общая. Петроград, 1915. С. 243.

²Колоколов Г. В. Уголовное право: Лекции. М., 1896. С. 234.

объектом действия – с другой. Обобщив вкладываемый в эти понятия смысл, А. Н. Круглевский выделил несколько подходов. Согласно первому, "объектом юридической охраны... признается тот предмет, на который посягает отдельное преступление, конкретное воплощение правового блага, то фактическое отношение, изменить которое имело в виду лицо действующее, решаясь на преступление, охраняемое правом состояние, которое повреждается или ставится в опасность преступлением..." Второй состоит в том, что "объектом действия признается предмет, относительно которого учинено преступление или который должен быть создан преступлением для того, чтобы возникло характерное для данного деликта посягательство на предмет юридической охраны (Оппенгейм); предмет фактического воздействия субъекта, действующего в предположении, что он посягает на то или иное конкретное благо (Мокрииский), непосредственная цель действий индивида"¹.

Полагая, что объект преступления (деликта) есть именно объект охраны, автор обращал внимание на то, что объект действия часто бывает сложно отграничить от средств совершения преступлений, а также на то, что на него происходит воздействие, отличающееся от воздействия на объект преступления. Имея в виду последний объект, он писал: "Ошибочно было бы думать, что объектом деликта является все то, что изменяется лежащим в основе его действием. Для деликта вовсе не характерны производимые им химические или механические эффекты. Единственно существенным свойством деликта, наряду с противоправностью его, является его вредоносность, причиняемый им вред и, сообразно с этим, предметом преступления может быть признан только повреждаемый деликтом предмет, т. е. благо"².

Имея в виду приведенную характеристику объекта защиты и объекта действия, можно утверждать, что еще в начале XX в. отечественной уголовно-правовой наукой стала осознаваться необходимость отграничения объекта преступления от того, что позже станут называть предметом преступления и по поводу чего и по сей день в юридической литературе ведутся дискуссии не только относительно характера взаимосвязи объекта и предмета, но и относительно соотношения предмета с используемыми виновным средствами совершения преступления. По-прежнему актуальным остается также уяснение специфики воздействия на объект и предмет преступления, оказываемого деянием, и решение возникающих в этой связи вопросов, касающихся, в частности, соотношения понятий преступного вреда и преступных последствий. Конечно, проводя параллели между эволюцией представлений о взаимосвязи объекта и предмета преступления в дореволюционной и в современной науке, можно обнаружить и некоторого

¹Круглевский А. Н. Имущественные преступления. М., 1915. С. 13–14.

²Круглевский А. Н. Указ. соч. С. 14.

рода особенности (выражающиеся, например, в том, что ныне предпочитают увязывать производимые преступлением изменения как раз с объектом, а не с предметом посягательства). Но это не ставит под сомнение то, что соотношение объекта защиты и объекта действия в рассматриваемой работе интерпретировалось как соотношение не разных видов объектов преступления, а объекта и предмета преступления. Другое дело, как в ней была решена данная проблема. Не будет лишним, прежде всего, заметить, что благу здесь отводилась роль именно объекта, а не предмета преступления. Для начала XX в. ничего специфического в таком толковании объекта не было, как раз наоборот: "Это воззрение, – писал автор, – нашло себе признание и в современной литературе – его придерживаются *implicite* все ученые, анализирующие составы отдельных преступлений, не занимаясь специально вопросом о существовании объекта деликтов. Ввиду того, что криминалистов интересуют только те блага, нарушение которых запрещается (под угрозой наказания) правом, в науке установился обычай называть объекты преступления правовыми благами..."¹ Давая основание полагать, что уже в то время наметилось расхождение в положениях, формулируемых применительно к объекту преступления в рамках Общей и Особенной частей уголовного закона, А. Н. Круглевский оставлял открытым возникающий вопрос: если благо есть объект преступления, то что выступает в качестве его предмета (объекта действия)? Руководствуясь вышеуказанными отличительными признаками, какие-то определенные выводы на этот счет сделать довольно сложно.

Нет ничего необычного и в том, что в рассматриваемой работе в объекте преступления усматривается объект уголовно-правовой охраны (защиты), а не что-либо иное. Но вряд ли будет правильным ограничиться лишь констатацией данного факта. Как уже отмечалось, в определениях объекта посягательства, высказывавшихся в отечественной юридической литературе второй половины XIX в., этот элемент состава преступления обычно воспринимался многозначно, в частности, как то, что нарушается совершенным деянием, терпит какой-либо вред, подвергается воздействию со стороны виновного. Обнаруживаемое в начале XX в. стремление некоторых авторов отделить объект преступления от объекта действия – первый шаг на пути уточнения в структуре преступления. Смысла термина "объект": следуя логике приведенного выше разграничения, объект преступления есть нечто, не столько изменяющееся, сколько нарушаемое и терпящее вред. Поскольку защита чего-либо и посягательство на что-либо – понятия, не составляющие тождества, то уже одно это могло служить достаточным поводом к осмыслению признаков, отличающих объект преступления от объекта защиты. Между тем в рассматриваемый период соответствующий вопрос

¹Круглевский А. Н. Указ. соч. С. 14–15.

даже не ставился. Более того, какой бы точки зрения ни придерживался автор в трактовке направленности преступных деяний, он всегда исходил из посылки, согласно которой объект преступления есть то, что уголовный закон ставит под защиту. Пользуясь современной терминологией и несколько упрощая ситуацию, можно констатировать, что в досоциалистических концепциях в рамках учения об объекте преступления отечественная наука решала вопросы, непосредственно касающиеся проблемы не столько объекта посягательства, сколько объекта уголовно-правовой охраны. В связи с тем, что и в настоящее время подобный подход не встречает каких-либо серьезных возражений среди правоведов, вопрос об обоснованности и причинах подмены одного объекта другим далее будет рассмотрен особо. Здесь же следует ограничиться лишь положением о том, что, раскрывая понятие объекта преступления путем уяснения того, что именно призван охранять уголовный закон, отечественная уголовно-правовая наука второй половины XIX – начала XX в. при решении вопроса о взаимосвязи юридического и фактического, формального и материального, опосредованного и непосредственного в направленности преступных посягательств стремилась в действительности найти решение вопроса о том, что именно охраняет уголовный закон: собственно правовую норму, содержащуюся в ней субъективное право, отношение, интересы его участников и т. п.

Не ставя перед собой задачи изложения всех имевшихся в рассматриваемый период нюансов в характеристике объекта преступления, следует заметить, что их наличие во многом было обусловлено как раз различиями в представлениях авторов об объекте уголовно-правовой охраны. Свой отпечаток это накладывало, в частности, и на решение вопросов, которые в настоящее время связывают с так называемым делением объектов преступления по горизонтали, то есть на основной, дополнительный и факультативный. Относительно целесообразности и критериев обособления такого рода объектов преступления весьма обстоятельно писал А. Н. Круглевский, придерживавшийся мнения о существовании двух самостоятельно значимых объектов посягательства – юридического (нормы) и фактического (блага). Утверждая, что деление благ на основные и дополнительные (вспомогательные) нашло признание как в уголовном законодательстве, так и в правовой доктрине, автор исходил из того, что специфической чертой последних является их способность служить условием или средством приобретения других – самостоятельных или основных – благ. Поставив в этой связи вопрос о том, какой из этих двух видов благ должен признаваться объектом деяний, посягающих одновременно и на вспомогательные и основные блага, автор пришел к заключению, "что, по общему правилу, объектом посягательства подобных преступлений должно быть признаваемо основное, а не вспомогательное благо, а лица, их

учинившие, должны быть квалифицированы как виновники нарушения основной, а не вспомогательной нормы. Ставя наказуемость нарушения вспомогательного блага в зависимость от факта создания им (нарушением. – Г. Н.) известных отрицательных результатов для блага основного, от желания виновного произвести соответствующее воздействие на последнее, законодатель тем самым показывает, что вспомогательные нормы и блага не признаются им в данном случае заслуживающими уголовно-юридической охраны сами по себе. Нарушение вспомогательного блага играет здесь роль средства посягательства на основное благо, и характерным признаком деликта следует считать именно последний элемент". "Юридическая природа вспомогательных норм и благ, – считает А. Н. Круглевский, – определяется правовыми свойствами основных благ и норм. Если основные блага носят характер благ публичных, то и вспомогательные блага становятся благами публичными и нарушение соответствующих норм приобретает характер публичного правонарушения. И наоборот, нарушение норм и благ, являющихся вспомогательными по отношению к частным основным нормам и благам, имеет характер частного нарушения"¹.

По истечении почти ста лет нет необходимости в оценке обоснованности аргументов, которые в начале XX в. приводились в пользу того или иного взгляда на решение вопроса учения об объекте преступления. Означает ли это, что все вышеизложенные представления в настоящее время уже потеряли свою актуальность? Думается, что нет. Как бы мы ни воспринимали уровень знаний об объекте преступления, имевших место в тот период, нельзя не считаться с тем, что всякая теория в своем развитии проходит какие-то этапы, каждый из которых основывается на предшествующем. Конечно, научное осмысление действительности способно развиваться как эволюционным, так и революционным путем. Но в любом случае никакая концепция не возникает вдруг. К сожалению, с некоторых пор досоциалистический период развития отечественного уголовного права для правоведов был предметом критики, осуществляемой не по научным, а исключительно по идеологическим соображениям, в силу чего создавалось обманчивое впечатление, что со сменой политических ориентиров понятие объекта можно создать с чистого листа. Между тем так ли уж существенно отличаются высказанные в советской и постсоветской юридической литературе воззрения на объект преступления от тех, которые были изложены выше? Нашла ли уголовно-правовая наука ответы на вопросы, которые возникли еще в начале XX в., в том числе по поводу того, какова в процессе совершения посягательства роль общественных отношений и тех, кому причиняется или создается угроза причинения вреда; должны ли соотносываться представления об объекте с понятием преступления, либо, наоборот, понятие преступления должно

¹Круглевский А. Н. Указ. соч. С. 14–15.

основываться на такого рода представлениях; сколько – один или несколько – объектов должно выделяться в отдельном преступлении; как соотносится объект преступления с предметом преступления, с одной стороны, и объектом уголовно-правовой охраны – с другой, и т. д.?

Глава 2. Общественные отношения как объект преступления

Ориентируясь на марксистско-ленинское мировоззрение, советская уголовно-правовая наука взяла на вооружение теорию, согласно которой преступления есть общественные отношения. В юридической литературе часто утверждалось, что такое решение проблемы является вполне обоснованным, принципиально новым, единственно приемлемым, общепризнанным, соответствующим взглядам законодателя, имеющим важное значение для уяснения сущности преступления, и т.п. Учитывая, что и ныне такого рода интерпретация объекта преступления продолжает оставаться господствующей, рассмотрим наиболее важные положения данной концепции, в том числе и под углом её новизны.

В этой связи разумно определиться прежде всего с тем, сколько именно объектов подразумевается в каждом отдельно взятом преступлении в случае, когда объектами преступлений усматриваются общественные отношения. Не имея в виду так называемое деление объектов преступления по горизонтали, т. е. на основной, дополнительный и факультативный¹, уместно вспомнить, что в досоциалистической литературе говорилось о выделении непосредственного (ему наносится конкретный материальный, физический и т. п. вред) и опосредованного (причинение вреда ввиду нарушения закона, нормы права, субъективного права) объектов посягательства. В интересующей нас концепции также вычленяется непосредственный объект (он называется и по-другому: "конкретный", "индивидуальный" и т. п.) преступления, но уже в одном ряду не с опосредованным, а с родовым (групповым, специальным и т. п.) и общим (генеральным) объектом. Если само по себе обособление непосредственного и опосредованного объектов преступления здесь сомнений не вызывает, как, впрочем, и понимание двоякого рода направленности каждого посягательства, то применительно к так называемой классификации по вертикали (на непосредственный, родовой и общий объекты посягательства) неясным остается главное: сколько объектов – один или несколько – мыслится в каждом конкретно совершенном преступлении. Заметим, что речь идет не просто о количестве членов деления, а о принадлежности всех их или только некоторых (например, непосредственного объекта) отдельно взятому посягательству.

Высказываемая и ныне убежденность в том, что "трехзвенная

¹Не отрицая целесообразности выделения основного, дополнительного и факультативного объекта, следует уточнить, что оно возможно лишь в рамках многообъектного преступления.

классификация есть конструкция, быть может, и не вполне завершенная, но все же соответствующая требованиям логики"¹, требует особого акцента на исходных посылаках данного деления, не имеющего аналогов в других науках². Если судить по наиболее распространенной в юридической литературе аргументации допустимости вычленения непосредственного, родового и общего объекта преступления, то есть смысл обратить внимание на следующие соображения Н. А. Беляева: "Совокупность общественных отношений, – пишет он, – определенное единство явлений, обладающих общей сущностью. Отдельные явления или группы явлений, входящие в эту общность, имеют свою специфику. А это значит, что совокупность общественных отношений может быть предметом научно обоснованной и логически завершенной классификации на базе марксистско-ленинского положения о соотношении общего, особенного и отдельного. Классификация объектов посягательства как общего (вся совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений – общее), родового объекта (отдельные однородные группы общественных отношений – особенное) и непосредственного объекта (конкретное общественное отношение – отдельное) вполне соответствует требованиям логики³. О числе членов такого деления иногда высказываются и иные точки зрения. Так, по мнению Н. И. Коржанского, их не три, а четыре: "1) общий (совокупность социалистических общественных отношений, охраняемых уголовным законом); 2) родовой (отдельная группа однородных общественных отношений, составляющих определенную область общественной жизни – собственность, личность и т. п.); 3) видовой (общественные отношения одного вида – жизнь, личная собственность) и 4) непосредственный объект (конкретное проявление общественных отношений данного вида – жизнь Иванова И. И., собственность Петрова Е. Е. и т. п.)"⁴. Примечательно, однако, что и те, кто предпочитает различать большее количество членов деления, в обосновании его научной состоятельности ссылаются "на соответствие законам логики и взаимосвязи философских категорий общего – особенного – единичного"⁵.

Однако о каком соответствии может идти речь, когда в юридической литературе в непосредственном объекте преступления (отдельное) предлагается усматривать составную часть родового объекта (особенное), а в последнем – составную часть общего объекта (общее), в то время как с точки

¹Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. Преступление / Под ред. Л. И. Коробеева. Владивосток, 1999. С. 305.

²Нечто подобное, кстати, имеет место в юридической литературе и при характеристике взаимосвязи так называемых общего, родового и конкретного составов преступлений, но в данном случае, по крайней мере некоторыми авторами, подразумевается выделение разных понятий о составе преступления, а не самих составов преступлений. См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. Л., 1968. С. 250–259.

³См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1, С. 291.

⁴Коржанский Н. И. Объект преступления и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 74.

⁵Там же. С. 72.

зрения философии не отдельное должно выступать частью особенного и общего, а, напротив, особенное и общее всегда считались составляющими отдельного? Нет нужды доказывать очевидное: говоря об общем, родовом и непосредственном объекте посягательства, юристы в данном случае подразумевают фактически взаимосвязь иного категориального ряда: целого и части, или, точнее, системы, подсистемы и элемента. С позиций взаимосвязи данных категорий вся совокупность объектов преступлений должна рассматриваться не как вид (общий) объекта посягательства, а в качестве некоторой системы (совокупности, множественности) объектов, в составе которой могут быть выделены определенные подсистемы и элементы (части). Роль подсистем, очевидно, играют объекты разновидностей преступлений, однородных по направленности посягательств. Объект отдельно взятого преступления выступает как элемент системы объектов в целом и одновременно какой-то ее подсистемы. Безусловно, нас не могут не интересовать взаимосвязи элемента, подсистемы и в целом всей системы объектов посягательств. Но вычленение разных аспектов анализа системы, ее вертикальных связей никакого отношения к классификации как методу научного познания не имеет и в принципе иметь не может, поскольку в ней исследователя интересуют взаимосвязи иного плана – вертикальные, т. е. между членами деления. Учитывая, что система в целом нигде и никем не называлась видом по отношению к подсистеме, а сама подсистема – видом по отношению к ее отдельным элементам, необходимо со всей определенностью констатировать: с позиций той взаимосвязи (целого и части, или системы, подсистемы и элемента системы), которая в действительности имеется в виду приверженцами деления объектов преступления по вертикали, ни о какой классификации объектов преступления говорить не приходится вообще.

Из сказанного, конечно, не следует, что при анализе понятия объекта преступления закономерности взаимосвязи категорий общего, особенного, единичного и отдельного (иногда в философской литературе дополнительно указывается на категорию всеобщего) не могут быть использованы вовсе. Принципиально важно, однако, в этом плане не забывать прежде всего о том, что общим в традиционной теории называют признак реального, существующего в пространстве и времени объекта, находящегося в отношении сходства к признаку по крайней мере еще одного класса. "Признак, сходный с признаками всех объектов этого класса, – пишет Г. Д. Левин, – называют всеобщим. Единичное – это признак, отличный от признаков всех объектов данного класса, а особенное – признак, сходный с признаками одних и отличный от признаков других объектов этого класса... Сами же предметы, воплощающие диалектическое единство единичных и общих (особенных и всеобщих) признаков, не могут быть названы ни единичными, ни особенными, ни всеобщими. Для них существует еще одна,

пятая категория – "отдельное"¹. Кроме того, нужно считаться и с другим широко известным положением: выступая признаками, характеристиками какого-либо отдельного, всякое общее, особенное и единичное существуют всегда не самостоятельно, а в неразрывной связи с отдельным, как его часть, сторона, признак и т. п. К сожалению, оба данных методологических требования упускают из виду всякий раз, как при обосновании научной состоятельности вычленения общего, родового и непосредственного объектов преступления обращаются к взаимосвязи философских категорий общего, особенного, отдельного.

Не только закономерности этой взаимосвязи, но и закон логики об обратном соотношении между содержанием и объемом понятия дают основание утверждать, что в объектах преступлений нужно различать признаки, свойственные объекту лишь одного преступления, объектам некоторой группы преступлений и объектам всей совокупности преступлений. Имея в виду повторяющееся в каждую без исключения объекте преступления (общее), можно сконструировать общее понятие объекта преступления, которое, согласно указанному закону логики, будет самым бедным по содержанию (включать в себя лишь те черты, которые имеются у объекта всякого преступления) и самым большим по объему (подразумевать объект любого преступления). Дополнив общее какими-то особенностями, обнаруживаемыми у объектов интересующей нас группы преступлений (например, воинских, преступлений против порядка управления), мы тем самым сформулируем видовое (групповое, специальное и т. п.) понятие объекта преступления, конкретизирующее общее и отличающееся от него как по объему (поскольку оно применимо только к части объектов преступления), так и по содержанию (наряду с общим оно фиксирует особенное, специфическое, групповое). Разумеется, имеет право на существование и понятие объекта, раскрывающее направленность какого-то отдельно взятого посягательства (кражи, изнасилования и т. д.). Конструирование такой дефиниции должно основываться на общих и видовых признаках и, кроме того, отражать неповторимое, индивидуальное своеобразие объекта посягательства. С точки зрения содержания данное понятие будет самым богатым (учитывать общее, специфическое и индивидуальное в направленности конкретного посягательства), а по объему – наиболее бедным (охватывать признаки объекта только одного, единичного преступления).

Но опять же нужно подчеркнуть, что вычленение трех названных видов понятий объекта преступления никакого отношения к классификации самих объектов преступления не имеет: сходное, повторяющееся во всех объектах преступления есть их общий признак, но не общий объект; особенность

¹Левин Г. Д. Диалектико-материалистическая теория всеобщего. М., 1987. С. 9–10.

какой-то группы объектов преступления – не родовой объект, а признак, объединяющий некоторую часть объектов посягательств в одну однородную по направленности группу и вместе с тем отличающий ее от всех других групп. Подобно тому, как само преступление всегда предстает явлением (но не понятием) конкретным и не может быть "родовым" или "общим". его объект также всегда конкретен, не существует в виде "родового" или "общего" объекта посягательства, и, следовательно, в реальной действительности в посягательстве нет никакого иного объекта, кроме того, который сторонниками классификации объектов преступления по вертикали называется непосредственным.

Сделанное заключение представляется весьма важным. «Деление объектов на общий, родовой и непосредственный, – утверждают наши оппоненты, – имеет своей целью уточнение вопроса о том, против каких именно общественных отношений непосредственной прежде всего направлено данное преступное посягательство, и, следовательно, каким общественным отношениям... оно причиняет или может причинить ущерб. Принимая эту цель деления объекта и всегда учитывая особенность построения отдельных групп преступлений, теория и должна в конкретном случае установить непосредственный и специальный объекты посягательства»¹. Уже сам факт постановки такой задачи приверженцами идеи признания общественных отношений объектом преступления – весьма примечательное явление, позволяющее предположить, что советская уголовно-правовая наука сначала делала вывод о том, что именно общественные отношения суть объект преступления, и лишь затем стала размышлять о том, что же выступает им в каждом конкретном случае. Разумеется, никакая наука не может развиваться без выдвижения и обсуждения гипотез. Но одно дело, когда речь идет о гипотезе, и совсем иное – когда на одном (общем) уровне решение вопроса об объекте преступления воспринимается чуть ли не как истина в последней инстанции, а на другом (конкретном) – с тем не редким единодушием констатируется, что «приведенным положением проблема объекта преступления... отнюдь не исчерпывается. По существу она лишь начинается, ибо для разрешения важнейших для судебной практики вопросов – вопросов квалификации – необходимо изучение объекта как элемента состава конкретного преступного действия»². Если учесть, что в действительности существует лишь так называемый непосредственный объект преступления, то ситуацию, при которой "определение объекта в форме общественных отношений" считается установленным, а "изучение специальных объектов, объектов конкретных преступных действий" объявляется "задачей, не вполне решенной", иначе как

¹Вестник Московского университета. 1954. № 16. С. 1.

²Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 176.

парадоксальной назвать нельзя³.

Пойдя по пути не от частного к общему, а от общего к частному и фактически "запрограммировав" себя на необходимость понимания общественных отношений как объекта каждого преступления, советская уголовно-правовая наука за весь период своего существования так и не могла создать теории, способной устранить расхождение между декларируемым общим пониманием объекта преступления и его характеристикой применительно к конкретным составам преступления. Не только прежде, но и в настоящее время сторонниками критикуемой точки зрения в рамках Особенной части как объект преступления рассматриваются личность, здоровье, честь, достоинство, конституционные права и свободы, общественная безопасность, конституционные основы, мир и безопасность человечества и т. п. – то, что никак не может быть названо общественными отношениями как таковыми. В работах последних лет понятие объекта преступления нередко увязывается не только с правовыми благами, охраняемыми законом интересами, субъективными правами и т. п., но и с такими общественными отношениями, которые либо что-то регулируют (участие в предпринимательской деятельности, рынок ценных бумаг, внешнеэкономическую деятельность и т. д.), что-то обеспечивают (нормальное функционирование личности, половую неприкосновенность и половую свободу личности, общественную безопасность и общественный порядок, безопасность движения и эксплуатацию транспорта, основы конституционного строя и т. д.), либо где-то складываются (скажем, в сфере государственного регулирования налогообложения, в сфере потребительского рынка). Подобного рода трактовка "непосредственного" объекта преступления породила конструкции, которые, хотя формально и не вступают в очевидное противоречие с исходным тезисом, явно имеют "налет" искусственности и схоластики и, самое главное, ничего не дают для практики применения уголовно-правовых норм.

Не менее важно для рассматриваемой концепции и то, как в ней определялось общее понятие объекта преступления. В советской юридической литературе постоянно подчеркивалось, что среди специалистов имеется единство мнений по данному вопросу, однако в действительности обозначились по меньшей мере три основных варианта интерпретации "общего" объекта преступления как некоторого рода общественных отношений.

Первый из них нашел свое отражение в позиции А. А. Пионтковского, который не усматривает какого-либо принципиального различия между объектом и предметом преступления. Полагая, что введение в учение об объекте преступления понятия предмета посягательства методологически не

³Там же.

обосновано, автор пишет: "Если это только переименование непосредственного объекта в предмет посягательства, то по существу ничего не меняется, так как непосредственный объект и есть предмет, на который воздействуют. Поэтому определять предмет как нечто, на что непосредственно воздействует преступник (имущество, здоровье человека и т. п.), и, оставляя этот предмет в учении об объекте, не называть его объектом – значит всего лишь неоправданно изменять ранее установившуюся и более правильную терминологию"¹. Придерживаясь мнения о том, что всякое преступление прямо или косвенно посягает на общественные отношения. А. А. Пионтковский не возражал против вычленения общего, родового и непосредственного объекта преступления, но вместе с тем утверждал: "Отношение между объектом преступления как общественным отношением и непосредственным объектом преступления следует рассматривать в плоскости взаимоотношений категорий материалистической диалектики – сущности и явления. Непосредственный объект преступления – это предмет воздействия преступника, который мы можем непосредственно воспринимать (государственное, общественное или личное имущество граждан, здоровье, телесная неприкосновенность, представитель власти, государственные или общественные учреждения и т. д.). Общественное отношение как объект преступления – это то, что стоит за непосредственным объектом и что еще необходимо вскрыть, чтобы глубоко понять истинное общественно-политическое значение рассматриваемого преступления. Поэтому, – делал вывод автор, – непосредственный объект тесным образом связан с объектом как общественным отношением. При более внимательном рассмотрении он оказывается или материальной предпосылкой существования и развития соответствующих общественных отношений, или материальной формой их выражения, или их субъектом"².

В сравнении с другими известными советской юридической литературе вариантами концепции "объект преступления есть общественные отношения" взгляды А. А. Пионтковского были оригинальны именно тем, что он считал допустимым отводить общественным отношениям роль лишь "общего" и "родового" объекта преступления, но только не того, который обычно обозначают в качестве "непосредственного". Деталь отнюдь не малосущественная, особенно если учесть уже ранее сделанный нами вывод о научной несостоятельности квалификации объектов преступления по вертикали и отсутствию в действительности "родового" и "общего" объектов преступления. Поскольку, с одной стороны, ни о каком ином, кроме как непосредственном, объекте преступления говорить не приходится, а с другой – таковым в концепции данного автора выступает предмет воздействия, который можно воспринимать (имущество, здоровье и т. п.), то выходит, что

¹Курс советского уголовного права. В 6 т. Часть Общая. Т. 2. С. 119.

²Там же. С. 120.

предлагаемое А. А. Пионтковским решение вопроса в сущности не подтверждало, а, напротив, отвергало тезис об общественных отношениях как объекте преступления.

Несомненный интерес представляют суждения автора по поводу различий, усматриваемых им в представлениях об общественных отношениях как объекте преступления, имевших место в советской юридической науке, и тех, которые высказывались в начале XX в. И. Я. Фойницким. Констатируя, что последний вычленил посредственный (нарушаемая заповедь, норма) и непосредственный (общественное отношение, которое составляет реальное проявление данной заповеди и охраняется ею) объекты посягательства, А. А. Пионтковский отметил: «При более внимательном рассмотрении взглядов Фойницкого нетрудно видеть, что под общественными отношениями он имеет в виду совсем не то, что понимаем мы под общественными отношениями. Это вовсе не отношения людей в процессе производства, обмена и распределения хозяйственных благ и т. д. Для него "отношение" – это то, как должен вести себя гражданин по отношению к жизни другого, имуществу, свободе другого лица и т. п., руководствуясь данной нормой. Таким образом, "отношение" Фойницкого – это не общественное отношение между людьми, а должное поведение данного лица в каждом случае в соответствии с требованиями общей нормы. Поэтому между взглядом на объект преступления, проводимым Фойницким, и представлениями об объекте преступления, проводимыми советской теорией уголовного права, не существует ничего общего... Фойницкий не понимал, что нормы выражают реально существующие общественные связи людей в общественной жизни. В совершении преступления он не видел нарушения этих отношений. Его взгляд является идеалистическим взглядом на объект преступления»¹.

С тем, что И. Я. Фойницкий под отношением между людьми подразумевал не фактическое, а должное (требуемое и т. п.) их поведение, спорить нет оснований. Суть вопроса в другом. Причисляя данного автора к сторонникам нормативной теории объекта преступления, А. А. Пионтковский вместе с тем утверждал: "Преступление есть вид правонарушения... Поэтому всякое преступление посягает на право. Если под правом понимать лишь совокупность правовых норм, установленных или санкционированных господствующим классом, то необходимо сделать вывод, что в правовом аспекте объектом всякого правонарушения, в том числе преступления, является норма права". Не пояснив, чем такое решение вопроса отличается от воззрений, относимых им к нормативной теории, автор одновременно пояснял, что данное определение объекта преступления охватывает лишь так называемое право в объективном смысле и оставляет за рамками данного

¹Курс советского уголовного права. В 6 т. Часть Общая. Т. 2. С. 128–129.

понятия как субъективное право, так и правоотношение в целом. Присоединяясь к мнению, согласно которому право выступает как единство правовых норм и правоотношений, А. А. Пионтковский в тех и других видел единый объект правонарушения. "Различие между правоотношением как формой общественных отношений и общественными отношениями как их содержанием, – утверждалось при этом, – необходимо иметь в виду при рассмотрении объекта правонарушения. Каждое правонарушение, в том числе преступление, посягает не только на правовые отношения, но и на общественные отношения, являющиеся содержанием последних"¹.

Как следует из приведенных суждений, в отличие от концепции И. Я. Фойницкого, в которой отношение и норма, его регулирующая, интерпретируются как самостоятельные объекты посягательства, А. А. Пионтковский исходил из их неразрывной связи, единства. Не вступая в дискуссию о том, насколько обоснованно общественное отношение, правоотношение и нормы права рассматривать как нечто целое, нужно заметить: отстаиваемая в данном случае мысль о посягательстве на общественные отношения, толкуемые таким образом, как раз и подразумевает их понимание в качестве должного, а не фактического поведения людей или, по крайней мере, не исключает его. В результате то, в чем А. А. Пионтковский усматривал специфику интерпретации общественных отношений в советской юридической науке, а его собственной теории оказалось трудноуловимым и осознаваемым.

Более того, с тем же самым приходится сталкиваться и при уяснении сути второй, наиболее распространенной концепции объекта преступления как некоторого рода общественных отношений. Считая важным отличать объект от предмета преступления, ее сторонники обычно исходят из положения о том, что верное в общем должно быть верно и в частности, а потому отстаивают тезис: общественное отношение есть не только общий и родовый, но и непосредственный объект посягательств. Не утруждая себя доказательством истинности общей посылки, они также не считают нужным различать в общественном отношении реальное и должное поведение его участников. В качестве примера можно привести работу Н. И. Коржанского, в которой со всей определенностью указывается: «Без обязанности вести себя определенным образом нет общественного отношения. Общественные отношения именно потому и признаются общественными, что возникают в обществе, выражают его интересы и что в требуемом поведении состоящих в связи субъектов (индивидов, групп, коллективов, классов) заинтересовано общество (или его господствующий класс), что общество ожидает от них именно такого поведения и требует его. Отношения господства и подчинения, мужа и жены, ученика и учителя, дружбы, товарищества, собственности и т.

¹Там же. С. 121–123.

п. – все они предполагают соблюдение велений общества о должном, дозволенном или запрещенном поведении»¹. Подразумевая под общественным отношением в данном случае не столько реально возникающие, сколько предписываемые, желаемые отношения между людьми, автор далее пишет: "Общественные отношения представляют собой фактическое, действительное поведение участников общественной жизни, которое направляется социальными нормами, а в отдельных случаях и принудительной силой общества"². Делая в итоге вывод, согласно которому объект преступления "можно определить как обеспеченную... обществом субъектам... общественных отношений возможность соответствующего интересам... общества поведения его членов, групп, классов или их состояние", Н. И. Коржанский оставляет открытым вопрос о том, какова взаимосвязь в объекте преступления должного и сущего, возможного и действительного, юридического и фактического, общественного отношения и правоотношения, нормы права и того, что она регулирует.

Полагая, что с этой точки зрения представления об общественном отношении, изложенные А. А. Пионтковским и Н. И. Коржанским, мало чем отличаются не только между собой, но и от взглядов И. Я. Фойницкого, следует обратить внимание еще на один общий для них момент: на то, что под общественным отношением в них подразумевается конкретная, индивидуальная, единичная, определенная и т. п. связь между людьми. Этот акцент уместен потому, что нередко именно он имеется в виду при уточнении смысла понятия общественного отношения как объекта преступления. Считая, что близкое по содержанию понятие "общественные связи" включает в себя "какой-либо комплекс социальных связей, все общественное устройство – отношения между общностями, классами, производственные отношения и т. д.", В. К. Глистан пишет: "Общественные отношения в таком виде – как определенная совокупность социальных связей – обычно неуязвимы для преступного воздействия, и нам не известны случаи разрыва какой-либо группы отношений путем преступного посягательства на них". Автор выводит за рамки общественных отношений, которые могут стать объектом преступления, также отношения лица к работе, спорту, учебе и т. д., поскольку им не присуще взаимодействие двух субъектов (физических или юридических), и ограничивает объект преступления кругом общественных отношений, имеющих "единичный", "конкретный" характер, специально при этом подчеркивая: "В целесообразности выделения единичных или конкретных отношений нет никаких сомнений – многие неопределенности и ошибочные трактовки сущности причиняемого преступлением вреда, появление множественности объектов в одном преступлении и ошибки в разграничении сходных составов в значительной мере объясняются

¹Коржанский Н. И. Указ. соч. С. 36.

²Коржанский Н. И. Указ. соч. С. 42.

недоразумениями, связанными с отказом авторов от вычленения и анализа конкретного отношения"¹.

Как раз иного мнения на этот счет придерживаются сторонники третьей точки зрения в толковании объекта преступления как некоторого рода общественных отношений. Отмечая, что такое их понимание ничем не отличается от тех представлений, которые в свое время имели место у В. Д. Спасовича, и соглашаясь с тем, что сущность преступного деяния проявляется на уровне непосредственного взаимодействия поступка человека и конкретного общественного отношения, В. С. Прохоров вместе с тем пишет: "...из этого вовсе не вытекает, что каждое отдельное слагаемое общественного отношения может само по себе рассматриваться как общественное отношение. Отдельное входит в общее и характеризует его. Общее не существует вне отдельного, но и отдельное не обладает свойством общего, не равнозначно ему"². По мнению В. С. Прохорова, между общественными отношениями и конкретными отношениями между людьми существует ряд различий: "1) общественные отношения – это связи между социальными субъектами, т. е. в конечном счете между людьми; 2) эти связи складываются как результат массовой предметной деятельности людей; 3) они имеют типизированный, устойчивый характер; 4) складываются и существуют в масштабах общества, определяя его социально-экономическую природу; 5) дифференциация общественных отношений определяет основные сферы социальной жизни и структуру общества; 6) главными, определяющими социальную природу всех иных общественных отношений являются производственные отношения; 7) нормативное регулирование общественных отношений есть внешнее проявление свойственных им организованности и порядка"³.

Отстаиваемый В. С. Прохоровым взгляд на понятие общественных отношений трудно назвать бесспорным. Во-первых, и здесь взаимосвязь философских категорий интерпретируется в смысле, в своей основе мало чем отличающемся от того, который обнаруживается у сторонников классификации объектов преступления по вертикали, и так же не согласующемся с тем, что говорится в философской литературе. С позиции общей методологии отдельное не выступает частью общего. Как раз напротив, общее есть часть отдельного. Но если это так, то, вопреки мнению В. С. Прохорова, каждое общественное отношение не может складываться из единичных, конкретных отношений между людьми, ибо сами общественные отношения суть некоторая разновидность отношений между людьми, которые при некоторых условиях приобретают значение общественных⁴. Далее, вряд

¹Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. С. 30–31.

²Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 47.

³Там же. С. 44.

⁴"Индивидуальные отношения являются общественными, поскольку они включают в себя момент типизированного. Кроме типизированного, в полной мере присущего совокупному индивиду, они включают

ли учитывает автор должным образом и то, что отличает общественные отношения от социальных. Еще не так давно на это не обращалось внимания. Однако в последние десятилетия утвердилось мнение о необходимости понимания социального в широком и узком смысле слова. Если в первом случае эта категория используется как синоним общественного (в сопоставлении с природным), то во втором она предполагает несколько иное – "относительно самостоятельную область общественной жизнедеятельности, включающую в себя отношения между определенным образом организованными компонентами и ячейками социальной структуры общества, социальными общностями, т. е. социальные отношения"¹.

Именно при социологическом взгляде на складывающиеся в обществе (в политике, праве, труде, спорте, образовании и т. д.) отношения в центре внимания исследователя оказывается не индивидуальное, случайное, а наиболее типичное, устойчивое, интегрированное и т. п. во взаимодействиях людей². Именно этот взгляд позволяет, отвлекаясь от специфики каждого преступления, лица, его совершившего и т. д., изучать преступления во всей своей массе, в целом, как социальное, а точнее, антисоциальное явление, именуемое преступностью.

Малоубедительна позиция В. С. Прохорова и по другим соображениям, в частности, потому, что он отождествляет действия людей и связь как таковую, вне зависимости от того, носит она индивидуальный, общественный или социальный характер. Но главное все же не в том, как именно понимается в данном случае общественное отношение, а в том, что, в конечном счете, объект преступления предлагается рассматривать как некоторого рода систему общественных отношений, или, пользуясь терминологией автора, индивидуальных отношений, "первичных атомов", которым, для того чтобы действительно сложиться в общественное отношение, нужно образовать устойчивую структуру.

В отстаиваемой В. С. Прохоровым концепции объекта обращает на себе внимание не только то, что отличает ее от всех других трактовок общественных отношений, но и аналогичные общепринятым в советской уголовно-правовой литературе представления о взаимосвязи общественных отношений с юридическими явлениями – нормами права, правоотношениями, правопорядком и т. п. Непосредственно не касаясь субъективных прав, автор утверждает, что закрепляемый и поддерживаемый нормами права порядок выступает формой общественных отношений, в силу чего посягательство на защищаемое уголовным правом общественное отношение представляет собой и посягательство на правовые отношения,

в себя момент уникального, выступающего в обществе одним из факторов развития типизированного". (Перфильев М. Н. Общественные отношения. Методологические и социологические проблемы. Л., 1974. С. 109.)

¹Иванов В. Н. Социология сегодня. М., 1989. С. 10.

²См.: Осипов Г. В. Социология и социализм. М., 1990. С. 66–69.

нарушение правопорядка есть нарушение правовой формы, "оболочки" общественных отношений. Считая, что в результате совершения преступления не может быть нарушена лишь правовая «оболочка» общественных отношений без причинения ущерба самим общественным отношениям, В. С. Прохоров исходит из того, что «правовая сторона общественных отношений не есть нечто внешнее по отношению к их собственному содержанию, т. е. нечто искусственно созданное и механически надетое на общественные отношения, а, напротив, представляет собой лишь более или менее адекватное отражение их внутренней урегулированности и порядка, «оболочку», не нарушая самого содержания общественных отношений. Когда говорят, что первична сама социальная связь, фактическое общественное отношение, а социальная норма, правоотношение (если норма правовая) вторичны, то тем самым лишь подчеркивают, что содержание (социальная связь) предопределяет форму (нормативность в том или ином ее проявлении), но вовсе не утверждает возможности (даже временной!) существования «бесформенного содержания» или «бессодержательной формы». Поэтому можно согласиться с утверждением, что объектом правонарушения является правопорядок, если, разумеется, не рассматривать правопорядок как «второй», «дополнительный» объект преступления наряду с общественными отношениями. Лишь в рамках единого целого можно анализировать общественное отношение, выделяя его «фактическую» и «правовую» стороны»¹.

Для представителей всех трех рассмотренных концепций трактовки общественных отношений в качестве объекта преступления в качестве формы последних выступают норма права, правоотношение, правопорядок, субъективное право. Если в отечественной юридической литературе во второй половине XIX – начале XX в. в одних работах юридическим явлениям придавалось значение самостоятельного объекта посягательства, а в других – лишь одной из его характеристик, признаков и т. п., то в последующем они стали рассматриваться в качестве формы объекта посягательства общественных отношений. Проблема, однако, в том, что в общей теории права юридическое предстает то как форма, то как юридическое содержание правоотношения. Если учесть, что и взаимосвязь общественного отношения с правоотношением трактуется весьма различно, то сама идея признания юридических признаков формой общественного отношения требует своего дальнейшего осмысления.

Нечто подобное произошло и с характеристикой содержания общественного отношения. В досоциалистической литературе первоначально «фактический» («непосредственный», «ближайший» и т. п.) объект преступления увязывался с людьми и принадлежащим им имуществом,

¹Прохоров В. С. Указ. соч. С. 56.

отношениями между ними, их интересами, и только в начале XX в. стало традицией все это обозначать единым термином «благо». Некоторое время и в советской юридической литературе объектом преступления назывались разные ценности: интересы трудящихся, имущество и т. п. Впервые наиболее отчетливо попытка объединить их была предпринята Б. С. Никифоровым, который предложил включать в понятие общественных отношений в качестве составных частей участников общественных отношений, их носителей или субъектов, сами по себе отношения между участниками и условия реализации возможности нормального существования и функционирования социальных установлений. Касаясь вопроса о предмете преступления, автор пришел к выводу, что предмет преступления – это всего лишь составная часть объекта преступления, общественного отношения. «Отношения между людьми в обществе, – писал он, – часто включают в себя различного рода состояния и процессы и разнообразные предметы материального и нематериального мира – орудия и средства труда, его предмет и результаты, различного рода документы, всякого рода сведения и т. д. Не будучи сами по себе общественными отношениями, они в соответствующих случаях входят в «состав» этих последних и являются их неотъемлемой частью. Именно потому, что такие предметы, вещи и состояния сами по себе не являются общественными отношениями, они могут входить в состав различных общественных отношений»¹. Аналогичным образом было признано целесообразным раскрывать взаимосвязь общественных отношений и социальных интересов. Интерпретируя последние по сути дела как обеспечиваемые правом возможности и считая неправильным положение, согласно которому уголовное право охраняет не общественные отношения, а интересы, автор утверждал: "... охраняя интересы, оно тем самым охраняет... общественные отношения, причем не в конечном счете, не «опосредованно», а самым непосредственным образом. При правильном определении этих интересов обнаруживается, что они образуют составную часть... общественных отношений, а не нечто, лежащее за их пределами»².

Пожалуй, вряд ли будет преувеличением сказать, что идея включения в содержание общественных отношений всего того, что прежде претендовало на роль объекта преступления, в данной работе была центральной. Ориентируя исследователей на учет внутренней структуры «строения» общественных отношений, такой подход, казалось бы, давал основание для выработки единого взгляда на решение проблемы понятия объекта преступления, в том числе и применительно к наиболее часто встречающейся в юридической литературе его характеристике как некоторого рода интересов. В действительности все оказалось иначе. В последующем ряд ученых поддержали положение о том, что охраняемые уголовным законом

¹Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С.132.

²Там же. С. 73.

интересы суть составная часть общественного отношения. Предпочитая отводить интересам роль важнейшего составного элемента общественного отношения, его «ядра», Е. Каиржанов считал более правильным усматривать в интересе «социальное благо» или совокупность таких благ, объективно необходимых и полезных для индивида, класса, государства, общества. Считая положение об интересе как составной части общественного отношения наиболее ценным в концепции Б. С. Никифорова, Н. И. Коржанский счел нужным уточнить, что «возможность определенного поведения субъектов социальной жизни является не элементом объекта, не составной частью общественных отношений, а содержанием этих последних, и поскольку преступление нарушает реализацию названных возможностей, то она и есть объект преступления». Не усматривая каких-либо противоречий с отстаиваемым тезисом о том, что всякое преступление посягает на общественные отношения, а не что-либо иное, автор сконструировал дефиницию объекта преступления как обеспеченной обществом субъектам общественных отношений возможности соответствующего интересам общества поведения его членов, групп, классов или их состояния¹.

Не без оснований усмотрев в такого рода взглядах подмену одного понятия (общественного отношения) другим, В. К. Глистин охарактеризовал их как глубоко ошибочные. Ссылаясь на общетеоретическую трактовку, он, возражая Н. И. Коржанскому, заметил: «Непосредственно посягнуть на «интерес», как и на право или правовое «благо», невозможно. Механизм причинения вреда всегда связан с воздействием преступника на какие-либо элементы общественного отношения – на его субъект, на его деятельность или предмет отношения. Интерес же нарушается лишь через посредство разрушения охраняемого отношения либо через создание противоречащего интересам общества отношения»². Несколько иное решение вопроса предложил В. Я. Тацкий. По его мнению, интерес есть некоторого рода социальный феномен, выступающий результатом, «продуктом» деятельности общественных отношений, ими порождаемый, но являющийся не составной частью (основой, «ядром» и т. п.) структуры общественной. отношения, а в определенной мере самостоятельным явлением. Разделяя тезис о том, что общественные отношения – единственный объект преступления, автор одновременно делал акцент на их тесной взаимосвязи с интересами и обосновывал мысль о допустимости признания интереса объектом некоторого рода преступлений: «Необходимость использования интереса для определения объекта конкретного преступления возникает не во всех случаях, а только тогда, когда в качестве объекта законодателем определены те общественные отношения, которые по своей природе скрыты от непосредственного восприятия. Но при этом нельзя забывать об условности

¹См.: Коржанский Н. И. Указ- соч. С. 43.

²Глистин В. К. Указ. соч. С. 82.

подобного решения вопроса. Когда мы определяем объект посредством указания на соответствующий интерес, то тем самым не подменяем общественное отношение как объект преступления его интересом. Объектом любого преступления (как общим, так и родовым или непосредственным) являются только охраняемые уголовным законом социалистические общественные отношения. Когда мы указываем на интерес как на объект соответствующего преступления, то одновременно подразумеваем и те поставленные под охрану уголовного закона «невидимые» общественные отношения, которые стоят за соответствующим интересом... Следовательно, практическая значимость предложенного решения вопроса заключается в том, что оно позволяет установить незримый объект, изучить его и использовать полученные знания в практической деятельности»¹.

Включение в содержание общественных отношений всего того, с чем в начале XX в. связывалось возможное толкование объекта преступления, не сняло с повестки дня вопрос о существовании взаимосвязи объекта преступления с тем, что прежде обозначалось как благо, а затем стало рассматриваться как предмет преступления. Следуя какой-то одной из трех вышеуказанных трактовок общественных отношений, ученые по-разному восприняли представления о взаимосвязи объекта и предмета преступления как взаимосвязи целого и части. Как уже отмечалось, в концепции А. А. Пионтковского вообще не усматривается оснований для разграничения предмета и непосредственного объекта преступления. Но обращает на себя внимание не только это: совершение преступления в ней увязывается с оказанием деянием непосредственного воздействия не на сами по себе общественные отношения, а на то, что, по мнению автора, мы можем непосредственно воспринимать (имущество, здоровье, свободу, представителя власти). Если в данном случае решение вопроса о взаимосвязи предмета преступления и общественных отношений еще можно истолковать по-разному, то интерпретация общественных отношений как объекта преступления, отстаиваемая В. С. Прохоровым, в этом смысле вполне однозначна. Возражая против мнения, согласно которому наряду с деятельностью людей компонентом (структурным элементом) общественных отношений является их предмет, что бы под ним ни понималось (вещи, богатства природы, приобретения человеческой мысли, институты власти и т. д.), автор пишет: «Действительно, общественные отношения – это всегда такие социальные связи, которые опосредованы ... «социальными предметами». В качестве таких социальных предметов могут выступать либо средства производства и его продукты, либо такие вторичные факторы, как государственная власть, нормы права и морали, эстетические ценности, предметы религиозного культа и т. п. Однако то, по поводу чего

¹Таций В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 77.

складываются общественные отношения, вовсе не является элементом самого отношения. Предметность общественных отношений не означает, что они вещественны, т. е. существуют как вещи или включают их как свою органическую часть. Общественные отношения лишь обусловлены «социальными предметами», и каждое из них предполагает «свой» предмет, как и сам предмет – общественное отношение»¹. Следуя логике суждений В. С. Прохорова, придется признать, что по тем же самым соображениям из содержания общественных отношений должны быть исключены не только их предмет, но и участники.

Видимо, нежелание видеть в общественных отношениях лишь социальные связи побудило большинство ученых поддержать мысль о включении предмета преступления в «состав» общественного отношения. Но это вовсе не означало, что такой подход позволил его сторонникам решить вопрос о том, какую именно роль играет предмет преступления в структуре общественного отношения, рассматриваемого в качестве объекта преступления. Полагая, что общественное отношение может быть нарушено лишь путем непосредственного воздействия на его составную часть, некоторые авторы пришли к выводу, согласно которому предметом преступления нужно признавать любой элемент общественного отношения (участника, его деятельность, вещь), подчеркивая при этом, что так называемых беспредметных преступлений не существует, ибо совершить посягательство на общественное отношение невозможно без воздействия на его элементы, т. е. на предметы посягательства. О непосредственно оказываемом на предмет преступления воздействии говорят и авторы, усматривающие в нем лишь материальные элементы общественного отношения и не исключающие существования преступлений, не имеющих своего предмета. Существует и такая точка зрения, согласно которой предмет преступления есть всегда то, по поводу чего складываются отношения между людьми, т. е. предмет общественного отношения. И, наконец, особую позицию по данному вопросу занял В. Я. Таций, высказавшийся в пользу того, что «применительно к потребностям уголовного права необходимо выделять три группы предметов (или предмет имеет тройное значение): 1) предмет охраняемого общественного отношения; 2) предмет преступления; 3) предмет преступного воздействия»². По мнению автора, в первом случае предмет – это все то, по поводу чего или в связи с чем существует само общественное отношение; во втором – любые вещи материального мира, с определенными свойствами которых уголовный закон связывает наличие в действиях лица конкретного состава преступления; в третьем – тот элемент общественного отношения, который подвергается непосредственному преступному воздействию и которому, следовательно, причиняется вред

¹Прохоров В. С. Указ. соч. С. 41–42.

²Таций В. Я. Указ. соч. С. 58.

прежде всего.

Безусловно, само по себе расхождение мнений, обнаруживаемое на протяжении более ста лет в представлениях об объекте преступления, в том числе и о его соотношении с предметом посягательства, не есть доказательство несостоятельности. Вместе с тем это вполне закономерно порождает вопрос: что является источником такого расхождения? Можно было бы предположить, что это связано со сложностью и недостаточной разработанностью категории общественных отношений. Однако вряд ли будет правильным априорно именовать что-либо объектом преступления, не объясняя, почему оно должно быть признано таковым. Весь предшествующий анализ как раз свидетельствует о том, что в учении об объекте преступления дискуссии велись о сути того, что способно обладать свойством объекта, но не того, что составляет суть самого понятия объекта преступления.

Если вникнуть в логику рассуждения авторов, усматривающих в объекте преступления общественные отношения, то нетрудно обнаружить две исходные посылки:

а) объектом преступления должно признаваться то, чему преступление причиняет вред или создает угрозу его причинения. Такое явление, которому не может быть причинен ущерб, не нуждается в уголовно-правовой охране;

б) любое преступление наносит или создает угрозу несения вреда именно общественным отношениям, а не чему-либо иному (нормам права, правовому благу, имуществу и т. д.).

Обоснованность сделанного вывода вряд ли вызывала бы какие-либо сомнения, будь каждая из этих посылок верной. Но дело в том и состоит, что обе они нуждаются существенных уточнениях, ибо в недостаточной мере учитывают смысловое значение в одном случае категории «объект», в другом – термина «вред». В чем конкретно это проявляется, будет рассмотрено ниже. Здесь же уместно обратить внимание на так называемый механизм причинения вреда общественным отношениям, о котором пишут сторонники всех рассмотренных выше точек зрения и который, думается, особенно полно описан в работе В. С. Прохорова. Настаивая на том, что любое преступление, вне зависимости от его законодательной конструкции и от того, удалось ли преступнику довести задуманное до конца или же преступная деятельность была прервана на стадии покушения или приготовления, разрывает общественно необходимую связь субъекта преступления с другими людьми, нарушая тем самым урегулированность и порядок, внутренне присущий всем общественным отношениям, В. С. Прохоров пишет: «Каждое лицо, совершившее преступление, является субъектом того конкретного отношения, на которое посягает его деяние. Само деяние, независимо от того, какие изменения оно производит во внешнем мире и какова форма его проявления, «взрывает» это отношение изнутри. Этот «взрыв» происходит

непосредственно в «ядре» общественного отношения, в его содержании». Ссылаясь на неоднократно высказывавшееся в литературе положение, согласно которому те, от кого охраняются общественные отношения, не являются посторонними для этих отношений лицами, автор подчеркивает, что если это так, если общественные отношения складываются из реальных действий людей, а следовательно, именно действия – их структурные элементы, то совершить действие – значит с неизбежностью нарушить указанные отношения. Объект преступления – это не мишень, пробитая пулей, а живая ткань общественного организма, куда внедрилась раковая клетка социальной патологии¹.

Некоторые нюансы обнаруживаются и в представлениях о другой стороне (другом участнике) общественного отношения. В некоторых работах говорится о том, что ею выступает виновный, и при этом не уточняется, насколько часто это имеет место в преступлениях (В. Я. Таций). По мнению других авторов (Н. И. Коржанский), виновное лицо является субъектом изменяемого им отношения «во многих случаях»: в преступлениях, причиняющих вред обороноспособности страны, экономике, правосудию, личности, трудовым правам граждан и некоторым другим общественным отношениям, В. К. Глистин исходит из того, что правонарушитель, посягающий на существующие социальные отношения, как правило, является «носителем (субъектом) общественных отношений». Поясняя механизм посягательства на общественные отношения как объект преступления на примере ранее действовавшей нормы об ответственности за обман покупателей и заказчиков, автор пишет: «На одном «конце» этого отношения – покупатель, на другом – представитель торговой организации, Предмет отношения – установленный порядок отпуска товаров... Нарушение порядка продажи продукции представителем торговой организации, т. е. изменение предписанного законом и социально одобряемого поведения, «изнутри» разрушает отношение. Круг лиц, которые могут совершать нарушения отношения, ограничен рамками самого отношения»²,

Для рассматриваемой концепции объекта преступления подобного рода представления о «механизме» причинения вреда общественным отношениям выглядят логичными, ибо, выступая как некоторого рода целое, они не могут не включать в себя определенные элементы. Вполне объяснимым следует признать и стремление приверженцев рассматриваемой концепции включить в число таких элементов участников (носителей) общественного отношения, его содержание и предмет. Наконец, не должны вызывать возражений и часто высказываемые в этой связи утверждения, согласно которым характеристика участников общественного отношения предполагает выявление и учет признаков субъекта преступления, с одной стороны, и потерпевшего – с

¹См.: Прохоров В. С. Указ. соч. С. 50–51.

²Глистин В. К. Указ. соч. С. 40.

другой; содержания общественного отношения – прав и обязанностей участников – и их фактического поведения; предмета отношения – того, по поводу чего оно возникает. Но, в принципе соглашаясь с подобными рода представлениями о структуре общественного отношения, неизбежно придется констатировать и иное: признание за ним роли объекта преступления влечет за собой и соответствующее понимание структуры этого объекта, что представляется неприемлемым по следующим причинам.

Не оспаривая положений, согласно которым состав преступления включает в себя в качестве самостоятельных составных частей объект, субъект, объективную (в частности, деяние) и субъективную стороны посягательства, с одной стороны, и характеризуя объект преступления как общественные отношения, посягательство на которые осуществляется изнутри, – с другой, сторонники такой точки зрения обычно не замечают возникающего логического противоречия, связанного с понятием субъекта преступления. В учении о составе преступления его объект и субъект выступают как самостоятельные элементы, пусть даже и неразрывно связанные друг с другом. В учении же об объекте преступления субъект признается участником общественного отношения, на которое он посягает изнутри, и, стало быть, играет роль уже элемента не состава преступления, а общественного отношения, т. е. объекта преступления. То же происходит и с деянием (действием). В итоге в теории состава преступления субъект и совершаемое им деяние не поглощаются объектом, в то время как в концепции «объект преступления есть общественные отношения» они оказываются его внутренними образованиями. Далее, при более внимательном осмыслении того, как ныне в литературе характеризуется «механизм» взрыва общественного отношения изнутри, приходится в конечном счете вопреки здравому смыслу констатировать, что не общественные отношения (объект посягательства) служат элементом преступления, а по сути дела само преступление есть внутренняя часть общественного отношения (объекта посягательства).

Надо полагать, что неразрешимость уже давно поставленных вопросов, сопряженная с явным несоответствием с бытующими представлениями о составе преступления, может и должна служить достаточным основанием для критического восприятия еще не так давно декларировавшегося единства взглядов на объект преступления как некоторого рода общественные отношения. Об этом автор настоящих строк писал еще в 1992 г., делая акцент на уяснении именно гносеологических, а не идеологических истоков данной концепции¹. В последнее десятилетие за необходимость ее пересмотра

¹ Уголовное право. Часть Общая. В 4 т. Т. 2. Пределы и виды дифференциации уголовной ответственности. Екатеринбург, 1992. С. 3 – 13. В части, касающейся обоснованности классификации объектов преступления, вопрос ставился еще раньше. См.: Ковалев М. И., Козаченко И. Я., Новоселов Г. П. О так называемой классификации объектов на общий, родовый и непосредственный // Правоведение. 1987. № 2.

высказались и другие ученые, и большей частью в связи с потребностью деидеологизации учения о составе преступления. Подобного рода мотивы, конечно же, нельзя сбрасывать со счета. Однако если их считать единственной причиной, которую в последующем следует иметь в виду при разработке учения об объекте преступления, то вряд ли удастся избежать ситуаций, когда, как говорят, на одни и те же грабли наступают дважды. Без преувеличения можно сказать, что в настоящее время в пору говорить об обозначившейся в отечественной юридической литературе тенденции к негативной оценке признания общественных отношений объектом преступления. Но что предлагается взамен? А по сути дела то же, что в начале XX в. называлось правовым благом, а в советской литературе – общественными отношениями и подразумевало различного рода ценности, интересы, субъективные права и т. п. Так, например, А. В. Наумов исходит из того, что теория объекта преступления как общественных отношений, охраняемых уголовным законом, не может быть признана универсальной, считает «возможным возвращение к теории объекта как правового блага, созданной еще в конце прошлого века в рамках классической и социологической школы уголовного права»¹. Такая точка зрения нашла поддержку со стороны А. В. Пашковской, которая, отмечая, что концептуально позиция Н. С. Таганцева «представляется наиболее верной и сохраняющей свое значение, несмотря на прошествование без малого сотни лет», делает вывод: объект преступления – это охраняемые уголовным законом социально значимые ценности, интересы, блага, на которые посягает лицо, совершившее преступление, и которым в результате совершения преступного деяния причиняется или может быть причинен вред»². Таким образом, с легкостью когда-то объявив теории объекта преступления начала XX в. неприемлемыми, отечественная юридическая наука сегодня с той же легкостью демонстрирует готовность признать их единственно возможными.

Глава 3. Люди как объект преступления

Безусловно, учение об объекте преступления должно считаться с тем значением, с каким категория «объект» используется в общетеоретической литературе: это то, что противостоит человеку в его деятельности, на что она направлена³. Используемое уже не одно тысячелетие, данное определение в последнее время наполняется новым, более широким содержанием, и если не так давно в объекте виделась лишь некоторого рода вещь, то с некоторых пор возобладало убеждение, что это не совсем правильно, поскольку объектом

¹Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 147.

²Курс уголовного права. Общая часть / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1. М., 1999. С. 201.

³Анализ связанных с понятием объекта преступления философских категорий см.: Каиржанов Е. Указ. соч. С. 10–18.

может выступать не только вещь, но и сам субъект¹. Очевидно, однако, что сам по себе учет общих положений, в том числе и о соотношении категорий «объект» и «субъект», еще не гарантирует получения ответов на все вопросы, возникающие в частных науках. Это касается не только, например, проблемы взаимосвязи объекта с предметом в той или иной интересующей исследователя деятельности, но и существа самого конструктивного признака понятия объекта как такового². Во всяком случае факт остается фактом: в качестве конструктивного признака понятия объекта преступления обычно усматривается одновременно и то, что нарушается преступлением, и то, что подвергается воздействию в процессе его совершения, и то, что изменяется в результате такого воздействия, и то, что требует своей уголовно-правовой охраны, и, наконец, то, что терпит вред. Конечно, все эти характеристики важны и тесно взаимосвязаны. Но все дело в том и состоит, что каждая из них раскрывает свой аспект понятия преступления, его отдельно значимое свойство. Если нас интересует не сам по себе процесс совершения преступления, а, допустим, механизм уголовно-правового регулирования, то в рамках задач, решаемых законодателем, мы можем и должны дать ответ на вопрос, что именно им ставится под уголовно-правовую охрану. И все же, сколько бы общего ни обнаруживалось в объектах преступления, с одной стороны, и уголовно-правовой охраны – с другой, они в любом случае предполагают разные виды деятельности, и, прежде чем решать вопрос о наличии или отсутствии тождества у данных объектов, необходимо сначала определиться с конструктивными признаками каждого из них. Аналогичным образом обстоит дело и с иными характеристиками преступления, в том числе того, на что именно оказывается воздействие, или того, что видоизменяется в результате такого воздействия. Полагая, что нарушаемое, изменяемое, охраняемое и подвергающееся воздействию лишь связано с понятием объекта преступления, но его конструктивным признаком не является, есть вместе с тем все основания утверждать: в основу разработки понятия объекта преступления должно быть положено решение вопроса о сущности и направленности вреда, который причиняется или может быть причинен в результате совершения уголовно наказуемого деяния.

Тезис о том, что объектом преступления должно признаваться именно то, чему преступлением причиняется или создается угроза причинения вреда, – положение, которое не раз высказывалось в отечественной уголовно-

¹Подробнее см.: Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981. С. 149–152; Любутин К. Я. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. М., 1981. С. 229–230.

²Имея в виду соотношение объекта и предмета, К. Х. Момджян применительно к понятию последнего отмечает, что в обществоведческой литературе оно используется «как субстанциональная характеристика объекта познания (предмет науки); для характеристики субъект-объектной связи в аспекте воплощения в объекте (в том числе идеальном) сущностных сил субъекта (опредмечивание); как специфическое определение опосредованного объекта (предмета труда) и т. д.» (Момджян К. Х. Категории исторического материализма: системность, развитие. М., 1956. С. 131–132).

правовой литературе как на уровне общей посылки, так и на уровне разграничения объекта и предмета преступления. Но это еще не означает, что данный тезис реализовывался последовательно. Нужно ли доказывать тот факт, то, связывая разработку понятия объекта преступления причиняемым посягательством вредом (ущербом и т. п.), мы должны сначала определиться с тем, что такое преступный вред, и лишь затем с учетом сделанного вывода конструировать понятие объекта преступления? В силу очевидности решения данного вопроса его постановка кажется излишней. Тем не менее соответствующий акцент здесь не лишен актуальности: «Смысл теоретического анализа объекта преступления, – утверждает В. К. Глистин, – состоит в том, чтобы уяснить сущность вреда, причиняемого конкретным деянием, отделить значимый, определенный рамками конкретного состава вред от того вреда, который стоит за пределами состава, а таковой всегда имеется, поскольку преступление нарушает находящееся во всеобщей связи конкретное отношение, и, очевидно, в частном деянии не только невозможно, но и противозаконно с позиций действующего права обвинять преступника в определенно не исчисленном вреде»¹. Данное положение верно выражает фактически сложившийся в отечественной юридической литературе подход к решению проблем объекта преступления и преступного вреда, однако его трудно не назвать нелогичным. Конечно, не может быть двух мнений относительно того, что понятия объекта преступления и преступного вреда связаны. Однако, определяясь с их приоритетом по отношению друг к другу, нельзя не подчеркнуть: не представления о преступном вреде должны ставиться в зависимость от того, как интерпретируется объект преступления, а напротив, представления об объекте преступления должны быть обусловлены, решением вопроса о сущности преступного вреда.

Думается, что существующие ныне в отечественной юридической литературе взгляды на понятие преступного вреда во многом объясняются именно тем, что их авторы следуют подходу, при котором, как говорится, телега ставится впереди лошади. Не усматривая никаких принципиальных различий между преступным вредом и преступными последствиями, в уголовно-правовой науке применительно к последним нередко можно встретить определения, построенные по принципу: это есть некоторого рода ущерб, наносимый виновным деянием, от причинения которого соответствующие общественные отношения охраняются средствами уголовного права²; «негативные изменения в объекте вследствие преступного деяния»³; «вредные изменения в объекте преступного посягательства»⁴, и т. д. Явно просматривающееся в приведенных формулировках намерение увязать

¹Глистин В. К. Указ. соч. С. 58.

²См.: Мальцев В. В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов, 1989. С. 27.

³Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. В. Н. Петрашова. М., 1999. С. 162.

⁴Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. С. 331.

преступные последствия с изменениями в объекте посягательства игнорирует факт, не требующий доказательств: преступные последствия есть причинно связанные с содеянным любые изменения окружающего мира, где бы (в природе, имуществе, документах, здоровье человека и т. д.) они ни происходили и какой бы (физический, химический и т.д.) характер ни носили.

Не отвечающее естественно - научным знаниям толкование преступных последствий как некоторого рода изменений объекта преступления не могло не породить весьма противоречивые представления о месте преступных последствий в составе преступления. Вынужденные ставить под сомнение традиционный взгляд на то, что они относятся к его объективной стороне, некоторые авторы стали говорить о принадлежности последствий одновременно и действию, и объекту¹. Еще дальше пошел Ю. И. Ляпунов, который, оспаривая бытующее мнение, пишет: «Суть дела состоит в том, что последствие, будучи качественно явлением, чем породившее его действие, ни одной своей гранью не находится в границах внешних физических форм преступного посягательства. Последствие находится в пределах объективной стороны лишь в потенции, существуя здесь в форме реальной возможности, но не действительности. Последствие же – это объективно и реально существующий факт, это – действительность, объективированная вовне. Превращение возможности наступления последствий в действительность – это тот этап в развитии причинно-следственных связей, на котором последствия навсегда покидают пределы объективной стороны и вредоносно врываются в сферу объекта уголовно-правовой охраны... Отсюда следует вывод: то, что заложено в действии в виде потенции последствий, а также то, что характеризует механизм их возникновения (этапы и звенья развития причинно-следственной зависимости во времени и пространстве), относится к объективной стороне. Однако сущностная определенность последствий как факта социальной действительности, как реализованной возможности их наступления всецело принадлежит сфере объекта уголовно-правовой охраны»².

Нередко в отечественной уголовно-правовой литературе предлагаются несколько иные дефиниции преступных последствий: это «ущерб, от причинения которого соответствующие общественные отношения

¹«Если действие в широком смысле причинения или создания опасности причинения ущерба объекту соединяет субъекта с этим последним, – писал Б. С. Никифоров, – то сам ущерб как последствие действия представляет собой соединительное звено между действием в узком смысле (осознанным актом внешнего поведения) и объектом преступления. Лишение жизни при убийстве есть в одно и то же время и последствие действия преступника, и ... ущерб охраняемому уголовным законом объекту... Завладение имуществом при краже представляет собой результат действия – последствие хищения этого имущества и в то же время – форму лишения потерпевшего возможности использовать имущество по своей воли и в своем интересе» (Никифоров Б. С. Указ. соч. С.141).

²Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права: Учебное пособие. М., 1989. С. 81–82.

охраняются средствами уголовного права»¹; «вред, причиненный преступной деятельностью человека общественным отношениям, охраняемым уголовным законом»²; «общественно опасный ущерб, отражающий свойства преступного деяния и объекта посягательства, наносимый виновным поведением, от причинения которого соответствующие общественные отношения охраняются средствами уголовного права»³, и т. п. Не снимая вопроса о месте преступных последствий в составе преступления, подобного рода дефиниции также небезупречны. Учитывая, что преступный вред есть менее общее понятие, чем понятие преступных последствий, и в соответствии с законами логики нужно не второе определять через первое, а наоборот, преступный вред нужно рассматривать как частный случай преступных последствий. Главное, однако, не в этом, а в том, что отличает одно от другого.

К сожалению, в литературе этот вопрос не только не ставится вообще, но и оба данных понятия обычно используются как синонимы. Чем иным, как не отождествлением понятий, можно объяснить споры, которые возникают, например, при характеристике преступных последствий имущественного преступления, когда они одними авторами сводятся к причиняемому ущербу (лишению возможности собственника распоряжаться вещью по своему усмотрению), другими – дополнительно указывается еще и на получение виновным материального дохода, выгоды (возможности распоряжаться чужим имуществом в своих интересах). Исключать последнее из числа преступных последствий – значит не только не считаться с реальным смыслом термина «последствие», но и вновь оставлять открытым вопрос о месте признака «извлечение дохода» в структуре состава преступления, в частности, применительно к уголовно наказуемой незаконной банковской деятельности (ст. 172 УК РФ).

Та же самая причина – отождествление преступных последствий и преступного вреда – послужила основным источником дискуссии и по поводу возможности существования так называемых беспоследственных преступлений. Отрицая ее, иногда ссылаются на аргумент А. Н. Трайнина, который утверждал, что посягнуть – всегда означает нанести в той или иной форме и мере ущерб объекту: посягательство, не несущее за собой ущерба, перестает быть самим собой: оно уже не «посягает». «Единственное, от чего уголовный закон охраняет и может охранять объект – общественную ценность – это от ущерба»⁴. Обоснованно посчитав нужным уточнить постановку вопроса, Е. А. Фролов в этой связи заметил, что следует различать два аспекта взаимосвязи понятий «состав преступления», «объект» и «преступные последствия». «С одной стороны, – писал он, – нужно

¹Фролов Е. А. Объект и преступные последствия при посягательствах на социалистическую собственность // Ученые труды Свердловского юридического института. Вып. 8. Свердловск. 1968 С. 111.

²Михлин А. С. Последствия преступления, М., 1969. С. 16.

³Мальцев В. В. Указ. соч. С. 27.

⁴Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 191.

рассматривать соотношение объекта и общественно опасного последствия, ущерба с точки зрения мотивов, точнее, объективных оснований установления уголовной ответственности за те или иные поступки. В этом плане их взаимосвязь действительно представляется абсолютно неразрывной, так как определенные общественные отношения лишь постольку объявляются объектом уголовно-правовой охраны, поскольку они защищаются от причинения им того или иного ущерба, и, наоборот, определенные действия лишь потому признаются преступными, что они причиняют или способны причинить вред...». «Иное дело, – продолжал автор, – соотношение общественно опасного результата и состава преступления. Законодатель в ряде случаев, учитывая важность объекта, тяжесть возможного ущерба и т. п. устанавливает уголовную ответственность уже за одно поставление объекта в опасность причинения вреда, за создание реальной возможности наступления общественно опасных последствий»¹. Если бы при этом не упускалось из виду, что поставление в опасность причинения вреда объекту есть не что иное, как разновидность преступных последствий, и к тому же не ставился знак равенства между ними и причиняемым преступлением вредом, то, вполне возможно, Е. А. Фролов не стал бы возражать против того, что всякое преступление неизбежно влечет за собой какие-то преступные последствия. Однако преступные последствия не есть преступный вред, и, стало быть, вывод напрашивается такой: так называемых беспоследственных преступлений не существует в принципе, по определению, но существуют преступления, которые не причинили реального вреда, хотя при определенных условиях могли его причинить.

Именно с позиций нетождественности преступных последствий и преступного вреда необходимо подходить к решению вопроса о взаимосвязи понятий объекта и предмета преступления. Как факт объективной действительности, преступные последствия могут представлять уголовно-правовой интерес двоякого рода: с точки зрения причины, их порождающей, и с точки зрения того, какое они имеют значение. Имея в виду первый ракурс, нужно заметить, что в уголовно-правовой литературе причиной преступных последствий принято называть деяние, точнее, совершение деяния. Подобного рода представления, однако, сильно упрощают реальный механизм причинно-следственных отношений и имеют мало общего с методологическим решением данного вопроса, согласно которому истинной причиной всякого рода изменений является взаимодействие чего-либо с чем-либо. Это положение, казалось бы, прямо не касающееся интересующей нас проблемы, на самом деле чрезвычайно важно в том плане, что позволяет уяснить себе место предмета в механизме преступного посягательства. Когда преступные последствия воспринимаются как результат совершения

¹Фролов Е. А. Указ. соч. С. 109–110.

виновным действия или бездействия, о месте предмета в процессе посягательства трудно сказать что-либо определенное. Решение вопроса проясняется, если преступные последствия характеризуются как результат взаимодействия, ибо во всяком взаимодействии предполагается несколько сторон, одна из которых при совершении преступления – сам действующий виновный, а другая – предмет посягательства, или, точнее, предмет действия (бездействия). Не будет лишним подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о социальном, а, скажем так, о физическом (т. е. изучаемом в рамках естествознания) взаимодействии. Думается, что оно как раз и имеется в виду в случаях, когда в юридической литературе при разграничении объекта и предмета с последним увязывается оказание на него непосредственного воздействия. Принимая во внимание то, что в структуре преступного посягательства его предмет должен характеризоваться именно в качестве одной из сторон взаимодействия, вызывающего какие-либо изменения в окружающем мире, можно поддержать положение, согласно которому предмет преступления всегда есть нечто, подвергающееся преступному воздействию со стороны виновного.

Определяясь в связи с этим с причинами дискуссии, возникшей по поводу включения в понятие предмета преступления признака материальности, следует предположить, что они заключены главным образом в разном представлении о содержании термина «воздействие». Не вызывает сомнений, что данным термином охватываются такие действия виновного, в результате которых происходит изменение свойств самого предмета преступления: их утрата (прекращение жизнедеятельности организма, уничтожение или повреждение имущества, загрязнение окружающей среды и т. п.) либо появление (фальшивомонетничество, незаконное изготовление оружия или государственных пробирных клейм и др.). Однако существует немало составов преступлений, в которых изменение в самом предмете может не происходить: похищение чужого имущества, незаконное перемещение товаров через таможенную границу и т. д. Включаются ли такого рода действия с предметом в содержание термина «воздействие»? Думается, что и здесь относительно положительного решения такого вопроса не должно быть двух мнений. Вряд ли есть основания для сомнений в справедливости признания наличия воздействия при совершении преступлений, выражающихся в применении психического насилия, принуждении либо иных способах воздействия (в том числе путем вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, склонения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ) на волю и сознание потерпевшего. Следовательно, под преступным воздействием нужно понимать не только физический контакт, но и все иные формы незаконного обращения виновного с предметом преступления. Возможно, со временем наука сможет каким-то образом систематизировать все такие

формы, но главное в другом: в том, что любая человеческая деятельность носит предметный характер, и преступление, как ее разновидность, не есть исключение в этом смысле.

Полагая, что оказание воздействия – необходимый элемент понятия предмета преступления, было бы ошибкой утверждать, что оно исчерпывается только данным признаком. Не так уж важно, чем именно будет назван предмет преступления – благом, ценностью, предметом общественных отношений (тем, по поводу чего они складываются), суть остается одна: основным свойством предмета является его способность удовлетворять различного рода потребности людей. Безусловно, нельзя не согласиться с важностью юридической характеристики предмета преступления, на которой акцентирует внимание В. Я. Таций. Но можно ли в дефинициях предмета преступления ограничиваться лишь ею и тем более противопоставлять его предмету общественных отношений и предмету преступного воздействия? Способность чего-либо служить предметом преступления возникает не в силу предусмотренного законодателем в качестве признака состава преступления, а по объективным причинам, в частности, в силу возможности служить средством удовлетворения потребностей людей и порождать между ними определенные отношения. Думается, что прав В. К. Глистин, подчеркивающий, что вне связи с людьми и общественными отношениями предмет преступления не существует и существовать не может в принципе. Но для определения понятия предмета преступления и этого еще недостаточно, ибо способность чего-либо (блага, ценности и т. п.) быть таковым реализуется в ситуации, когда оно подверглось преступному воздействию, выразившемуся в той или иной форме незаконного обращения с ним со стороны виновного. Иначе говоря, характеризуя понятие предмета преступления, следует не только избегать противопоставления его предмету общественного отношения и предмету преступного воздействия, но, напротив, подчеркивать существующую между ними органическую связь. В качестве предварительного можно предложить определение понятия предмета преступления как различного рода материальных или нематериальных благ (ценностей), способных удовлетворять потребности людей, преступное воздействие на которые (или незаконное обращение с которыми.) причиняет или создает угрозу причинения вреда.

С учетом такого понимания предмета преступления должен, очевидно, соответствующим образом решаться и вопрос об объекте преступления. Как уже отмечалось, принципиальное значение в этой связи приобретает разграничение направленности причиняемого преступлением вреда, с одной стороны, и оказываемого преступного воздействия – с другой. Если исходить из того, что преступный вред и преступные последствия – понятия не тождественные, то вполне логично рассматривать как вред не сами по себе изменения, производимые в результате преступного воздействия, а

некоторого рода их оценку, отражающую значимость данных изменений для людей. Действия человека способны уничтожить, повредить, видоизменить какую-либо вещь, однако изменения окружающей действительности, порождаемые деянием, вне связи с их отношением к человеку не являются отрицательными или положительными. Более того, одни и те же изменения окружающего мира могут иметь неодинаковое, даже противоположное значение для разных лиц, причиняя, например, ущерб собственнику и обогащая виновного, незаконно присвоившего чужое имущество. Полагая, что в понятии вреда всегда отражается не просто физическая характеристика последствий преступления, а их социальная оценка, осуществляемая людьми с точки зрения их интересов, есть все основания утверждать: преступление причиняет или создает угрозу причинения вреда не чему-то (благам, нормам права, отношениям и т. п.), а кому-то, и, следовательно, как объект преступления нужно рассматривать не что-то, а кого-то.

Высказываемые автором настоящих строк представления о предмете (как некоторого рода благах, принадлежащих людям) и объекте преступления (тех, кому эти блага принадлежат) некоторыми учеными были восприняты критически. Называя данную позицию «совсем необычной трактовкой объекта преступления», А. В. Пашковская пишет: «Такое понимание объекта преступления противоречит как позиции законодателя, так и обыкновенному здравому смыслу. Подобная трактовка как бы меняет местами понятие объекта и предмета преступления, необоснованно примешивая сюда и категорию потерпевшего; при этом объект – всегда лицо или множество лиц, предмет – определенные материальные или нематериальные ценности этих лиц. Помимо того, что не совсем ясен смысл такой «рокировки», данная позиция не отвечает главному требованию понятия объекта преступления – определению того, чему именно причиняется или может быть причинен вред в результате преступного посягательства. При таком подходе невозможно разграничить отдельные преступления между собой: так, например, и диверсия, и терроризм совершаются против множества лиц, следовательно, разграничить эти преступления можно только по «предмету» (согласно данной трактовке) – тем ценностям, которым причиняется вред. Именно эти ценности, – утверждает А. В. Пашковская, – и должны признаваться объектом преступления. Смещение же объекта и предмета преступления нивелирует сущность и значение как первого, так и второго»¹,

Не составляет большого труда установить причины, обусловившие возникновение указанных упреков в адрес «совсем необычной трактовки объекта преступления». В первую очередь это касается утверждения А. В. Пашковской, согласно которому критикуемая ею позиция не отвечает главному для понятия объекта преступления: определению того, чему

¹Курс уголовного права. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. Т. 1. С. 199–200.

причиняется или может быть причинен вред в результате преступного посягательства. Считая, что сами ценности, а не их владельцы – объект преступления, автор исходит из тезиса: «Общественно опасные последствия – это определенный вред, ущерб, причиняемый или могущий быть причиненным какому-либо социально значимому благу, интересу»¹. Но, как отмечалось, последствия преступления и их значение – отнюдь не одно и то же. В сущности, последствия преступления всегда представляют собой лишь некоторого рода изменения окружающего мира, возникающие в результате совершения уголовно наказуемого деяния. Конечно же, следствием преступления может быть видоизменение свойств каких-либо ценностей или социальных благ. Однако, во-первых, далеко не всегда посягательство сопряжено с этим, и, во-вторых, видоизменение ценности не есть причинение ей вреда. Сколь бы тесно ни были связаны последствия преступления и преступный вред, их нельзя отождествлять друг с другом, и если следовать такому представлению о них, то признание объектом преступления тех, кому деянием причиняется или создается угроза причинения вреда, становится логичным в не меньшей мере, чем наделение различного рода материях и нематериальных ценностей (благ) способностью играть в процессе преступления роль его предмета. Справедливости ради нужно заметить, что никто и никогда не ставил под сомнение тот факт, что от преступления страдают люди. Почему в таком случае им отбывалось в статусе объекта преступления ? Причины этому разные, но первоначальная и наиболее значимая в методологическом смысле одна – отождествление преступного вреда и преступных последствий. К сожалению, последние всегда мыслились не в своем собственном касте, а одновременно в качестве того, что в результате совершения преступления наносится какой-то конкретный физический, имущественный или иной вред, и в качестве того, что происходит нарушение закона, нормы права, правопорядка и т. п. Именно этим обстоятельством обусловлено появление мысли о всяком преступлении как о деянии, оказывающем двоякое – непосредственное или опосредованное – воздействие, и, как результат, возникновение сначала точки зрения о наличии преступления двух соответствующих (непосредственного и опосредованного) объектов, а затем и единой их интерпретации как некоторого рода правового блага. Отдав предпочтение одной из прежде существовавших трактовок объекта преступления как определенного рода отношений между людьми, советская уголовно-правовая наука фактически исходила из двойственного понимания природы преступных последствий, пытаясь доказать, что преступление одновременно оказывает воздействие на что-либо конкретное (людей, имущество и т. п.) и на общественные отношения (правоотношения, правопорядок и т.п.). Логика, при которой с

¹Там же. С. 198.

двоякого рода преступным воздействием (непосредственным и опосредованным) увязывается два вида преступных последствий (конкретный вред кому-либо и чему-либо и нарушение общественных отношений), а с каждым из этих последствий ассоциируется существование самостоятельного вида преступного вреда, не могла способствовать уяснению сущности не только преступного вреда, но и преступных последствий.

И действительно, что является конструктивным признаком понятия последствий преступления? Очевидно, то, что они суть некоторого рода изменения окружающего мира, возникающие в результате совершения деяния, объявляемого преступным. В советской юридической литературе оставался открытым вопрос о том, почему лишь изменения в объекте преступления суть преступные последствия, но вместе с тем считалось само собой разумеющимся, что деяние способно каким-то образом нарушить общественные отношения и такое нарушение также есть разновидность преступных последствий. В последующем, при анализе объекта уголовно-правовой охраны будет показано, как и почему произошла подмена понятия правовой нормы понятием общественных отношений. Здесь же достаточно лишь констатировать данный факт с тем, чтобы подчеркнуть главное: нарушение преступными деяниями чего-либо (нормы права, правопорядка и т. д.) означает, что лицо, их совершающее, игнорирует, действует в противоречии, не соблюдает это «чего-либо», и не более того. Изъятие, например, имущества при краже, безусловно, причиняет вред собственнику, но не лишает его права собственности на похищенное, точно так же, как не порождает этого права у виновного. Аналогичное происходит и при совершении иных посягательств, следствием которых могут быть изменения в любой сфере жизнедеятельности людей, за исключением правовой. Существующий в обществе особый порядок вступления или отмены юридической силы норм права в объективном и субъективном смысле исключает возможность их изменения и результате деятельности виновного, если только в его компетенцию не входит издание нормативных актов. Поскольку нарушение закона, нормы права и субъективного права есть не более как их несоблюдение (игнорирование), то ни о каком причинении им вреда не может идти речь. Сущность преступного вреда состоит в лишении какого-либо не юридической, а фактической возможности законного удовлетворения своих потребностей¹.

Говоря о причинах вторичного характера, нужно отметить, что явно просматривающееся нежелание отечественной уголовно-правовой науки

¹С этой точки зрения следует согласиться с мнением о том, что правовые явления не могут быть объектом преступления по той причине, что «правовая норма, в том числе уголовно-правовая, не терпит и не может терпеть ущерба от преступления ... Преступление есть деяние, противоречащее норме права, которая всегда (до отмены или изменения ее законодателем) остается неизменной» (см.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. С.277).

признавать людей объектом посягательства объясняется прежде всего нерешенностью вопроса о разграничении понятий объекта и предмета преступления. Как уже отмечалось, во второй половине XIX в. объект преступления нередко определялся как «человеческое лицо», «совокупный индивид» и т. п., но понимался при этом в весьма специфическом смысле: как некоторого рода единство, конгломерат физического или юридического лица и того, что ему принадлежит, как субъект права и одновременно субъективное право. Осознание в начале XX в. необходимости разграничения объекта и предмета, казалось бы, давало все основания для толкования одного как «человеческого лица», а другого – как некоторого рода блага. Не усматривая какой-либо существенной разницы между понятиями «преступный вред» и «преступные последствия», отечественная уголовно-правовая наука пошла по иному пути, интерпретируя предмет преступления как нечто, подвергающееся непосредственному, а объект – опосредованному преступному воздействию. Следует ли удивляться тому, что в конечном итоге возникли неувязки в представлениях только о соотношении объекта и предмета преступления, но и о месте, которое занимают те, кому причиняется или может причиняться вред, в структуре преступного посягательства. Не считая обоснованным признание людей объектом преступления, теория одновременно не усматривала и до настоящего времени не усматривает ничего зазорного в том, чтобы отводить им роль предмета преступления. Примечательно, что такое решение вопроса не вызывает возражений не только у тех, кто рассматривает как предмет преступления любые элементы общественных отношений и тем самым отождествляет с их предметом преступного воздействия, но и у тех, кто настаивает на том, что предмет преступления есть предмет общественного отношения вне зависимости от того, какой именно элемент подвергается преступному воздействию. Заметим также, что в рамках традиционного взгляда на объект преступления некоторые категории лиц вообще не рассматриваются как участники общественных отношений, что, однако, не мешает объявлять их предметом посягательств (незаконная подмена ребенка, купля-продажа несовершеннолетнего и т. п.).

Не будем спорить о том, насколько обоснованно видеть в человеке, как часто утверждается, высшую ценность или даже ранжировать людей по аксиологическим признакам (остается не совсем понятным, для кого человек выступает в качестве ценности, о каком принципе равенства людей в таком случае приходится говорить). В то же время в рамках учения о преступлении сама идея признания людей предметом посягательства выглядит абсолютно беспочвенной в случае, если, следуя разграничению объекта и предмета преступления, первый из них понимается в качестве того, кому причиняется вред, а второй – благами, ценностями, призванными удовлетворять потребности людей. Признание людей предметом преступления (или

предметом общественных отношений) выглядит весьма спорным не только по этическим, но и логическим соображениям. Конечно, было бы ошибочным утверждать, что при совершении убийства, нанесении вреда здоровью виновный не оказывает какого-либо воздействия на другого человека. Но не следует забывать о том, что всякое воздействие носит конкретный характер и оказывается не на человека вообще, а на то или иное неотъемлемое благо, и поэтому ничто не мешает само благо рассматривать предметом, а лицо – объектом посягательства. Стало быть, даже при посягательствах на то, что не существует в отрыве от их носителя, трансформации объекта в предмет преступления не происходит. Что же касается преступных действий в виде подмены ребенка, его похищения, совершения сделок по купле-продаже несовершеннолетних, то, безусловно, виновный в такого рода деяниях фактически относится к ребенку или несовершеннолетнему как к предмету, вещи и т. п. Вместе с тем разве не за такое отношение устанавливается уголовная ответственность? Разве не приобретает человек с рождения какие-то права, защита которых обязанность государства? Верно, что правоспособность несовершеннолетнего носит ограниченный характер. Однако данное ограничение ни в коей мере не касается его защиты в качестве объекта посягательства, которым, по крайней мере с позиций принципа уголовного права, должно признаваться любое лицо вне зависимости от возраста, гражданства, умственного развития, социального положения и т. д. Напротив, признание предметом преступления социальных благ, строго говоря, должно исключать несовершеннолетних из числа тех, кому преступление может причинить вред или создать угрозу его причинения.

Как уже отмечалось, в отечественной юридической литературе в такой постановке вопрос обсуждается лишь применительно к преступлениям против личности. Тем самым вольно или невольно даются основания считать, что во всех иных преступлениях деяние не обладает свойством причинения вреда людям. Но вряд ли есть необходимость доказывать противоположное. Физические лица страдают не только тогда, когда осуществляется посягательство на принадлежащее им неотчуждаемое личное неимущественное благо, в силу чего они лишаются возможности жить либо возможности трудиться (утрата трудоспособности), но и тогда, когда похищается, уничтожается или повреждается их имущество. Всякий раз, как в уголовном законе говорится о преступных последствиях для человека, гражданина, потребителя и т. п., имеется виду причинение вреда (нанесение ущерба) конкретным индивидам. Решение вопроса не может быть другим и в отношении преступлений, в которых в качестве обязательного их признака предусматривается причинение вреда обществу или отдельным организациям. Особенность такого рода преступлений в том, что ими наносится ущерб или создается угроза его нанесения некоторому множеству лиц, круг которых не всегда возможно установить в каждом отдельном случае

как в правоприменительной, так и законотворческой деятельности. Но это, конечно же, вовсе не означает, что здесь никто не страдает или не может пострадать. Наконец, было бы ошибкой считать, что какие-то исключения в понимании преступного вреда должны быть сделаны и для третьей группы деяний, ответственность за которые связывается с реальным или потенциальным нанесением вреда государству. Каких бы определений государства мы ни придерживались, какую бы именно его функцию ни имели в виду, нанесение вреда государству, как некоторого рода организации людей, означает не что иное, как нанесение вреда тем людям, интересам которых оно призвано служить, и нередко дополнительно и тем, через кого осуществляются функции государства, кто является его представителем. Если же, отвлекаясь от деталей, решать вопрос на уровне исходных методологических посылок, то правильнее вести речь не столько о том, что в действительности нет таких преступлений, наказуемость которых допускалась бы вне зависимости от их способности причинить или создать угрозу причинения вреда людям, сколько о том, что без такого рода способности никакое деяние в принципе, по определению, не может быть объявлено преступным. Именно это соображение позволяет утверждать, что объектом любого преступления, а не только направленного против личности, выступают люди, которые в одних случаях выступают в качестве отдельных физических лиц, в других – как некоторого рода множество лиц, имеющих или не имеющих статус юридического лица, в-третьих – как социум (общество).

Думается, что под соответствующим углом зрения нужно воспринимать и мотивы, по которым в юридической литературе были подвергнуты критике взгляды авторов, предпочитающих считать именно личность объектом преступлений против жизни, здоровья, свободы, чести и достоинства. Так, доказывая тезис «общественные отношения суть объект всякого преступления», Б. С. Никифоров делал акцент на том, что «участники общественных отношений, носители соответствующих охраняемых правом интересов, те государственные и общественные установления, которым преступление причиняет вред, ущерб, охватываются понятием охраняемого уголовным законом общественного отношения – понятием объекта преступления; вместе с самими этими интересами они образуют составную часть объекта преступления». Имея в виду преступления против личности, Б. С. Никифоров уточнял: «В отличие от авторов учебников, подчеркивающих, что в этих случаях объектом преступления являются не сами общественные отношения, а их субъекты, мы считаем, что субъекты общественных отношений образуют составную часть этих последних и что поэтому в понятие объекта преступления обязательно включаются и те, и другие»¹. Та

¹Никифоров Б. С. Указ. соч. С. 50.

же самая причина отказа от возможности признания людей объектом преступления в последующем была выдвинута и рядом других авторов, в том числе М. П. Карпушиным и В. И. Курляндским, которые писали: «Отмечая и подчеркивая, что от преступления теряют люди, мы не хотим противопоставить это утверждение тому, что объектом преступления являются общественные отношения. Вообще неправильно противопоставлять людей общественным отношениям, поскольку люди выступают в обществе как участники общественных отношений и поскольку материальными субстратами общественных отношений являются люди. Не может быть признано общественно опасным и преступным деяние, которое не затрагивает интересы людей, которое, следовательно, не нарушает или не разрушает «нормальные» с точки зрения государства общественные отношения, т. е. опять-таки отношения между людьми»¹.

О том, что общественные отношения и их участники не должны противопоставляться, двух мнений быть не может. Однако, во-первых, о таком противопоставлении речь может идти лишь тогда, когда объектом преступления одновременно объявляются и общественные отношения, и их участники, и, стало быть, признание объектом либо одного, либо другого вполне допустимо. Выступая против противопоставления, нельзя, во-вторых, впадать в крайность иного рода, отождествляя одно с другим. Но как раз это и происходит всякий раз, когда обосновывается положение о том, что причинение вреда участнику есть одновременно причинение вреда самому общественному отношению. Кроме того, уместно заметить, что не люди существуют ради общественных отношений, а общественные отношения возникают для реализации интересов людей, и поэтому неясным остается главное: почему в причинении вреда человеку, членам общества нужно усматривать посягательства на отношения между ними, а не наоборот, в нарушении общественных отношений видеть причинение вреда их участникам? Думается, в данном случае логика авторов продиктована тем, что, не имея возможности указать конкретные признаки и формы выражения вреда, якобы наносимого преступлением общественному отношению, они вынуждены подменять этот вред тем вредом, который реально причиняется или может быть причинен людям, или, как говорят, участникам (субъектам) общественных отношений. Не убеждая в обоснованности занимаемой позиции, взятая авторами на вооружение логика подтверждает лишь одно: никакого иного вреда, кроме вреда людям, преступление причинить не может.

Думается, что к такому же выводу нужно прийти применительно к решению рассматриваемого вопроса В. С. Прохоровым. В его подходе отправным служит положение о необходимости «различать, с одной стороны, ущерб объекту – общественным отношениям, а с другой – вред,

¹Карпушин М. П., Курляндский В. И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 76.

причиняемый их участникам и тем социальным ценностям, по поводу которых они складываются». Поставив вопрос, в чем заключается научное и практическое значение положения о том, что каждое общественно опасное деяние – преступление (какой бы ни была его юридическая конструкция) – всегда наносит реальный ущерб своему объекту – общественным отношениям, автор отвечает: «Во-первых, оно устанавливает общее, внутреннее, объективное свойство (качество) всех без каких-либо исключений преступлений, т. е. раскрывает тем самым их единую сущность; во-вторых, оно объясняет их генетическую однородность и, следовательно, общий источник заражения, сферу существования, историческую изменчивость, средства, методы и цели борьбы с преступлениями; в-третьих, оно указывает на тот фундамент, на котором строится вся многокомпонентная конструкция общественной опасности преступления: способы посягательства и его внешние условия, разнообразные вредные последствия, особенности воли и другие субъективные обстоятельства и т. п., – все то, что наслаивается на таким образом понимаемую сущность преступления и характеризует во всей полноте общественную опасность преступления как социального явления»¹.

Принимая во внимание эти и некоторые другие суждения автора, можно предположить, что основной смысл его концепции «объект преступления есть общественные отношения» заключен в том, что всякое преступление по своей сущности направлено не против отдельных лиц, а против общества в целом. Надо полагать, что сторонники других вариантов интерпретации объекта преступления как некоторого рода общественных отношений в конечном счете имеют целью обоснование того же самого. Основное различие в подходах к реализации данной цели выражается в том, что во многих работах в причинении вреда отдельным членам общества усматривается причинение вреда всему обществу, в то время как по В. С. Прохорову преступление причиняет всегда обществу как таковому «особый» вред, отличающийся от того, который наносится отдельным лицам. Называя вещи своими именами, конечно же, не следует отрицать существование таких преступлений, которые непосредственно направлены против общества в целом. Но вряд ли стоит игнорировать и тот факт, что со времен римского права принято выделять и другую категорию преступлений – против частных лиц. Ныне действующий уголовный закон пошел по пути трехчленного деления преступлений, обособив в качестве самостоятельного вида преступления против государства. Какого бы, однако, варианта решения вопроса мы ни придерживались, нужно прежде всего признать, что в основе всех их лежит мысль о способности преступлений причинять вред различному кругу лиц: индивидам, малым или большим их группам,

¹Прохоров В. С. Указ. соч. С. 60–61.

обществу в целом. Следовательно, и с исторической точки зрения, и с позиции вновь принятого УК РФ нет оснований ставить под сомнение общий принцип рассматриваемой классификации преступлений. Другое дело, что, как и любая иная, она в определенной мере носит условный характер, и при желании в уголовном законе можно найти немало статей, в которых предусматриваются признаки деяний двойной – одновременно против отдельных лиц и общества в целом – направленности; например, убийство лица или его близких и связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ), захват заложника (ст. 206 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ). Но о чем все это говорит ?

Отнюдь не о том, что порочен сам принцип интересующей нас классификации, а о том, что: 1) реально существуют предпосылки как для самого деления преступлений по их направленности на определенные виды, так и для вычленения в рамках отдельных преступлений нескольких объектов; 2) не только объектом каждого преступления, но и каждым объектом, многообъектного преступления выступают люди – индивиды или их малые или большие группы (объединения).

Казалось бы, решение этого вопроса нужно связывать с ценностными характеристиками, предполагая, что при прочих равных условиях деяния, направленные на лишение жизни отдельных лиц, менее опасны по сравнению с теми, когда, например, преступником ставится цель уничтожения расы, нации и т. п. Но если следовать подобного рода посылке, то придется признать, что, к примеру, при захвате заложников (описанном в главе «Преступления против общественной безопасности») законодатель первостепенное значение придает интересам не самого заложника, а тех, кому выставляются условия и от кого требуется совершение каких-то действий (предоставить оружие, наркотики, спиртное, транспорт, освободить кого-либо из мест лишения свободы и т. п.). Быть может, в специальном исследовании такой важной проблемы, как принципы конструирования составов преступления, вполне уместно детальное обсуждение вопросов о том, что более значимо при посягательствах на жизнь сотрудника правоохранительного органа, государственного или общественного деятеля: интерес самого пострадавшего или интерес, который он защищает. Но в данном случае достаточно ограничиться тезисом о том, что в большинстве составов многообъектных преступлений при определении основного объекта решающее значение имеет не столько сравнительная ценность причиняемого вреда, сколько то, насколько он дает возможность вычленить четкую юридическую дефиницию данного состава преступления. Введя соответствующий квалифицирующий признак, тот же разбой можно было бы рассматривать как основание ответственности за совершенное с целью

завладения имуществом причинение тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью. Не сравнительная ценность объектов, а их конструктивная значимость для построения состава обычно служит в качестве решающего соображения для признания того или иного объекта основным или дополнительным.

Ориентируясь на такое представление об объекте преступления, конечно же, нельзя обойти вниманием и решение вопроса о понятии и значении фигуры потерпевшего в уголовном праве и даже не потому, что нашими оппонентами было высказано мнение о том, что «сведение объекта преступления лишь к человеку неизбежно приводит к подмене понятия «объект преступления» категорией «потерпевший», суть которых не однозначна и не тождественна»¹.

Актуальность проблемы соотношения данных понятий состоит прежде всего в том, что она обычно остается вне поля зрения представителей уголовно-правовой науки, и, думается, во многом это связано с их увлеченностью трактовкой объекта преступления как некоторого рода общественных отношений. Нельзя сказать, что в рамках такого подхода взаимосвязь понятий объекта и потерпевшего не рассматривается вообще². Другое дело, как именно она при этом раскрывается. Пожалуй, самым спорным является утверждение, согласно которому потерпевший – это понятие преимущественно процессуальное; во многих случаях он ни в какой связи с объектом преступления не состоит; потерпевший и предмет преступления часто совпадают в одном лице и т. д.³ Поскольку, как было показано выше, понятие вреда является базовым для определения не только потерпевшего, но и объекта преступления, связь между потерпевшим и объектом при совершении преступления не может не существовать. Вопрос лишь в том, способна ли дать что-нибудь положительное для уяснения признаков объекта и потерпевшего от преступления теория, не усматривающая каких-либо различий между преступным вредом и преступными последствиями, предполагающая причинение вреда не людям, а общественным отношениям, и рассуждающая об их «дезорганизации», «взломе», нарушении общественного правопорядка и т. п. Между тем не уголовно-процессуальная или какая-либо иная наука, а уголовное право должно определиться с тем, что составляет сущность вреда, каковы возможные его виды и разновидности, может ли он причиняться не только физическим, но и юридическим лицам, что именно служит критериями его разграничения по степени тяжести и т. п. Если встать на точку зрения, согласно которой потерпевший рассматривается вне связи с объектом преступления (либо как предмет преступления, либо как участник

¹Уголовное право России. Часть Общая: Учебник для вузов / Отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 1999. С. 121.

²См., напр.: Потерпевший от преступления, Владивосток, 1974.

³См.: Коржанский Н. И. Указ. соч. С. 107.

общественных отношений), то вряд ли на эти вопросы можно дать какой-либо конкретный ответ, поскольку в определенном смысле потерпевший есть всегда лицо, являющееся объектом преступления.

Означает ли это тождественность понятий потерпевшего и объекта преступления? Отвечая на поставленный вопрос, нужно принять во внимание по меньшей мере два обстоятельства. Первое – то, что потерпевший, по определению, это всегда тот, кому преступлением реально причинен какой-либо вред. Иначе обстоит дело с объектом посягательства. Его существование мыслится вне зависимости от того, был ему причинен реальный вред или только создавалась угроза причинения вреда. Стало быть, всякое лицо, являющееся потерпевшим, есть объект преступления, но не всякое лицо, выступающее в качестве объекта, может быть признано потерпевшим от преступления. Есть и другой, не менее важный момент, свидетельствующий о нетождественности данных понятий. Фигура потерпевшего возникает всегда как результат совершения преступления. Объект же – то, что интересует нас с точки зрения роли, выполняемой им не в результате, а в процессе совершения посягательства. Понимание объекта не просто в связи с преступлением, а как его структурной части требует уяснения его соотношения со всеми другими «составляющими» посягательства и преступления в целом. Словом, именно определение объекта преступления как того, против кого совершается преступление, должно лечь в основу понятий потерпевшего и самого преступления.

Раздел 2. Объект преступления и понятие преступления

Глава 1. Родовая специфика понятия преступления

Если обратиться к источникам права X–XVII вв., то в них трудно найти термин, который охватывал бы все наказуемые формы поведения людей. Древнерусское право, важнейшим памятником которого считается Русская Правда (в различных редакциях), нередко использовали слово «обида», но было бы неверным считать, что оно подразумевало любое уголовно наказуемое деяние, т. е. имело значение родового понятия. Аналогичное нужно сказать и о терминах «лихое дело» (Судебник Ивана Грозного), «злое дело» (Соборное Уложение 1649 г.) и т. д. Вместе с тем уже в средневековых уставах и уставных грамотах начинают употребляться словосочетания типа «кто преступит сии правила» (Устав князя Владимира Святославича, Синодальная редакция), «а кто установление мог порушит» (Устав князя Ярослава Мудрого, Краткая редакция), «а кто иметь преступати сия правила» (Устав великого князя Всеволода) и т. д. Надо полагать, что именно на основе такого рода словосочетаний, используемых обычно в заключительной части

княжеских уставов, в последующем (во времена Петра I) возникает и широко распространяется обобщающий термин «преступление», с которым стали связывать всякое поведение, объявляемое преступным. Этимология данного термина (сходная, кстати, с происхождением соответствующих слов в английском и французском языках – crime, в немецком – Verbrecher, в испанском – delitos и т. д.), характеризуемая в литературе обычно как выход за какие-либо границы, пределы, обусловила появление взглядов на понятие преступления как на некоторого рода нарушение (волк. закона, права в объективном и субъективном смысле), что и отразилось в одной из первых отечественных законодательных формулировок: «Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть преступление» (ст. 1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1845 г.).

Порожденная большей частью этимологическим толкованием и фиксирующая не столько физическую, сколько юридическую природу преступления, такая трактовка просуществовала в нашем законодательстве недолго, и уже в следующей редакции (1885 г.) Уложения о наказаниях при определении понятия преступления с фактом нарушения стала связываться не родовая, а видовая характеристика преступления: «Преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано». В Уголовном Уложении 1903 г. преступление идентифицировалось уже только с «деянием, воспрещенным во время его учинения законом под страхом наказания», и при этом в отличие от Уложения о наказаниях предполагалось, что оно (деяние) включает в себя как активные, так и пассивные формы поведения. Если не считать Руководящие начала 1919 г., где преступлением объявлялось «нарушение порядка общественных отношений», то можно утверждать, что смещение акцента с нарушения на деяние было традиционным и для советских уголовных кодексов, в которых первоначально преступление формулировалось как некоторого рода действие и бездействие (Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 гг.), а с принятием в 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик было увязано с деянием как таковым. При этом в последнем случае специально пояснялось, что деяние есть совершение лицом действия или бездействия. В принципе сходное решение вопроса нашло свое отражение и в ныне действующем УК РФ с той лишь разницей, что в нем законодатель отказался от такого рода пояснений, но в части решения интересующего нас вопроса сохранил преемственность: деяние есть родовая, а его виновность, общественная опасность и запрещенность под угрозой наказания есть видовая характеристика преступления.

Анализируя существующие ныне определения понятия преступления,

мы не можем не задуматься над тем, почему для законодателя и уголовно-правовой науки представления о преступлении как некоторого рода деянии оказались более предпочтительными, чем некогда существовавшая трактовка этого понятия как нарушения закона, права и т. п. Очевидно, что одна из таких причин – желание перенести акцент с юридической стороны преступления на фактическую, т. е. на ту, которая в определенном смысле является первичной. Что же касается другой причины, то она несомненно связана с решением вопроса о возможности наказуемости так называемого голого умысла, т. е. самого намерения, мысли, желания совершить какой-то проступок. Во времена безраздельного господства религиозного мировоззрения, не усматривающего принципиальной разницы между помыслом и проступком как таковым, казалось вполне оправданным, как это предписывалось Соборным Уложением 1649 г., «казнить смертью» в случаях, когда, например, «будет кто каким умышленном учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит». С развитием общественной мысли, однако, приходит осознание того, что за свои помыслы и мысли человек может отвечать лишь перед божьим, но никак не светским судом. В материалистической философии выдвигается положение о том, что «законы, которые делают главным критерием не действия как таковые, а образ мыслей действующего лица, – это не что иное, как позитивные санкции беззакония... Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, постольку я вступаю в область действительности, – я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»¹. Выраженная в трудах многих представителей просветительской философии XVIII–XIX вв. и получившая свое отражение в «Наказе Комиссии для сочинения нового Уложения» Екатерины II идея наказуемости только за содеянное была воспринята уже в первых отечественных работах по уголовному праву. Однако, руководствуясь не столько религиозными, сколько политическими соображениями, законодатель не спешил к практическому воплощению этой идеи, а потому еще в XIX в. в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных счел нужным сохранить статью, устанавливающую ответственность за «всякое умышление и преступное действие против жизни, здоровья или чести Государя Императора и всякий умысел свергнуть Его с Престола, лишить свободы и Власти Верховной, или же ограничить права оной, или учинить Священной Особе Его какое либо насилие». Лишь Уголовное Уложение 1903 г. отказалось от подобного рода статей.

В настоящее время положение о том, что без деяния не может быть преступления, стало аксиомой, а потому сама мысль об обоснованности построения соответствующих дефиниций воспринимается как сама собой

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 14.

разумеющаяся. Вместе с тем в отличие от традиционной трактовки, усматривающей в преступлении непосредственно само деяние, в юридической литературе высказывалось мнение о том, что более предпочтительным является определение преступления с использованием терминов «действие» и «бездействие»¹. Иногда на роль отправного понятия в литературе выдвигался также термин «посягательство», но с разными, порой противоположными мотивировками. Желая акцентировать в преступлении его способность не только причинять, но и создавать угрозу причинения вреда, В. Д. Спасович, например, полагал, что словом «посягательство» охватываются «и совершенные правонарушения, и покушения на правонарушения, и даже приготовления к правонарушениям». Из иного толкования исходила Н. Ф. Кузнецова, которая, отстаивая мысль, что в действительности нет преступлений, не влекущих за собой нанесения ущерба, отмечала: «Посягательство немисливо без нанесения ущерба... В этой связи нам представляется более правильным определять преступление не как действие или бездействие, лишь направленное на причинение вреда правоохраняемым объектам (это характеристика лишь преступного действия), а как общественно опасное посягательство на социалистические общественные отношения»². Неоднозначно был интерпретирован термин «посягательство» и в плане его взаимосвязи внутренней, психической стороной преступления. По мнению Н. С. Таганцева, она остается за пределами содержания данного термина, и потому, как полагал автор, о преступлении правильнее говорить как о некоторого рода деянии. Полагая, что термин «посягательство» охватывает лишь внешнюю сторону преступления, Н. С. Таганцев писал: «Так как нарушение интереса, охраняемого нормами, возможно и со стороны сил природы, и со стороны лица, не обладающего разумом, малолетнего и т. д., а между тем преступное нарушение норм предполагает наличие вины, то... его можно было бы оттенить в самом определении словом «деяние» в противоположность делу, факту»³. В работе М. П. Карпушина и В. И. Курляндского говорится об обратном. Сформулировав свою дефиницию преступления (это – «предусмотренное уголовным законом общественно опасное посягательство на социалистические общественные отношения, виновно совершенное лицом, достигшим возраста уголовной ответственности»), авторы пояснили: «Можно было бы определить преступление как общественно опасное деяние. Однако общественно опасное деяние (объективно опасное) может совершить и невменяемый человек, и малолетний. Термин «посягательство»... более полно подчеркивает и объективную и субъективную общественную

¹Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М. 1987 С.45.

²Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С. 49.

³Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т. 1. С. 36.

опасность»¹.

Констатируя наличие в юридической литературе некоторых нюансов в трактовке родовой принадлежности понятия преступления, следует обратить внимание и на то, что нередко оно интерпретируется и как некоторого рода отношения между людьми. Особую актуальность такое толкование приобрело в учении о предмете уголовного права в связи с решением вопроса о возможности признания в этом качестве преступления. Еще Н. С. Таганцев считал, что «уголовное право как одна из юридических наук должно, конечно, иметь своим предметом изучение преступных деяний как юридических отношений»². Позднее аналогичный взгляд был высказан М. Д. Шаргородским: «Предметом уголовного права... являются те общественные отношения, которые мы понимаем под словом «преступление»³. Иную позицию занял В. Г. Смирнов. С его точки зрения, «преступление как антисоциальное общественное отношение является не предметом регулирования советского уголовного законодательства, а юридическим фактом особого свойства, который порождает общественное отношение, нуждающееся в уголовно-правовом регулировании»⁴. Не разделяя мнения В. Г. Смирнова, М. И. Ковалев сделал акцент на том, что, будучи не просто юридическим фактом, преступление есть общественное и одновременно правовое отношение»⁵. Можно было бы привести и ряд других суждений, авторы которых, вне зависимости от занимаемых ими позиций в решении вопроса о предмете уголовного права, исходили и ныне исходят из трактовки преступления как некоторого рода общественного отношения.

По поводу обоснованности того или иного понимания предмета уголовно-правового регулирования речь пойдет далее. Здесь же необходимо заметить, что иногда соответствующая трактовка имела и имеет место также и в рамках учения о самом понятии преступления. Довольно часто она подразумевалась еще в работах, изданных в конце XIX – начале XX в. Например, В. Д. Сергиевский, рассматривая вопрос о понятии преступления, различал «отношение человека к самому себе, отношения к существам мира сверхчувственного; отношения к внешней природе; отношения к ближним, то есть к обществу». Заметив, что лишь в последней области отношения будут иметь характер юридических, автор писал: «Таким образом, уголовное право выделяет три области, в которых не может быть речи о преступных деяниях, за отсутствием юридических отношений с предметом посягательства. Только в отношениях человека к другим людям и государству возможны преступные

¹Карпушин М. П., Курляндский В. И. Указ. соч. С. 89.

²Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 9.

³Шаргородский М. Д. Предмет и система уголовного права // Советское государство и право. 1941. № 4. С. 41.

⁴Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965. С. 46.

⁵Ковалев М. И. Советское уголовное право: Курс лекций. Вып. 1. Введение в уголовное право. Свердловск, 1971. С. 63.

деяния, так как только в этой области посягательство может заключать в себе нарушение правоотношений. Однако и в этой области, по крайней мере для старого права, существовало большое ограничение: юридические отношения гражданина создавались не ко всем людям, не ко всем ближним. Так, раб, поставленный в положение объекта имущественного обладания, был для господина-хозяина не более как *res mea*.

Далее, люди, лишённые покровительства законов, представляли собой такие предметы, посягательство на которые не могло составить собой правонарушения»¹.

Наибольший интерес в этой связи представляет работа М. П. Карпушина и В. И. Курляндского, которые, не без оснований отмечая, что «авторы определений не считают нужным подчеркивать, что преступление – тоже общественное отношение, запрещенное, неправильное, преступное, но все же отношение человека к другим людям», предприняли попытку «рассмотреть преступление, препарировав его как специфическое общественное отношение с его субъектами, содержанием и т. п.». К сожалению, сделанные в результате проведенного анализа выводы о «строении» преступления оказались малопродуктивными, что, собственно, и дало основание В. С. Прохорову, Н. М. Кропачеву и А. Н. Таргабаеву в их совместной работе связать это с ошибочностью концепции «преступление – общественное отношение». Не возражая против того, что всякое преступление есть отношение индивида к кому-либо, они высказались за недопустимость отождествления общественных отношений и отношений (связей) индивидуальных, межличностных. Подчеркивая, что преступление есть не первое, а второе, данные авторы аргументируют свою позицию тем, что: «1) общественные отношения – результат связи, «сцепления», говоря словами К. Маркса, людей; преступление не создает связи, а разрывает по крайней мере одну из многих связей человека с другими людьми; 2) общественные отношения предполагают организованность и порядок; преступление – это акт, дезорганизующий порядок, акт индивидуального произвола; 3) общественные отношения опосредуются различными социальными институтами и учреждениями; преступление остается «голым» единичным актом «изолированного индивида»; 4) общественные отношения – это отношения целостных систем, результат массовой деятельности людей, и поступок «включается» «в мир общественных отношений» тогда, когда соответствует этой деятельности; преступление – чужеродное образование, внедрившееся в ткань общественных отношений; 5) общественные отношения – результат социальной деятельности; преступление антисоциально..; 6) общественные отношения имеют известные границы (сферы действия) и определенный круг субъектов; ни отдельно взятый

¹Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право: Пособие к лекциям. Часть Общая. Пг., 1915. С. 245.

преступник, ни сколь угодно большая масса преступников никакой социальной общности не образуют»¹.

О том, что такое понимание общественных отношений в действительности подразумевает под ними иное (социальное отношение), ранее уже говорилось. В данном случае нас интересуют, однако, не столько мотивы самого факта неприятия концепции «преступление есть общественное отношение» отдельными учеными, сколько причины, по которым проведенный М. П. Карпушиным и В. И. Курляндским анализ понятия преступления под интересующим нас углом зрения оказался малопродуктивным. Правомерно ли вслед за В. С. Прохоровым, Н. М. Кропачевым и А. Н. Таргабаевым объяснять это тем, что данная концепция вообще, в принципе не способна дать ничего нового в характеристике преступления? Если допустить, что причины заключены именно в самой концепции, то неизбежно придется признать: представления о преступлении как разновидности деяний (общественно опасных, противоправных и т. п.) ничем не отличаются от того толкования, при котором оно рассматривается в качестве определенного рода отношений между людьми. Между тем такой вывод был бы обоснован при одном условии: деяние и общественное отношение суть тождественные понятия, Учитывая, что в действительности каждое из них предполагает свой собственный смысл, необходимо согласиться с тем, что определения преступления, усматривающие в нем разновидности деяния, с одной стороны, и отношения между людьми – с другой, не могут не иметь какой-то специфики. К сожалению, в исследовании М. П. Карпушина и В. И. Курляндского она не нашла своего должного отражения. И в этом смысле, безусловно, прав В. С. Прохоров, констатировавший, что в данной работе рассмотрение преступления как особого общественного отношения в итоге свелось к констатации лишь уже известных уголовному праву положений, согласна которым полное определение преступления требует раскрытия субъекта и объекта посягательства, его объективного и субъективного содержания². Но, думается, такой результат нужно связывать не с ошибочностью самой концепции, а с авторской ее интерпретацией: фактически, желая обосновать наиболее важные теоретические положения о преступлении с позиций понимания его как общественных отношений, М. П. Карпушин и В. И. Курляндский не увидели или не захотели увидеть того, что подобное понимание не доказывает, а скорее ставит под сомнение истинность ряда известных и общепринятых положений. Не ставя перед собой задачу выявления всех возникающих в этой связи проблем, остановимся только на тех из них, которые свидетельствуют об актуальности рассмотрения преступления под

¹Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Таргабаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск. 1989. С. 23.

²См.: Прохоров В. С. Указ. соч. С. 57.

таким углом зрения.

В настоящее время уже можно считать общепризнанным положение, в соответствии с которым преступление есть явление в первую очередь социальное. В отечественной уголовно-правовой литературе с таким аспектом рассмотрения нередко увязывается характеристика его сущности и, соответственно, утверждается, что признание общественных отношений объектом посягательства вытекает из социальной (классовой) сущности преступления, отказ же от их рассмотрения как объекта преступления делает невозможным раскрытие социальной (классовой) сущности преступления и т. п. Фактически по этому же пути пошли и авторы интересующей нас работы, констатировав, что «сущность преступления выражается в его посягательстве на общественные отношения»¹.

Сконструировав дефиницию, усматривающую в преступлении не деяние (как принято) или разновидность отношений между людьми (как следовало бы ожидать), а определенного рода посягательство на общественные отношения, М. П. Карпушин и В. И. Курляндский объяснили свой подход необходимостью учета сущности и содержания преступления. Логично предположить, что в данном случае отказ от использования в качестве ближайшего родового понятия термина «деяние» вызван его неспособностью отразить главное в преступлении: его социальную сущность. Если с мотивами критического восприятия традиционных вариантов построения определения преступления здесь все более или менее ясно, то о причинах, по которым авторы не сочли целесообразным сформулировать понятие преступления в контексте проведенного исследования, т. е. как общественного отношения, остается только догадываться. Может ли это в принципе обуславливаться теми же соображениями? Вопрос риторический, ибо, как обоснованно заметил С. С. Алексеев, «каждое явление в обществе раскрывается как явление социальное тогда, когда оно рассматривается в виде отношения»². Тезис о том, что социальная сущность преступления выражается в посягательстве на общественные отношения, в этой связи, казалось бы, не должен вызывать каких-либо возражений. В действительности они имеются, поскольку одно дело, когда объект преступления рассматривается как общественные отношения, и другое – когда само преступление характеризуется в этом качестве. Думается, что в общественных отношениях допустимо было бы видеть социальную сущность объекта посягательства, и не более того. Социальная же сущность преступления состоит не в том, что оно посягает на общественные отношения, нарушает их, причиняет им вред и т. п., а в том, что преступление

¹Карпушин М. П. Курляндский В. И. Указ, соч. С. 88. Специально Данный вопрос рассмотрен в работе: Сухарев Е. А., Горбуза А. Д. Сущность преступления // Проблема совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1982. С. 44–53.

²Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 85.

само есть определенный вид отношений между людьми.

Полагая, что обоснование социальной сущности преступления неизбежно приводит нас к пониманию его в качестве некоторого рода общественных отношений, уместно обратить внимание на то, что в настоящее время в отечественной уголовно-правовой науке они воспринимаются одновременно и как объект посягательства, и как само посягательство. В таком же двойном значении понятие «общественные отношения» используется и в работе М. П. Карпушина и В. И. Курляндского. Примечательно, что с точки зрения трактовки преступления в качестве отношений между людьми данные авторы сочли возможным обосновывать также необходимость включения в преступление всех обычно выделяемых в нем элементов, в том числе объекта и субъекта посягательства. Возражая, в частности, против мнения Н. Ф. Кузнецовой о том, что «объект, который лежит вне преступного деяния, понятно, не может выступать составной частью преступления», они пишут: «В этом утверждении ясно видна исходная позиция рассматривать преступление не как общественное отношение, а как общественно опасное деяние «само по себе», т. е. не как преступное отношение к объекту. Н.Ф. Кузнецова не замечает, что она противоречит сама себе, не относя объект преступления к преступлению и в то же время относя признаки, характеризующие объект, к признакам состава преступления». Отмечая, что подход к преступлению (правонарушению) как к особому общественному отношению не только не исключает, но и предполагает признание объекта (и субъекта) составной частью преступления, авторы в итоге констатируют: «Как видно, попытка изгнать «через дверь» субъекта и объекта правонарушения (преступления) приводит к тому, что они упорно возвращаются в это содержание «через окно». И не могут не возвращаться, если мы не будем забывать, что правонарушение – отношение между людьми, отношение одних людей к другим»¹.

Аксиомой можно считать положение о том, что, рассуждая о «строении» преступления, его составе, необходимо иметь достаточно четкое представление о самом преступлении. В этом плане по меньшей мере нелогичной выглядит теория, сторонники которой в своих суждениях молчаливо признают за общественными отношениями способность служить не только самим преступлением, но и одним из присущих ему элементов. Поскольку здравый смысл не позволяет признавать одно и то же целым и частью целого, отечественная уголовно-правовая наука обязана определиться с ролью общественных отношений в процессе посягательства; либо они есть само посягательство, либо его объект. Третьего, как говорится, не дано. Если встать на точку зрения, согласно которой преступление понимается как определенного рода общественные отношения, то объектом преступления

¹Карпушин М. П., Курляндский В. И. Указ. соч. С. 79–81.

можно считать что угодно, но только не общественные отношения как таковые. Имея в виду, что в них всегда присутствует две стороны и каждой из них выступают люди, вполне логично утверждать: одна сторона – виновный, другая – объект, против которого совершаются наказуемые действия или бездействие. При таком подходе, однако, можно говорить о том, что преступление совершается в той или иной сфере складывающихся в обществе отношений между людьми (например, в сфере отношений собственности, половых отношений), но никак не о том, что преступление посягает на эти отношения. Как бы именно ни называлось отношение между людьми в процессе посягательства – особым, незаконным, криминальным и т. п., – мы в любом случае подразумеваем, что стороной данного отношения является другой его участник, а не другое общественное отношение. Стало быть, вопреки высказываемому многими учеными мнению о том, что признание общественных отношений объектом преступления вытекает из социальной сущности преступления, нужно заключить: взгляд на преступление как на некоторого рода отношение лица к людям делает невозможным толкование объекта посягательства в качестве общественного отношения.

Иную, весьма проблематичную логику предполагает подход, при котором при характеристике понятия преступления за исходную посылку принимается тезис «объект преступления – общественные отношения». Ранее уже отмечалось, что, помимо всего прочего, такая трактовка объекта преступления сопряжена с явной логической непоследовательностью суждений, при которой он рассматривается в одном случае – в рамках учения о составе преступления – в качестве элемента, вычленяемого помимо субъекта, объективной и субъективной сторон, а в другом – при анализе структуры общественного отношения как объекта посягательства – как то, что охватывает своим содержанием все иные элементы состава преступления. Подобная парадоксальность рассуждений обнаруживается и при характеристике термина «деяние». Предпочитая при определении преступления видеть в нем не столько разновидность отношений между людьми, сколько общественно опасное, противоправное и т. п. деяние, отечественная уголовно-правовая наука фактически придает последнему понятию значение родового, так что в его содержание оказываются включенными все элементы состава преступления. В итоге возникает, если так можно выразиться, предельно широкая трактовка смысла термина «деяние», в которой каждый из отдельных элементов состава преступления воспринимается как структурная, составляющая часть.

Существует, однако, и иная, предельно узкая трактовка содержания данного термина. Она обнаруживается всякий раз, как в литературе идет речь не о самом преступлении, а опять же о его составе. Обособляя в последнем объект, субъект, субъективную и объективную стороны, теория уголовного

права с термином «деяние» здесь увязывает уже только один элемент – объективную сторону, и даже не всю ее (помимо деяния она предполагает также место, время, способ посягательства и др.), а только непосредственно касающуюся действия (активного поведения, телодвижения) или бездействия (пассивного поведения, отсутствия должного телодвижения). Сколько бы при этом ни подчеркивалась неразрывность связи деяния либо действия или бездействия со всеми другими элементами состава преступления, в том числе с внутренней стороной посягательства (например, указанием на то, что «шизофреник в уголовно-правовом смысле не действует»), суть интерпретации термина «деяние» остается прежней: им в любом случае охватывается лишь внешнее поведение, которое соотносится с прочими элементами состава преступления (с субъективной стороной, объектом и т. д.) не как целое и часть, а как самостоятельные части некоторого целого, именуемого составом преступления.

Неоднозначность смыслового содержания термина «деяние» – факт, игнорирование которого всегда служило и до сих пор служит источником многих научных дискуссий.

Для примера можно привести дискуссию, возникшую по поводу соотношения термина «деяние» с тем, что принято считать «виновностью». Юридической наукой уже давно был сделан вывод о недопустимости так называемого объективного вменения (хотя в истории отечественного уголовного законодательства имело место применение наказания не только за «голый умысел», но и за деяния, совершенные невиновно). Рассматривая идею ответственности лишь за виновно совершенное общественно опасное Деяние как один из принципов уголовного права (ныне она получила отражение в ст. 5 УК РФ), авторы вместе с тем не могли не обращать внимание на то, что в ранее действовавшем уголовном законодательстве в определении понятия преступления ничего не говорилось о виновном характере деяния. Некоторые ученые увидели в этом несовершенство законодательной формулировки и не более того. Сравнительно чаще, однако, утверждалось, что в выделении признака виновности в определении понятия преступления нет необходимости, поскольку, по мнению одних ученых, общественно опасное деяние может быть совершено лишь виновно, а по мнению других – виновность охватывается признаком уголовной противоправности, и дополнительное упоминание о ней создает неправильное представление о том, что возможно совершение деяний, являющихся уголовно противоправными и невиновными одновременно. В действительности же отсутствие упоминания в законе о виновности было обусловлено другими соображениями. Законодатель явно ориентировался на то, что возложение уголовной ответственности предполагает наличие двух оснований: 1) совершения преступления (так называемого объективного основания ответственности) и 2) субъективного основания, или, другими

словами, вины в совершении преступления. То, что в действительности дело обстояло именно так, подтверждается не только конструкцией уголовно-процессуальных норм, но и тем, как законодатель сформулировал понятие преступления. При этом он явно имел в виду только внешнюю сторону посягательства (общественно опасное деяние), а потому ничего не говорил о виновности не в силу того, что общественно опасное деяние всегда совершается лишь виновно, а напротив, потому, что вина, с его точки зрения, не охватывается ни термином «деяние», ни понятием преступления вообще и служит самостоятельным основанием уголовной ответственности. С такой позицией законодателя можно соглашаться или не соглашаться, но несомненным остается одно: вопреки широко распространенному в нашей научной литературе мнению ранее действовавшее законодательство, во-первых, отводило виновности значение составной части оснований уголовной ответственности, но никак не понятия преступления, и, во-вторых, трактовало термин «деяние» в узком смысле, не включая в него виновность¹.

Не способствует неоднозначность понимания данного термина и достижению единства мнений среди ученых в вопросе о возможности рассмотрения объекта и субъекта как элементов состава преступления. Достаточно показательна в этой связи позиция П. А. Фефелова, считающего, что традиционное четырехэлементное представление о составе преступления уже не отвечает современному уровню развития науки. Выступая против включения объекта и субъекта в число элементов состава преступления и определяя последний как «единство субъективной и объективной сторон (признаков), выраженных в уголовном законе и отражающих содержание общественной опасности преступного деяния и его противоправности», автор обосновывает свою точку зрения, в частности, тем противоречием, которое возникает при ином решении вопроса: «Получается, – пишет он, – что объект одновременно является и тем, на что направлено преступление, и элементом состава того же преступления, которое посягает на этот объект»². К сожалению, о том, что здесь в интересующем нас ракурсе подразумевается под преступлением, П. А. Фефелов ничего не говорит. Но можно с уверенностью предположить, что и в данном случае под преступлением имеется в виду характеризующееся некоторой совокупностью признаков деяние, ибо лишь при такой трактовке оно (деяние) оказывается в одном (узком) смысле тем, что в составе преступления играет роль отдельного элемента, вне рамок которого располагается объект, подвергающийся воздействию как бы извне, со стороны, в другом (широком) – тем, что охватывает своим содержанием все элементы состава преступления, включая и его объект. Полагая небеспочвенными в этой связи сомнения П. А.

¹См.. Фефелов П. А. Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). М., 1992. С.174.

²Фефелов П. А. Указ. соч. С. 174.

Фефелова в обоснованности признания объекта составной частью преступления, следует заметить, что их появление вряд ли оправдано в ситуации, при которой преступление рассматривается в качестве отношения между людьми, ибо становится очевидным, что, выступая в преступлении сторонами криминального отношения, объект и субъект посягательства, безусловно, должны рассматриваться вне совершаемого лицом деяния (действия или бездействия), но никак не вне криминального отношения, именуемого преступлением¹.

Вполне вписываясь в концепцию «преступление – отношение индивида к людям», рассмотрение субъекта и объекта в качестве составной части посягательства вполне согласуется и с философской трактовкой этих категорий, требующей их характеристики всегда в рамках какого-то целого. Если на методологическом уровне оно часто именуется субъект-объектным взаимодействием, то в частном научном исследовании, посвященном анализу субъекта и объекта посягательства, роль целого, очевидно, способно играть только само преступление. С этой точки зрения оно также есть некоторого рода субъект-объектное взаимодействие, не исключающее, а, напротив, с необходимостью предполагающее вычленение в нем соответствующих сторон взаимодействия (субъекта и объекта) и определенную связь между ними². Не видя оснований для отказа от рассмотрения данных сторон и их связи в качестве внутренних частей преступления, уместно вместе с тем выяснить, исчерпываются ли они его содержанием. Сторонники господствующего ныне взгляда на «строение» преступления ориентируются на отрицательное решение такого вопроса, требуя признания объективной и субъективной сторон преступления обязательными его элементами, выделяемыми в одном ряду с субъектом и объектом посягательства. На том же настаивают М. П. Карпушин и В. И. Курляндский. Доказывая обоснованность включения в состав преступления в виде его элементов объективной и субъективной сторон посягательства, они пояснили: «Поскольку преступление – отношение человека к объекту, мы вправе говорить о том, как он объективно и субъективно относится к объекту... Разложение деяния на объективную и субъективную стороны, рассмотрение его с двух сторон вытекает из сущности общественного отношения»³.

Ограничившись лишь приведенными соображениями, в итоге применительно к общей дефиниции состава преступления авторами был

¹Кстати, и сам автор, признавая допустимым взгляд на преступление как на «конфликтное общественное отношение», не ставит под сомнение возможность вычленения в последнем его участников и объекта.

²Думается, что данное обстоятельство упускается из виду в работе Е. А. Сухарева и А. Д. Горбуза, в которой фактически ставится знак равенства между отношением и связью и утверждается, что субъект и объект ни при каких обстоятельствах не могут быть элементом, частью, стороной общественного отношения. См.: Сухарев Е. А., Горбуза А. Д. Традиционные представления о структуре преступления (критический анализ) // Проблемы борьбы с преступностью и пути развития уголовного законодательства. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1984. С. 23–24.

³Карпушин М. П., Курляндский В. И. Указ соч. С. 81.

сделан вывод: в ней "должна быть выражена юридическим языком характеристика всех необходимых элементов общественно опасного посягательства – субъекта преступления (кто посягает), объекта преступления (на что осуществляется посягательство), объективной стороны (в чем объективно выражается посягательство) и субъективной стороны (в чем выражается отношение посягающего к тому, что он делает)»¹.

Сформулированные М. П. Карпушиным и В. И. Курляндским представления о «строении» преступления примечательны опять же с позиции их соответствия не столько существующему учению о составе преступления, сколько обозначившемуся в настоящее время в юридической литературе пониманию структуры общественного отношения. И здесь явное желание доказать приемлемость тезиса «преступление есть специфическое общественное отношение» привело исследователей к тому, что они, образно выражаясь, за деревьями не увидели леса. Безусловно, признание преступления общественным отношением дает основание при анализе «составляющих» первого ориентироваться на структуру второго. Но, делая это для обоснования правомерности включения отдельных элементов в состав преступления, вряд ли корректно не замечать, что в целом между учением о составе преступления и высказываемыми в науке суждениями о составе общественного отношения обнаруживается немало различий как в самой интерпретации места и роли элементов, так и в их количестве. Весьма существенные особенности имеет, например, характеристика того, что обозначается субъектом в преступлении и в общественном отношении: в первом случае он мыслится как индивид, который при определенных условиях способен нести уголовную ответственность; во втором – свойствами субъекта обладает каждая из сторон общественного отношения, все его участники. Своя специфика имеется и в решении вопроса об объекте, который применительно к учению о «строении» преступления толкуется как общественное отношение, на которое посягает виновный, а при анализе понятия и структуры общественных отношений – как то, по поводу чего они складываются между участниками. В отличие от теории общественных отношений, вычлняющей дополнительно еще один элемент, именуемый «содержанием общественного отношения» («отношением» как таковым, связью и т. п.), в учении о составе преступления обособляются только два элемента: объективная и субъективная стороны посягательства. Учитывая факт существования столь неодинаковых представлений о «строении» преступления и общественного отношения как таковых вряд ли приходится сомневаться в актуальности рассмотрения преступления в качестве общественного отношения и с позиций дальнейшего осмысления внутреннего содержания того и другого.

¹Карпушин М. П., Курляндский В. И. Указ соч. С. 165–166.

Связывая необходимость разработки учения о составе преступления с тем, что в дефинициях самого преступления играет роль родового понятия, было бы большой ошибкой считать наметившуюся в юридической литературе трактовку элементов и структуры общественной отношения истиной в последней инстанции. Вместе с тем и уровень знаний о «составляющих» преступления, его элементах в настоящее время далек от желаемого. Склонная видеть в преступлении именно деяние, а не отношения между людьми, юридическая наука первоначально, с XVI–XVII вв., подразумевала в составе преступления лишь «все те следы, которые оставляет преступное деяние во внешнем мире, как, например, труп убитого, орудие убийства, следы крови и т. п., т. е. совокупность тех признаков, по которым можно было удостовериться в действительном совершении преступления. Только в конце XVIII столетия, – писал Н. С. Таганцев, – в немецкое литературе понятие *corpus delicti* переносится в уголовное материальное право, причем в определении этого понятия долго проявляется его процессуальное происхождение, почему из учения о составе преступления обыкновенно исключали учение о субъективных признаках виновности»¹. Быть может, по этой причине в дальнейшем эволюция представлений о понятии не только преступления, но и его состава базировалась на утверждении Н. Неклюдова, считавшего: «Чтобы приобрести взгляд на общий состав преступления.., следует исходить из того положения, что преступление есть деяние. Все остальное, что говорится о деянии, составляет только предикаты, приписываемые деянию как подлежащему»². Позволяя в какой-то мере судить о том, почему термин «деяние», изначально означавший внешнюю характеристику посягательства, со временем в определениях преступления стал интерпретироваться еще и как родовое понятие, данный подход оставлял и по сей день оставляет открытыми вопросы о том, что отличает состав преступления от самого преступления, почему в данном составе должны выделяться четыре, а не больше или меньше элементов, как соотносятся между собой элементы и признаки состава преступления, могут ли рассматриваться в качестве элементов или признаков состава преступления его объективная и субъективная стороны, и т. д.

Справедливости ради нужно отметить, что некоторые из этих вопросов уже привлекали внимание исследователей. Так, в свое время весьма специфический смысл предлагал усматривать в элементах состава преступления А. Н. Трайнин, считавший «глубоко ошибочным» именовать ими субъект, объект, объективную и субъективную стороны состава преступления и утверждавший, что в действительности существуют лишь

¹Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая Т. 1. С.141.

²Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. С примечаниями, приложениями и дополнениями... Н. Неклюдова. Т. 1, Часть Общая. СПб., 1885. С. 338.

элементы состава, характеризующие объект, субъект, объективную и субъективную стороны¹. Напротив, П. А. Фефелов исходит из того, что никакого принципиального различия между элементами и признаками состава преступления не усматривается, в то время как различия между элементами состава и предпосылками уголовной ответственности имеют весьма существенное значение². Иная точка зрения изложена М. П. Карпушиным и В. И. Курляндским, заметив, что ни о какой логике не может идти речи, когда говорят о «признаках признаков» или «элементах элементов», и ссылаясь на толковые словари, авторы исходили из того, что элементом следует считать составную часть какого-либо сложного целого, а признаком – примету, черту и т. п., позволяющую узнать что-либо. В результате был сделан вывод: «Когда идет речь о составе преступления, можно и нужно говорить о совокупности определенных, законом установленных признаков. Указывая определенные признаки, законодатель в уголовном законе обрисовывает или определяет тот или иной вид преступления и тем самым соответствующий состав преступления... Применительно к таким понятиям, как объект, субъект, объективная и субъективная стороны преступления, обоснованным представляется употреблять термин элемент, т. е. составная часть целого»³. Несколько ранее близкую позицию на этот счет занял Я. М. Брагинин, назвав элементами состава преступления его определенные части, выполняющие соответствующие функции и обладающие соответствующими признаками⁴.

Разделяя мнение о том, что признаки и элементы состава – понятия не тождественные, приходится все же констатировать, что, руководствуясь вышеназванными критериями, трудно объяснить, почему объект можно, а предмет посягательства нельзя рассматривать как элемент состава преступления. Еще более неясными оказываются причины, по которым объективная и субъективная стороны посягательства с некоторых пор в отечественной юридической литературе стали единодушно наделяться статусом самостоятельных элементов состава преступления.

Раздвоение единого целого (в данном случае преступления) на противоположности – один из методов познания, который предполагает свой собственный ракурс исследований. Отличается ли он от того анализа, который имеет целью определение в чем-либо внутренних элементов и связей между ними? Думается, на этот счет не должно быть двух мнений. Подобно тому, как сущность и явления, содержание и форма предстают перед нами противоположностями целого, но никак не его элементами, объективное и субъективное суть именно стороны целого и не более того. Не оспаривая

¹См.: Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 172–173.

²См.: Фефелов П. А. Указ. соч. С. 151.

³Карпушин М. П., Курляндский В. И. Указ соч. С. 174.

⁴См.: Брагинин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 133–134.

допустимости их вычленения при характеристике содержания преступления, следует подчеркнуть, что в соответствии с известным принципом диалектики всесторонности изучения предметов, свойств и явлений в преступлении должны обособляться и другие его стороны, внешняя и внутренняя, материальная и идеальная, физическая и психическая и т. д. Безусловно, все они непосредственно раскрывают содержание преступления, однако претендовать на роль его элементов не могут.

Было бы большой ошибкой считать, что определение «статуса» объективной и субъективной сторон в составе преступления – вопрос, решение которого не носит принципиального характера. Наделение их свойствами элементов состава преступления накладывает отпечаток на характеристику как самих этих сторон, так и двух других элементов субъекта и объекта посягательства.

Применительно к объективной и субъективной сторонам преступления это находит свое проявление, например, в отождествлении взаимосвязи объективного и субъективного с взаимосвязью внешнего и внутреннего, вследствие чего не усматривается различий между субъективным и внутренним, а также между объективным и внешним. Между тем, основываясь на неодинаковых критериях вычленения, внешняя и внутренняя стороны подразумевают связь иных признаков по сравнению с теми, которые охватываются терминами «субъективное» и «объективное». Внутреннее (вина, мотив, цель, эмоции) отличается от субъективного тем, что не включает в себя деяние, способ и т. д.; внешнее же (деяние, последствия и др.), напротив, по объему мыслимых признаков является более широким, чем объективное (т. е. свойственное объекту). К тому же есть и еще одно немаловажное различие. Оно заключается в характере взаимосвязи объективного и субъективного, внешнего и внутреннего. Говоря о субъективном и объективном, как свойственных субъекту и объекту посягательства, мы всегда имеем в виду нечто, существующее не только вне, но и независимо от сознания и воли человека. Как раз иное – зависимость, обусловленность, связанность – интересует нас тогда, когда проводится мысль о недопустимости ответственности за так называемый голый умысел (за сами по себе взгляды, убеждения, намерения и т. п.) либо по принципу объективного вменения (т. е. без учета способности лица осознавать или предвидеть факт причинения вреда своим деянием).

Не без оснований наделяя субъект посягательства значением самостоятельного элемента состава преступления, отечественная уголовно-правовая доктрина подразумевает под ним 1) физическое, 2) вменяемое, 3) достигшее указанного в законе возраста лицо. Разумеется, каждый из трех названных признаков является необходимым для понятия субъекта преступления. Ограничившись, однако, указанием только на них, придется сделать вывод, что всякое физическое, вменяемое и достигшее 16 (а в

некоторых случаях и 14) лет лицо (а это большая часть населения страны) должно рассматриваться как субъект преступления. Здравый смысл и категориальное толкование термина «субъект» (а в философской литературе данный термин отражает факт активности людей) не позволяют согласиться с таким выводом. Наличие указанных признаков дает основание утверждать, что лицо лишь может (способно) быть субъектом преступления и не более того. Стало быть, для понятия «субъект преступления» перечисленных признаков явно недостаточно, и только дополнив их другими признаками (виновным совершением общественно опасного, предусмотренного уголовным законом, деяния), мы получим сколько-нибудь приемлемое определение данного элемента состава преступления. Но если о субъекте преступления вне связи с деянием, виновностью и т. д. речь в действительности идти не может, то почему тогда одни из признаков (вменяемость и др.) должны относиться к самому субъекту, а иные (скажем, виновность, деяние) – к субъективной или объективной сторонам преступления?

Существующее ныне учение о составе преступления не дает ответа не только на этот вопрос. Обратившись к основаниям наказуемости за конкретные виды преступлений, можно обнаружить, что нередко при уголовно-правовой квалификации приходится принимать во внимание количественные (убийство двух или более лиц) и качественные признаки того, кому причиняется или создается угроза причинения вреда: возрастные особенности потерпевшего (например, изнасилование несовершеннолетней), его поведение (убийство, совершенное в состоянии эффекта, вызванного действиями потерпевшего), должностное положение (применение насилия в отношении представителя власти) и многое другое. Получается, что не только субъект, но и тот, кто выступает потенциальным или реальным потерпевшим от преступления в процессе посягательства, способен иметь некоторую совокупность различного рода физических и психических, объективных (внешних) и субъективных (внутренних) признаков. Каково их место в составе преступления?

Большинством исследователей данный вопрос не ставится вовсе. Исключением является работа П. С. Дагеля, который связал с фигурой потерпевшего пять групп признаков: 1) характеризующих его личность (пол, возраст, социальное положение); 2) характеризующих поведение потерпевшего (правомерное, неправомерное); 3) характеризующих состояние потерпевшего (беспомощное, болезненное, опасное для жизни); 4) характеризующих взаимоотношения потерпевшего и виновного (родственные, служебные отношения, материальная зависимость и т. д.); 5) характеризующих вред, причиненный потерпевшему. Говоря о месте этих признаков в составе преступления, автор утверждал: «Сам потерпевший и признаки, его характеризующие, не составляют определенного элемента

состава преступления. Эти признаки могут характеризовать различные элементы (стороны) состава: объект преступления, объективную сторону преступления (обстановку преступления, преступное последствие). Признаки, характеризующие потерпевшего, должны отражаться (или должна существовать возможность их отражения) в субъективной стороне преступления, в сознании виновного, иначе они не могут иметь уголовно-правового значения и влиять на ответственность субъекта. Таким образом, вопрос о потерпевшем возникает при рассмотрении и объекта, и объективной стороны, и субъективной стороны»¹.

Не вступая в дискуссию относительно такого рода представлений о месте признаков потерпевшего в составе преступления, следует признать обоснованным мнение Л. В. Франка, который, констатировав недостаточную теоретическую проработку вопроса о роли потерпевшего в структуре преступного посягательства, связал это с тем, Что на протяжении многих лет ученые-криминалисты, интенсивно занимавшиеся проблемами преступности, преступление рассматривали, образно говоря, как круг, в Центре которого находится преступник, в то время как в действительности в большинстве случаев мы имеем дело скорее с эллипсом, фокусами которого являются преступник и жертва². Возможно, в какой-то части такого рода ассоциации не совсем удачны. Но, думается, в конечном счете они все же достаточно верно отражают основной недостаток и по сей день господствующих представлений о преступлении как о деянии, характеризующемся некоторой совокупностью признаков. Поскольку существует множество вариантов конструирования определений, то, конечно, было бы неправильным говорить о несостоятельности наиболее часто встречающихся дефиниций понятия преступления. В то же время необходимо иметь в виду, что в дефиниции, претендующей на роль определения, построенного путем указания на род и видовые отличия, исходным должно служить не просто то, без чего преступления не существует, а то, что способно объединить все необходимые его элементы и признаки в единое целое. Обладает ли объективно таким свойством термин «деяние»? Как выясняется, при положительном ответе на этот вопрос вполне закономерно возникают, с одной стороны, два толкования (широкое и узкое) смыслового значения самого этого термина, с другой – сложности в познании преступления, его социальной сущности, составляющих (элементов) и их взаимосвязей. Стало быть, в принципе не исключая возможность определения преступления как деяния, характеризующегося некоторой совокупностью признаков, необходимо признать не менее целесообразным конструирование и наиболее

¹ Дагель Л. С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления: Тематический сборник. Владивосток, 1974. С.23.

² См.: Франк Л. В. Некоторые теоретические вопросы становления советской виктимологии // Потерпевший от преступления: Тематический сборник. Владивосток, 1974. С. 8.

распространенных в науках дефиниций путем указания на род и видовые отличия.

Обращение в этой связи к пониманию преступления в качестве отношения лица к людям можно объяснить не только теми же соображениями, по которым юристы предпочитают рассматривать как предмет правового регулирования не столько поведение, сколько отношение между людьми. Помимо ориентации на переосмысление сущности преступления и его объекта такой подход дает возможность увязать разработку учения о составе преступления с представлениями о структуре общественного отношения. Поскольку они не безупречны, то сама по себе их экстраполяция на состав преступления едва ли существенно обогатит наши знания об отдельных его элементах и структурной характеристике преступления в целом. И все же совершенно очевидно, что теория состава преступления должна иметь свою методологическую основу.

Такой основой должна стать концепция «строения» общественного отношения. Анализ высказанных по данному вопросу точек зрения разумно проводить в контексте решения более общих проблем уголовного права. Начнем с рассмотрения видовой специфики понятия преступления.

Глава 2. Общественная опасность преступления

Тот факт, что отнюдь не всякое действие и бездействие, совершенное под контролем сознания и воли человека, должно считаться преступлением, пожалуй, никогда и ни у кого сомнений не вызывал. Столь же очевидным было и другое: преступлением может называться лишь такое деяние, которое влечет за собой определенные последствия. Примечательно, что, решая вопрос о целесообразности указания на них в определении понятия преступления, еще Н. С. Таганцев в свое время высказал ряд соображений, и ныне заслуживающих внимания. Так, заметив, что некоторые зарубежные криминалисты склонны специально упоминать в дефинициях преступлений о последствиях уголовно наказуемых деяний, он констатировал: понимаемые как самое посягательство на правовую норму, самое повреждение правоохраняемого интереса или поставление его в опасность, они (преступные последствия) присущи всякому преступному деянию, однако при такой их интерпретации данный признак преступления теряет свое практическое значение. Касаясь решения дискуссионного вопроса о существовании преступлений, не порождающих последствий материального характера, автор исходил из того, что не может быть поведения человека, которое не сопровождалось бы самыми разнообразными изменениями во внешнем мире, но вместе с тем подчеркивал: уголовное право имеет дело лишь с теми из них, которые оказываются юридически значимыми, существенными. Увязывая преступные последствия лишь с такого рода

изменениями окружающей действительности, Н. С. Таганцев различал деяния вредоносные (фактически повлекшие вредные последствия) и опасные (создавшие лишь угрозу их фактического появления). Характеризуя в этой связи опасность как одно из возможных преступных последствий, он полагал, что она всегда существует объективно, независимо как от самого факта, осознания ее виновным, так и характера – умышленного или неосторожного – психического отношения; может либо прямо указываться в уголовном законе, либо подразумеваться им; быть результатом не только действия, но и бездействия лица; грозить определенным или неопределенным благам; и др. Помимо признания опасности видом преступных последствий некоторой группы деяний автором упоминались еще два ее смысловых значения в уголовном праве: как момента развивающейся вредоносной деятельности («злая и субъективно опасная воля, осуществляясь вовне, мало-помалу приобретает и объективную опасность, становящуюся все грознее и грознее...») и как одного из «существенных признаков, определяющих самое понятие уголовно наказуемой неправды; объем и энергия этой опасности являются существенным моментом, служащим основанием для установления относительной уголовной важности деяния и для определения законодателем размеров уголовной кары»¹.

С подобного рода многообразием смыслового значения термин «опасность» использовался и в последующем. Однако исключительно важную роль он приобрел после принятия в нашей стране Руководящих начал по уголовному праву 1919 г., в которых в ст. 5 было сформулировано положение, что преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом, и при этом следующей статьей пояснялось: преступление является «действием или бездействием, опасным для данной системы общественных отношений». Примечательно, что в данном случае опасность деяния стала впервые рассматриваться законодателем в качестве обязательного признака всякого преступления (вне зависимости от того, повлекло оно или не повлекло фактическое причинения вреда) и ее направленность была увязана с самой «системой общественных отношений». Уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 гг., прямо не упоминая о такого рода системе, объявляли преступлением лишь общественно опасное деяние, усматривая в нем угрозу основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период». В первоначальной редакции ст. 7 УК РСФСР 1960 г. преступление характеризовалось как общественно опасное деяние, посягающее на советский государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно

¹Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая Т. 1. С.279–280.

иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью Кодекса, При подготовке проекта ныне действующего УК РФ (1994 г.) его разработчики, желая «отказаться от идеологических штампов, а также подчеркнуть мысль о том, что уголовное право охраняет от преступлений не только общественные интересы, но и права и законные интересы каждого отдельного человека», предложили признавать преступлением не общественно опасное деяние, а деяние, «причиняющее или создающее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству»¹. Не восприняв такой точки зрения, законодатель счел целесообразным включить в дефиницию понятия преступления указание на его общественную опасность, уточнив, однако, что оно может быть направлено против личности, общества или государства.

Не только предложение о терминологической замене, но и неприятие ее законодателем свидетельствует в пользу мнения об актуальности решения вопроса о соотношении общественной опасности деяния и его общественной вредности. Еще не так давно эти понятия большинством ученых считались тождественными, и сама мысль о поиске отличительных особенностей иногда рассматривалась как игра в слова, терминологическая схоластика, которая не несет в себе никакого конструктивного начала, поскольку от того, назовем ли мы объективную способность деяния нарушать интересы общества «вредностью» или «опасностью», суть дела не изменится ни на йоту². Справедливости ради нужно заметить, что подобного рода суждения высказывались в отношении идеи связать общественную опасность с преступлениями, а общественную вредность – с иными (административными, дисциплинарными и т. п.) правонарушениями, но в данном случае этот нюанс не столь уж существенен. Вместе с тем если согласиться с тождественностью понятий «опасность» и «вредность», то тогда возникшую дискуссию об обоснованности отказа от одного в пользу другого нужно оценивать как спор терминологического характера, и сформулированное ныне в законе определение преступления как общественно опасного деяния следует толковать в предлагавшемся в проекте варианте: это деяние, причиняющее или создающее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству. Тогда выявившееся при обсуждении проекта настойчивое стремление многих ученых сохранить во вновь принятом УК указание на то, что преступлением нужно признавать деяние общественно опасное, следует объяснять законодательными традициями, привычностью использованной терминологии, стремлением к ее унификации, целесообразностью отражения способности деяния причинять и создавать угрозу причинения вреда одним термином и т. п. Кстати, именно на такого рода аргументы чаще всего ссылались оппоненты позиции

¹Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект. М., 1994. С.4.

²См.: Ляпунов Ю. И. Указ. соч. С. 28.

разработчиков проекта вступившего в силу УК РФ.

Допустив, что опасность и вредоносность не есть одно и то же, нужно заключить: говоря об опасности преступления, мы должны видеть в ней не вредоносность деяния, а другое свойство. Какое именно? Некоторые авторы пытались дать ответ на этот вопрос. Например, утверждалось, что понятие общественной опасности выражается не столько в ущербе или угрозе его причинения объектам уголовно-правовой охраны, сколько в направленности деяния против основных социальных ценностей¹. Такой подход к решению вопроса, однако, ничего нового не дает и полностью укладывается в рамки представлений об общественной опасности деяния как его вредоносности. Этого нельзя сказать о позиции, сторонники которой полагают, что сущность общественной опасности заключена не во вредоносности деяния, а в его способности служить «социальным прецедентом» (примером для подражания), создавать угрозу повторения антиобщественного поведения². Против подобной точки зрения имеются серьезные возражения, частично уже высказанные в юридической литературе: примером для подражания могут выступать и законопослушные формы поведения, и, следовательно, подобного рода свойство деяния нельзя связывать ни с сущностью общественной опасности, ни с преступлением как таковым; при преступной небрежности вряд ли вообще обоснованно говорить о подражании людей; подражание относится не к самой общественной опасности, а к реакции людей на антиобщественные деяния, и т. д. Небезупречной данная позиция является еще и потому, что в своем логически развернутом виде ведет к признанию опасным того, что способствует проявлению в будущем иной опасности, и в конечном счете вопрос о ее понимании оставляет открытым. Не случайно, резюмируя свои изыскания, автор такой концепции был вынужден увязать раскрытие сущности общественной опасности через антиобщественный прецедент и негативную ценностную ориентацию с интересами познания закономерностей причиняемого преступлением вреда. Не будет лишним также заметить: следуя предложенной интерпретации сущности общественной опасности преступлений, теория уголовного права тем самым вольно или невольно способствовала бы формированию убеждения в допустимости манипуляции с информацией о преступности (в частности, со статистическими данными), сокрытия ее от общества.

Надо полагать, что единственно правильным подходом к уяснению сущности общественной опасности как обязательного признака преступления является тот, в соответствии с которым она увязывается с вредоносностью деяния. Придерживаясь этого традиционного взгляда, многие ученые усматривают в проявлении общественной опасности две ее формы: реальное причинение вреда и возникновение реальной угрозы его причинения. Ставя

¹См.: Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С.71.

²См.: Феллов П. А. Указ. соч. С. 27.

фактически знак равенства между общественной опасностью преступления и опасностью его для общественных отношений, советская юридическая наука проводила мысль о том, что реально нанесенный преступлением материальный или нематериальный вред – это вред, причиненный одновременно как конкретным физическим или юридическим лицам (если таковые имеются), так и общественным отношениям. В этой связи, говоря о «взломе», «дезорганизации» и т. п. общественных отношений, был поставлен вопрос о «механизме» нанесения им ущерба в каждом конкретном случае. Единого решения данного вопроса выработать не удалось, но приверженцев этого взгляда объединяло то, что все они характеризовали последствия преступления как изменения в общественных отношениях (объекте посягательства). Не всегда однозначно в данном случае характеризовалась и «природа» возможности наступления преступных последствий, т. е. вторая форма выражения опасности посягательств: в одних работах угроза причинения вреда общественным отношениям рассматривалась в качестве признака самого совершаемого деяния; в других – как разновидность последствий преступления. Говоря о физическом характере «природы», исследователи тем не менее подчеркивали: она представляет собой определенный этап развития объективной стороны, который состоит в том, что преступное действие уже полностью совершено и уже вызвало во внешнем мире некоторые изменения, но эти изменения пока не привели (хотя способны были при дальнейшем развитии событий привести) к наступлению преступного результата. Следует заметить, что в концентрированном виде рассматриваемая концепция общественной опасности нашла свое отражение в теоретической модели УК в виде формулы: «общественно опасным признается такое действие или бездействие, которое причиняет или создает возможность причинения ущерба социалистическим общественным отношениям, охраняемым уголовным законом»¹.

Та же самая логическая посылка – опасность деяния выражается в посягательстве на общественные отношения – породила и такую точку зрения, согласно которой нет и в принципе не может быть преступления, реально не причиняющего ущерба. Ясно, что в основе этого утверждения лежат уже иные представления о преступном вреде. Наиболее законченно они выражены в позиции авторов, выступающих за необходимость различать вред, с одной стороны, объекту – общественным отношениям, а с другой – их участникам и предмету. Утверждая, что первый вид вреда выражается в «дезорганизации» отношений между людьми и наносится преступлением всегда, вне зависимости от того, удалось ли виновному довести задуманное до конца, и лишь второй вид вреда – реальный, конкретный (физический, имущественный и т. п.) – носит факультативный, необязательный характер,

¹Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. С. 44.

сторонники такого понимания последствий преступления определяющее, главное значение для характеристики его общественной опасности стали отводить самому факту «дезорганизации» общественных отношений. Научное и практическое значение такого решения вопроса усматривается в том, что, «во-первых, оно устанавливает общее, внутреннее, объективное свойство (качество) всех без каких-либо исключений преступлений, т. е. раскрывает тем самым их единую сущность; во-вторых, оно объясняет их генетическую однородность и, следовательно, общий источник зараженности, сферу существования, историческую изменчивость, средства, методы и цели борьбы с преступлениями; в-третьих, оно указывает на тот фундамент, на котором стоит вся многокомпонентная конструкция общественной опасности преступления...»¹. Что же касается концепции беспоследственных преступлений, то при таком подходе она оценивается как опасная и вредная, поскольку «игнорирует необходимость установления законодателем «глубины» поражения общественных отношений при оценке и познании общественной опасности совершенного деяния»².

Об обоснованности признания общественных отношений тем, чему преступление способно причинить вред, речь шла в главе, посвященной объекту преступления. Здесь же уместно лишь отметить, что, взяв на вооружение идею Руководящих начал 1919 г. о преступлении как нарушении общественных отношений, юридическая наука одновременно восприняла и вкладываемый в эту идею смысл: опасность всякого преступления состоит не столько в том, что от него могут пострадать конкретные лица, сколько в том, что оно нарушает интересы того или иного класса. И даже после того, как в УК РСФСР 1960 г. законодатель определил в качестве своей задачи защиту не только интересов государства и правопорядка, но и личных, имущественных и других прав граждан, теория уголовного права по-прежнему видела в преступлении «борьбу индивида против господствующих в обществе отношений» (иногда говорилось об интересах общества в целом). Надо полагать, что именно такая интерпретация общественного характера опасности преступления побудила разработчиков проекта нового УК РФ говорить об идеологических штампах и желании подчеркнуть, что уголовное право призвано охранять как общественные, так и личные интересы. Между тем, с методологической точки зрения, основной недостаток советской уголовно-правовой науки заключался не столько в этом, сколько в другом: определяя понятие преступления, она видела в отношениях между людьми не то, что характеризует общественную сущность самого преступления, а то, что составляет его объект. Подобного рода смещение акцента вполне закономерно привело к соответствующему изменению взглядов на направленность опасности совершаемых деяний, в том числе посягательств

¹Прохоров В. С. Указ. соч. С. 60–61.

²Ляпунов Ю. И. Указ. соч. С. 83.

на жизнь, здоровье, честь или достоинство: их опасность стала восприниматься как способность действия или бездействия причинять вред не самой личности, а опять же «совокупности общественных отношений». Думается, что, сохранив в определении понятия преступления признак его общественной опасности, ныне действующий УК РФ дает основание утверждать: преступление есть такое отношение лица к личности, обществу или государству, которое выражается в совершении деяния, причиняющего или создающего угрозу причинения вреда именно им (личности, обществу или государству), а не общественным отношениям.

Сформулированный вывод имеет важное значение для решения вопроса не только о том, в чем находит свое выражение общественная опасность преступления, но и о том, какие факторы ее обуславливают. Разделяя положение, согласно которому опасность не зависит от воли и сознания законодателя, который в состоянии лишь более или менее верно познавать и оценивать данное свойство преступления, уголовно-правовая наука вместе с тем не смогла выработать единого взгляда на ту роль, которую в этой связи играют признаки субъективной стороны (вина, мотив, цель). Разброс мнений был весьма широк, однако с некоторой долей условности можно выделить две основные точки зрения. Сторонники одной из них характеризовали общественную опасность как свойство, зависящее исключительно от специфики объекта посягательства, а также размера, способа, места, времени и обстановки причинения вреда¹. Представители другого подхода основывались на посылке, согласно которой общественная опасность есть свойство, присущее преступлению в целом и определяемое не только вышеназванными, объективными, но и субъективными признаками (виной, мотивом, целью)². Заметим, что в рамках такого взгляда было высказано немало идей, в частности, о понимании общественной опасности в философском и уголовно-правовом аспекте; рассмотрении ее не столько в качестве свойства (материального, объективного и т. п.), сколько в качестве «особого антисоциального состояния преступника»; ведущей и определяющей в ней роли «объективных признаков деяния, а среди них – объекта и последствий преступления либо, напротив, субъективной стороны; выраженности характера общественной опасности преступления в его объекте, а ее степени – в вине; делении общественной опасности на объективную и субъективную; характеристике общественной опасности как некоторого рода «структуры» («состава», «системы» и т. п.), предполагающей какую-то совокупность элементов (общественную опасность самого действия или бездействия, общественную опасность последствий, общественную опасность личности и т. д.).

¹См., напр.: Ляпунов Ю. И. Указ. соч. С. 97.

²См., напр.: Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 122.

Являясь в настоящее время наиболее распространенной, последняя из указанных позиций примечательна тем, что ее сторонники не отрицают возможности возникновения опасности в результате невинных действий индивида, но подчеркивают отсутствие в ней общественного характера, поскольку они «не посягают на общественные отношения», «не включены в систему общественных отношений», «не относятся к сфере отношений между людьми», «не выражают ни положительного, ни отрицательного отношения к ним» и т. п. Если иметь в виду сказанное выше о роли общественных отношений в определении понятия преступления, то, называя вещи своими именами, нужно уточнить: при невинном причинении вреда речь должна идти не о том, посягает или не посягает лицо на общественные отношения, причиняет им вред или не причиняет, но именно о том, имеется ли в данном случае отношение индивида к людям, носит ли оно общественный характер. При такой постановке вопроса необходимость в отрицательном его решении более чем очевидна. Однако одно дело, когда мы говорим об общественном характере преступлений как таковых, и другое – об общественном характере опасности, порождаемой деянием. Может ли второе ставиться в зависимость от того, способен человек осознавать вредоносность своего деяния или нет, осознавал ли он ее, должен ли был и мог ли осознавать? Если учесть, что отражаемое всегда существует вне и независимо от отражающего, нужно признать: от сознания и воли индивида зависит, какому варианту поведения будет отдано предпочтение в каждой конкретной ситуации, однако свойства избранного варианта поведения от лица не зависят. Поскольку иное решение вопроса противоречит не только теории отражения, но и представлению об общественной опасности как свойстве деяния причинять или создавать угрозу причинения вреда, нужно согласиться с утверждением, что с точки зрения непосредственных социальных потерь не имеет значения, умышленно ли был убит некто или по неосторожности, либо вообще пал жертвой несчастного случая.

Настаивая на тезисе об обусловленности общественной опасности преступления как объективными, так и субъективными признаками, некоторые ученые пошли еще дальше, относя к числу факторов, влияющих на эту опасность, обстоятельства, непосредственно касающиеся личности виновного (неоднократность, рецидив и т. п.). В обоснование этого обычно ссылаются на разную степень тяжести санкций статей Особенной части УК, предусматривающих ответственность за однократно и неоднократно совершенное преступное посягательство (аналогичный довод часто используется, кстати, и в подтверждение мысли о повышенной общественной опасности умышленного преступления по сравнению с неосторожным). Безупречность такой аргументации вызывает большие сомнения, но не потому, что она искажает позицию законодателя (в ряде случаев, например, при выделении категорий преступлений, он действительно дает повод для

подобного толкования природы общественной опасности), а потому, что базируется на представлениях о тождественности факторов, влияющих на общественную опасность преступления, обстоятельствам, подлежащим учету при конструировании уголовно-правовых санкций. Являясь результатом так называемой юридизации (выведения за пределы юридической категории всего того, что не имеет уголовно-правового значения, и одновременно включения в нее того, что так или иначе связано с ним), данный подход неизбежно порождает гипертрофирование роли общественной опасности, причем не только при построении санкций уголовного закона (когда опасность рассматривается в качестве единственного критерия установления степени их тяжести), но и при определении понятия преступления. Стоит ли удивляться тому, что все ранее дававшиеся в советском законодательстве и юридической литературе определения понятия преступления сводились в основном к характеристике его общественной опасности, в рамках которой решались все остальные вопросы.

Впервые закрепив виновность в качестве самостоятельного признака понятия преступления, ныне действующий УК РФ тем самым дал основание полагать, что объективный характер общественной опасности нужно усматривать в ее независимости от воли и сознания как законодателя, так и лица, совершившего общественно опасное деяние. Если иметь в виду, что общественная опасность есть свойство, характеризующее способность деяния служить источником вредоносности и выражающееся в реально причиненном вреде или угрозе его причинения личности, обществу или государству, то нужно сделать вывод, что не только само наличие этого свойства, но и его величина (мера, уровень и т. п.) обуславливаются обстоятельствами, касающимися специфики объекта и внешней стороны посягательства, включая место, время, способ, обстановку совершения деяния. В этой связи вряд ли нужно рассматривать как логичные попытки авторов создать своего рода «компромиссный» вариант решения вопроса, при котором не отрицается сам факт существования общественной опасности вне зависимости от того, виновно или невиновно лицом был причинен вред, и вместе с тем утверждается, что в аспекте вида и тяжести ответственности, т. е. в рамках правового регулирования, форма вины оказывает влияние не на само наличие общественной опасности, а на ее конкретную величину, меру.

Отсутствие необходимой ясности в том, в чем именно находит свое выражение общественная опасность и какова природа факторов, ее обуславливающих, есть основная причина сложностей, возникающих при отграничении преступлений от иных видов правонарушений. В настоящее время бесспорно одно: определяющую роль в этом отграничении должна играть общественная опасность содеянного. Проблемным остается, однако, изначальное положение: присуща она только преступлению или всякому правонарушению. Отечественное уголовное законодательство издавна

склонно было рассматривать ее исключительно как признак преступления. Не случайно еще в УК РСФСР 1926 г. не признавалось преступлением лишь такое предусмотренное в законе деяние, которое вообще лишено общественно опасного характера, причем в силу двух обстоятельств: явной малозначительности и отсутствия вредных последствий. Аналогичная формулировка воспроизводилась также в УК РСФСР 1960 г. с той лишь разницей, что из числа преступлений здесь исключалось действие или бездействие, формально предусмотренное Особенной частью Кодекса, но не представляющее общественной опасности в силу малозначительности деяния (указания на явную малозначительность и отсутствие вредных последствий отсутствовали). Ныне действующий УК РФ 1996 г. в первоначальной редакции, провозглашая, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, далее дополнительно устанавливал: «т. е. не причинившее и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству». Федеральным законом, принятым 20 мая 1998 г., данное дополнение исключено, и тем самым по сути дела была восстановлена редакция УК РСФСР 1960 г.

Иная позиция на этот счет господствует в научной литературе. Проходившая дискуссия привела большинство авторов к мнению о том, что общественная опасность – признак, свойственный не только преступлению, но и правонарушению, и, стало быть, различие между ними нужно искать лишь в ее степени (уровне, величине и т. п.). Выступая за необходимость внесения соответствующего уточнения в УК РСФСР 1961) г., разработчики теоретической модели Общей части уголовного закона предложили в разделе обстоятельств, исключающих преступность деяния, сформулировать положение: не является преступлением действие или бездействие, подпадающее под признаки деяния, предусмотренного в законе в качестве преступления, но в силу малозначительности не обладающее общественной опасностью, присущей преступлению¹. Нет нужды гадать о том, какие соображения не позволили законодателю концептуально принять такую новеллу и что именно побудило его в последующем исключить из ч. 2 ст. 14 УК РФ слова «т. е. не причинившее и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству». Важнее обратить внимание на другое. Как уже отмечалось, общественная опасность есть свойство деяния, характеризующее его способность причинять или создавать угрозу причинения вреда. Следуя этому пониманию, логично заключить, что как не представляющее общественной опасности должно рассматриваться деяние не в силу его малозначительности, а из-за отсутствия причиненного им

¹См.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. С. 121.

реального или угрожаемого вреда. Не иначе как парадоксальным нужно назвать подход, при котором общественная опасность деяния ставится в зависимость от его малозначительности, а не наоборот, малозначительность – от общественной опасности. Можно дискутировать по поводу того, достаточно ли руководствоваться лишь общественной опасностью при оценке значительности деяния, но в любом случае нельзя, во-первых, как говорится, ставить телегу впереди лошади и, во-вторых, признавать, что деяние может быть не представляющим общественной опасности и одновременно значимым (пусть даже в малой степени) с точки зрения уголовного права. Имея в виду оба этих соображения, уместно заключить, что преступлением не должно считаться предусмотренное уголовным законом действие (бездействие), которое содержит признак малозначительности, т. е. не достигло требуемого для преступления уровня общественной опасности.

Глава 3. Юридическая природа понятия преступления

Характеризуя юридическую природу понятия преступления, многие специалисты ограничиваются анализом признака противоправности, фокусируя в нем в качестве основной проблемы его соотношение с общественной опасностью деяния. Если попытаться сгруппировать все известные дефиниции преступления, то с учетом специфики лежащего в их основе представления о соотношении материального и формального можно выделить три типа определений, которые с некоторой долей условности есть смысл обозначить как формальные, материальные и материально-формальные. Отличительной чертой первого типа определений следует считать то, что в них упоминаются лишь юридические (нормативные, правовые, формальные) признаки преступления. Сложилось мнение, что такого рода конструкция свойственна законодательству зарубежных государств, а в России она использовалась лишь в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, усматривавшем в преступлении противозаконное деяние, и в Уголовном Уложении 1903 г., делавшем акцент на воспрещенности деяния уголовным законом под страхом наказания. В качестве примера второго – «чисто» материального – подхода построения определения часто приводят дефиниции, содержащиеся в Руководящих началах по уголовному праву 1919 г. и УК РСФСР 1922 и 1926 гг. Ограничившись указанием лишь на общественную опасность деяния, признаваемого преступлением, разработчики данных нормативных актов исходили из того, что «ни один Уголовный кодекс не в состоянии объять всего многообразия уголовных деяний, которые могут совершаться и совершаются в действительности, и если мы хотим создать кодекс, с помощью которого можно было бы наиболее успешно бороться с опасными

для советского строя явлениями, то мы должны иметь статьи, дающие судье возможность действовать по аналогии, дающей возможность судье руководствоваться социалистическим правосознанием, чтобы найти выход из положения»¹.

О материально-формальном типе законодательного определения преступления стала идти речь после принятия Основ уголовного законодательства 1958 г., в которых преступлением объявлялось деяние, являющееся предусмотренным уголовным законом и вместе с тем общественно опасным. Определяя первый, формальный признак как «противоправность» («противозаконность»), советская юридическая наука неизменно подчеркивала мысль о приоритете материального (общественной опасности) признака над формальным (противоправностью)². Критикуя авторов, попытавшихся увязать отказ нашего государства от аналогии с отказом от материального взгляда на понятие преступления, А. А. Пионтковский писал: «Материальное понятие преступления необходимо для того, чтобы раскрыть классовое, политическое содержание уголовного законодательства социалистического государства. Наличие его позволяет сделать важный практический вывод, что не считается преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части Уголовного кодекса, но в силу малозначительности не является общественно опасным. Но дает возможность также признать, что в тех случаях, когда в силу изменившейся социально-политической обстановки деяние перестало носить общественно опасный характер, лицо должно быть освобождено от уголовной ответственности. Материальное понятие преступления служит, наконец, и для правильного понимания и раскрытия содержания конкретных признаков состава преступления, предусмотренных советским уголовным законодательством. Оно представляет собой одно из принципиальных ведущих положений социалистического уголовного права»³.

Вопрос о соотношении формального и материального в едином понятии преступления не был оставлен без внимания и при подготовке ныне действующего УК РФ. Предложенный в одном из последних вариантов

¹Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1948. С. 86.

²Весьма непоследовательную позицию по данному вопросу высказали Е. А. Сухарев и А. Д. Горбуза, которые, с одной стороны, писали, что «основным признаком преступления, характеризующим его сущность, является нарушение закона», и определяли понятие преступления «как нарушение общественных отношений, урегулированных правом», а с другой – отмечали: «Выдвижение и в преступлении на первый план признака противоправности вовсе не означает забвения главной роли социального содержания правоотношения (по сравнению с его правовой формой), поскольку содержание и форма представляют собой лишь различные характеристики (стороны, моменты) одного и того же социального явления – урегулированного правом общественного отношения». Последнее суждение тем не менее не мешало авторам утверждать, что «характеристика преступления как правонарушения, т. е. деяния, посягающего на закон, который установлен государством, является единственно допустимой». См.: Сухарев Е. А., Горбуза А. Д. Сущность преступления. С. 53.

³Курс советского уголовного права. В 6 т. Часть Общая. Т. 2. С. 24.

проект УК определял преступление как «запрещенное уголовным законом деяние (действие, бездействие), причиняющее вред или создающее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству». Усматривая в таком решении вопроса продолжение традиций отечественного уголовного законодательства в использовании материального подхода к пониманию преступления, разработчики данного проекта пояснили: «Исходя из принципа законности, сформулированного в ст. 3 Проекта, в качестве главного признака преступления закрепляется противоправность: преступлением является только действие (бездействие), которое прямо предусмотрено уголовным законом. Этот подход соответствует классической формуле «*nullum crimen sine lege*»¹. Окончательная, принятая редакция статьи о понятии преступления, однако, не дает права считать, что идея приоритета формального над материальным нашла поддержку у законодателя. Тем не менее уже после вступления в силу нового УК в юридической литературе вновь ставится вопрос о необходимости изменить традиционное для советской науки уголовного права соотношение материального и формального признаков в определении (понятии) преступления: «Необходимо, – пишет А. В. Наумов, – действительно отказаться от принятой трактовки взаимосвязи этих признаков, когда в основу определения кладется материальный признак (общественная опасность), а формальный признак (уголовная ответственность) объявляется производным от него. Видимо, в правовом государстве первое место должен занять признак противоправности»².

Вряд ли, однако, будет ошибочным полагать, что в настоящее время большинство ученых склонны отдавать предпочтение иным точкам зрения: либо той, которая требует рассмотрения общественной опасности как первичного, а противоправности как вторичного признака, либо той, которая ориентирует на их одинаковую значимость³.

Констатируя, что проблема соотношения материального и формального в понятии преступления пока еще не снята с повестки дня, следует заметить: в конечном счете решение вопроса о приоритете того или другого зависит от наших представлений не о виде (тоталитарном, авторитарном, либеральном, демократическом) государства, а, конечно же, о существовании материального и формального. Во всяком случае сравнительный анализ показывает, что положения советской юридической литературы в части, непосредственно касающейся трактовки противоправности как признака понятия

¹Уголовный кодекс Российской Федерации. Общая часть. Проект. С. 4.

²См. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. С. 21.

³«Анализ содержания части первой ст. 14 УК, – утверждают некоторые авторы, – позволяет сделать вывод о том, что законодатель признает равноправными оба основополагающих признака преступления – общественную опасность и уголовную противоправность... Деление признаков преступления на формальный и материальный следует считать условным». См. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 59.

преступления (юридической природы понятия преступления), по сути дела ничем не отличаются от тех, которые высказываются в настоящее время и которые, например, в курсе МГУ в концентрированном виде сформулированы следующим образом: «а) уголовная противоправность – свойство преступления; б) она равнозначна таким социальным последствиям, как общественная опасность и виновность; в) она прямо проистекает из требования принципа законности; г) уголовная противоправность складывается из запрета совершать (воздерживаться) соответствующее деяние, описанное в диспозиции нормы, и угрозы наказанием, предусмотренным в санкции норм с учетом положений Общей части УК; д) она адекватно отражает общественную опасность деяния; е) уголовная противоправность представляет собой оценку законодателем общественной опасности деяния и как всякая оценка может быть неточной и даже ошибочной по различным причинам, в том числе конъюнктурно уголовно-политическим»¹.

Разумеется, в отечественной уголовно-правовой литературе можно встретить и суждения, мало согласующиеся с приведенными². Но как первые, так и вторые и понимании противоправности во главу угла ставят ее соотношение с материальным признаком. Не умаляя важности этого аспекта, в данной работе исходным, отправным признается решение иного вопроса: о взаимосвязи противоправности не с общественной опасностью, а с тем, что именуют признаком «предусмотренности деяния в законе».

Указанное смещение акцента имеет свои причины, которые заключены не столько в логике изложения материала, сколько в самой методологической основе проблемы. В том, что это действительно так, убеждает эволюция взглядов на противоправность наказуемого деяния. В России они изначально были обусловлены представлениями о его направленности, что, как уже отмечалось, породило соответствующее понимание объекта посягательства и возникновение самого термина «преступление», т. е. выход за рамки дозволенного. Усматривая во всяком преступлении нарушение какого-либо – в объективном или (и) субъективном смысле – права, отечественная уголовно-правовая наука на рубеже XIX–XX вв. в лице большинства своих представителей характеризовала противоправность в том смысле, что наказуемое деяние совершается в нарушение (вопреки) существующих в обществе писаных и неписаных норм. Нет нужды вновь возвращаться к вопросу о спорности наделения норм статусом объекта посягательства. Но

¹ Курс уголовного права. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1. С. 149.

² Иногда, например, утверждается: «Общественная опасность образует материальное содержание противоправности» (Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. Л., 1968. С. 259–260). Некоторые авторы идут еще дальше: «Если принять во внимание, – полагают они, – что формой проявления общественной опасности преступного посягательства выступает противоправность деяния, то нетрудно прийти к выводу, признак противоправности заключает в себе характеристику сущности преступления» (Сухарев Е. А., Горбуза А. Д. Традиционные представления о структуре преступления (критический анализ). С. 18).

вряд ли требует особых доказательств и то, что в качестве признака понятия преступления противоправность могла восприниматься именно как несоблюдение каких-то предписаний, несоответствие, противоречие им наказуемого деяния. В рамки такого толкования противоправности вполне укладывались возникшие среди авторов многочисленные споры о конкретном ее содержании, в том числе, кстати, непосредственно касающиеся нормативного характера данного признака преступления¹, правомерности толкования противоправности как несоблюдения лицом чужого или своего субъективного права².

При этом, однако, нужно обратить внимание и на то, что уже в начальный период формирования представлений о противоправности в ряде работ обозначилась попытка увязать с ней оценку деяния с позиций как норм права вообще, так и уголовно-правовых в частности. Воспринимая противоправность в значении несоответствия, противоречия деяния чему-либо, многие авторы включали в характеристику данного признака преступления так называемый принцип *nullum crimen sine lege* («нет преступления без указания на то в законе»), и, пожалуй, лишь у Н. С. Таганцева фактически имелось в виду иное решение вопроса. Отмечая, что осознание важности данного принципа обществом и законодателем знаменует собой новый, несомненно прогрессивный этап в развитии уголовно-правовой мысли, автор писал, что 1) предоставление суду права налагать наказание за деяние, прямо не указанное в законе, заключает в себе полное смешение деятельности судебной и законодательной; 2) предоставление суду такого права не только приравнивает судью к законодателю, но ставит его выше последнего, поскольку дает ему право контроля; 3) признавая такое право, мы наносим страстный удар гражданской свободе и спокойствию каждого; 4) предоставление такого права вовсе не требуется, так как законодатель при первом указании практики на подобный недостаток всегда может восполнить допущенный пробел, а потому вред, происшедший от безнаказанности не предусмотренных законодателем деяний, в любом случае представляется ничтожным³. Примечательно, что, определяя преступление как нарушение правовых норм в «реальной жизни», Н. С. Таганцев рассматривал принцип «нет преступления без указания о нем в законе» в рамках учения об уголовном законе, придавая тем самым данному принципу самостоятельное от понятия противоправности значение. К сожалению, в своих суждениях о преступлении как деянии, нарушающем

¹Речь идет о возможности понимания противоправности как нарушения не только каких-либо норм (так называемая формальная противоправность), но также интересов, благ и т. п. (материальная противоправность).

²О несоблюдении лицом своего права часто говорилось при характеристике правовой природы института обстоятельств, исключающих преступность деяния, когда утверждалось, что, например, превышение пределов необходимой обороны наказуемо в связи с тем, что лицо не столько нарушает чьи-либо права, сколько выходит за границы собственного, естественного права на защиту своих интересов.

³См.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 97–98.

норму права, автор видел решение проблемы объекта преступления и обошел вниманием вопрос о противоправности как обязательном признаке преступления. Между тем принцип «нет преступления без указания на то в законе» требовал осмысления как раз в рамках учения о понятии преступления, и в особенности в ракурсе взаимосвязи с противоправностью деяния. Ведь одно дело, когда нас интересует оценка деяния с позиций существующих норм права вообще, его несоответствие, противоречие им, и совсем другое, когда речь идет об отношении деяния к уголовно-правовым нормам, предусмотренности ими подобного деяния в качестве преступления. В последнем случае ни о чем, кроме как о соответствии, предусмотренности деяния уголовным законом, говорить не приходится, и, стало быть, нельзя объединять в рамках одного и того же понятия противоправности две исключаящие друг друга характеристики понятия преступления: несоответствие деяния нормам права (или, как ранее говорилось, правопорядку в целом) и соответствие деяния уголовному закону.

Именно такая позиция имеет преобладание в зарубежной юридической литературе, в которой обычно говорится о необходимости выделения двух самостоятельных признаков понятия преступления: его противоправности и соответствии составу преступления. Наиболее глубоко укоренена такая точка зрения в германской юридической литературе, в которой еще в начале XX в. Е. Белинг настаивал на признании противоправности и соответствия составу самостоятельными признаками преступления, на необходимости их отдельного анализа и рассмотрения¹. О том, что понятие «преступление» должно включать в себя не только противоправность в смысле ее противоречия правовым нормам (правопорядку в целом), но и все признаки состава преступления, в последующем писал, в частности, Г. Ешек, по мнению которого преступление есть деяние, соответствующее составу, наказуемое, противоправное и виновное². За необходимость признания соответствия составу преступления в качестве обязательного признака понятия преступления выступали и многие другие зарубежные авторы, хотя их позиции имели свои особенности. Так, в Швейцарии достаточно определенно за признание самостоятельного значения признаков противоправности и соответствия деяния составу преступления высказался швейцарский криминалист Г. Пфеннингер, считающий: «Для того, чтобы поведение человека было наказуемым, оно должно не только соответствовать составу преступления, но и быть противоправным, то есть должно осуществлять состав преступления при отсутствии оснований, исключаяющих противоправность такого деяния»³. Поясняя свою мысль, автор заметил: «При этом под «составом преступления» мы понимаем всю совокупность

¹См.: Beling E. Die Lehre vom Tatbestand. Tübingen, 1906. S. 118–120.

²См.: Yescheck H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgem. Teil. Berlin, 1972. S. 242.

³Современное зарубежное уголовное право. Т.2. М., 1958. С. 332.

фактических признаков преступления, то есть все признаки его, исключая вину и противоправность»¹. Констатируя в целом успех учения Белинга о понятии преступления в австрийской уголовно-правовой науке, Ф. Новаковский допускал возможность двух – формальной и материальной – трактовок противоправности, из которых одна предполагает признак «соответствия деяния составу преступления»². Идея разграничения противоправности на формальную и материальную нашла поддержку в греческой юридической литературе у Г. Мангакиса. Имея в виду УК Греции 1950 г., автор сделал вывод: «Соответствие составу преступления является только критерием противоправности и, следовательно, не тождественно ей»³. Нюанс в данном случае состоял лишь в том, что, по мнению этого ученого, нет необходимости «рассматривать соответствие деяния составу преступления в качестве самостоятельного элемента уголовно наказуемого деяния и распространять его на другие элементы уголовно наказуемого деяния»⁴.

По иному пути пошло развитие представлений о противоправности в советской юридической литературе. Во времена действия первых уголовно-правовых актов, допускавших аналогию закона, нередко высказывалось мнение о том, что помимо общественной опасности должен выделяться признак противоправности. Его понимание связывалось с тем, что преступление противоречит существующим в обществе правовым нормам. И сама логика решения вопроса, и интерпретация признака противоправности как противоречия деяния нормам советского права позволяют сделать вывод о том, что в этот период противоправность толковалась, можно сказать, традиционно, широко. Соответствующее решение вопроса имело своих сторонников и после того, как законодатель, желая отказаться от использования аналогии, стал рассматривать преступление как деяние, являющееся не только общественно опасным, но и обязательно предусмотренным Особенной частью УК⁵. Такая трактовка, однако, не получила широкого распространения в советской юридической науке, в которой одни авторы считали, что данное в Основах уголовного законодательства 1958 г. определение понятия преступления содержит лишь

¹Там же. С. 322.

²Там же. Т. 3. С. 603, 607.

³Современное зарубежное уголовное право. Т. 3. М., 1961. С. 395.

⁴Там же. С. 391– 392.

⁵Так, например, А. Д. Горбуза и Е. А. Сухарев пришли к выводу о том, что с точки зрения структуры и «работоспособности» понятия преступления необходимо говорить о двух его общих признаках: юридическом (нарушении закона) и предметно-материальном, фактическом (причинении вреда). Полагая, что характеристика противоправности как нарушения уголовного закона невозможна в принципе, авторы делают вывод: «Под нарушением закона как общим признаком следует понимать нарушение нормы какой-либо отрасли регулятивного законодательства: государственного, гражданского, трудового, семейного, водного права и т. д.». См.: Горбуза А. Д., Сухарев Е. А. Методика квалификации преступлений в стадии возбуждения уголовного дела // Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования. Свердловск. 1988. С.25.

указание на общественную опасность совершенного деяния (действия или бездействия); другие, не утруждая себя аргументацией, в определениях противоправности либо ставили знак равенства между ней и предусмотренностью деяния уголовным законом, либо рассматривали последнюю в качестве составной части первого. Обычно умалчивая об оценке деяния с позиций права вообще, авторы предпочитали отождествлять противоправность как признак преступления с уголовной противоправностью¹. Надо полагать, что и в настоящее время эта концепция противоправности является если не единственной, то господствующей, ибо, как и в советской юридической литературе, предусмотренность деяния уголовным законом принято рассматривать в рамках признака противоправности деяния, вследствие чего, видимо, последняя и характеризуется в качестве не противоправности вообще, а уголовной противоправности (противозаконности).

Главный недостаток таких представлений о противоправности состоит в том, что они без всяких на то логических и юридических оснований объединяют, а точнее, не различают две самостоятельные оценки наказуемого деяния. Не касаясь пока оснований, по которым должна быть признана небесспорной и точка зрения, ориентирующая на противоположное решение вопроса, т. е. на наделение противоправности и предусмотренности значением самостоятельных, однопорядковых признаков понятия преступления, необходимо отметить, что, говоря о последней, мы по сути дела имеем в виду принцип *nullum crimen sine lege*. Центральная идея этого принципа состоит в том, что о преступности или не преступности деяния допустимо судить лишь с позиций уголовного, а не какого-либо иного закона. Надлежащее практическое воплощение в жизнь данной идеи требует, чтобы в каждом отдельном случае правоприменитель руководствовался в своей деятельности исключительно уголовным законом, действующим во время и в месте совершения инкриминируемого лицу деяния, вследствие чего многие конкретные положения УК РФ 1996 г., содержащиеся в разделе, именуемом «Уголовный закон», суть в конечном счете предписания, непосредственно раскрывающие принцип «нет преступления без указания на то в законе». Ясно, что в рамках такого принципа надлежит рассматривать и проблемы, возникающие в теории уголовного права в связи с определением того, статьями какой из частей УК (Общей, Особенной или обеих) отдельное деяние предусматривается в качестве преступного, одной или несколькими уголовно-правовыми нормами, чем именно – их гипотезами, диспозициями либо теми и другими одновременно. Не принижая актуальности этих аспектов, важно тем не менее отметить: характеристика предусмотренности действия (бездействия) в уголовном законе предполагает уяснение не только

¹См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1.Л., 1968. С. 159.

того, где именно в нем указывается на преступность деяния, но и того, какое деяние можно считать предусмотренным действующим уголовным законом.

Несмотря на очевидность, сделанный акцент не лишен актуальности, ибо вне зависимости от того, о чем конкретно идет речь – о принципе «нет преступления без указания на то в законе» или о предусмотренности деяния уголовным законом как признака понятия преступления, в юридической литературе обычно не идут дальше констатации важности положения, согласно которому только уголовный закон способен выполнять функцию объявления деяния преступным. Полагая, что здесь должна идти речь о «двух сторонах медали», нужно обратить внимание на то, что о предусмотренности деяния уголовным законом допустимо говорить лишь при условии, что оно совершено физическим, вменяемым, достигшим соответствующего возраста лицом. Не требует особых доказательств и утверждение, согласно которому не является предусмотренным уголовным законом в качестве преступления деяние, совершенное невиновно, т. е. в ситуации, когда лицо, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия (бездействия), но не могло предотвратить данные последствия в силу определенных условий (ч. 2 ст. 28 УК РФ) либо не осознавало и по обстоятельствам дела не могло сознавать общественной опасности своих действий (бездействия), не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть. Перечисление признаков, которыми должно обладать деяние, объявляемое преступлением, можно было бы продолжить. Но, думается, и сказанного вполне достаточно для того, чтобы в общем виде констатировать: деянием, предусмотренным в действующем уголовном законе в качестве преступления, нужно рассматривать лишь деяние, содержащее все признаки состава преступления.

Сделанный вывод важен для понимания не столько самого факта предусмотренности деяния уголовным законом, сколько того, что характеризует роль состава преступления. Как известно, весьма широко распространено мнение, в соответствии с которым состав преступления есть некоторого рода законодательная (логическая) конструкция (модель), нормативная категория, закрепляющая типичные признаки какого-либо деяния и отражающая его преступную сущность, в связи с чем специально подчеркивается, что состав преступления – единственное основание уголовной ответственности, в котором фактическое и юридическое неразрывно взаимосвязано¹. Исходя по сути дела из аналогичной трактовки

¹См.: Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / Отв. ред. И.Я.Козаченко. З.Л.Незналюва. М., 2000. С. 114. Фактически эта же точка зрения нашла отражение в модельном УК, закрепляющем концептуальные воззрения отечественной уголовно-правовой науки. Комментируя предлагаемую разработчиками конструкцию («основанием уголовной ответственности является состав преступления, т. е. наличие в действиях (бездействии) лица всех признаков состава преступления, предусмотренных уголовным законом»). В. Н. Кудрявцев пояснил: «Статья 16 теоретической модели называет основанием «состав

понятия состава преступления, некоторые авторы считают более правильным рассматривать как основание уголовной ответственности сам факт совершения преступления, а не его состав, не уточняя, правда, функцию последнего¹. Если не считать некогда отвергнутую теорией уголовного права точку зрения о вине как основании уголовной ответственности, то все иные подходы, основанные на соответствующем понимании состава преступления, можно воспринимать в качестве некоторого рода компромисса между двумя указанными взглядами². Исключение в этом смысле составляет позиция Н. Ф. Кузнецовой, подчеркивающей, что получившая широкое распространение трактовка состава преступления в качестве некоторого рода законодательной конструкции (модели), «научной абстракции» и т. п. не согласуется с его способностью служить основанием уголовной ответственности. Настаивая на том, что состав преступления – «это структурированная по четырем подсистемам система элементов, образующих в своей целостности ту минимально необходимую общественную опасность, которая достаточна для криминализации деяния (объявления его законом преступлением) и привлечения лица к уголовной ответственности», автор отмечает: «Модельный Уголовный кодекс для стран – участниц СНГ 1996 г. точнее, чем УК РФ, определяет основание уголовной ответственности, а отсюда и состава преступления. «Уголовной ответственности, – сказано в ст. 3 модельного УК, – подлежит лишь лицо, совершившее преступление, то есть деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом». Состав, таким образом, понимается как преступление, и именно деяние, содержащее все признаки состава преступления. Иными словами, содержание в деянии всех признаков состава преступления и есть преступление. Тем самым снимается искусственное противопоставление преступления как якобы только явления и его состава, как якобы только юридической «модели», «научной абстракции», «логического суждения» и проч., к которому прибегают... немалое число теоретиков уголовного права. Вследствие этой теоретической дискуссии УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. по-разному определяют основания уголовной ответственности. Первый считал таковым совершение преступления, второй – состав преступления»³,

Безусловно, никакая законодательная (научная, теоретическая, логическая) модель (конструкция, категория и т. п.) служить основанием

преступления» и понимает его как совокупность всех признаков преступления, предусмотренных уголовным законом, т. е. как нормативное, законодательное описание соответствующего преступления (законодательную его модель)». (Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. С. 42.)

¹См., напр.: Санталов А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Л., 1983. С.30–35.

²Наиболее распространенными вариантами такого компромиссного решения вопроса об основании уголовной ответственности являются позиции, сторонники которых либо предпочитают именовать таким основанием не само преступление или его состав, а деяние, содержащее признаки состава преступления, либо исходят из идеи двуединого – юридического (состав преступления) и фактического (совершение преступления) – основания уголовной ответственности. См., напр.: Уголовное право. Общая часть; Учебник / Под ред. В. Н. Петрашева. С. 99–100.

³Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении. С. 169.

уголовной ответственности не может. Но точно так же несомненно и то, что при решении вопроса об основании уголовной ответственности не должно упускаться из виду декларируемое, насколько нам известно, всеми учеными положение, согласно которому преступление и состав преступления – понятия, не являющиеся тождеством. Если, однако, это положение не вызывает споров, то несомненным нужно признать и другое: имея самостоятельное по отношению друг к другу смысловое значение, преступление и его состав выполняют собственную, каждому из них присущую функцию. Какое бы содержание мы ни вкладывали в эти понятия, в чем бы именно ни усматривали различие между ними, на что бы ни ссылались в обоснование своей позиции, нам никогда не удастся доказать противоположное. Элементарная логика позволяет утверждать, что, встав на точку зрения не тождественное т и преступления и его состава (как явлений реальной действительности, так и понятий, их отражающих), необходимо определиться: основанием уголовной ответственности служит либо преступление (и тогда роль состава преступления должна заключаться в чем-то ином), либо состав преступления (и тогда преступлению нужно придавать значение, отличное от основания уголовной ответственности). Полагая, что, с одной стороны, компромиссы в данном случае неизбежно вступают в противоречие с требованиями формальной логики, а с другой – нет никаких разумных причин отказываться от рассмотрения преступления в качестве основания уголовной ответственности, в настоящее время пока что нельзя исключать разных взглядов по поводу того, исчерпывает ли полностью содержание основания уголовной ответственности факт совершения преступления или дополнительно требуется установить еще какие-то условия.

Предлагаемое уточнение в характеристике роли состава преступления представляется важным, в частности, для более глубокой разработки проблемы основания уголовной ответственности. Во избежание недоразумений нужно со всей определенностью подчеркнуть, что уголовная ответственность возможна лишь тогда, когда имеет место преступление. Но всякое основание лишь тогда чего-нибудь стоит, когда оно содержит в себе не только необходимые, но и одновременно достаточные условия.

Констатируя, что именно преступление, а не его состав непосредственно служит основанием уголовной ответственности, вполне логично задуматься над тем, исчерпывает ли преступление содержание такого основания? Кажущийся само собой разумеющимся положительный ответ на этот вопрос был бы действительно очевидным в том случае, когда уголовное законодательство требовало бы не только привлекать (в процессуальном смысле), но и в той или иной форме возлагать на виновное лицо уголовную ответственность за совершение любого преступления. Между тем существует так называемый институт освобождения от уголовной ответственности, в

рамках которого, к примеру, в примечании к ст. 275 УК РФ устанавливается: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, а также статьями 276 и 278 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Имея в виду сам факт наличия предписаний для суда, обязывающих его или предоставляющих ему право при определенных условиях освобождать виновного от уголовной ответственности, можно утверждать, что, как и теория уголовного права, законодатель исходит из необходимости рассмотрения обстоятельств, служащих основанием для освобождения от уголовной ответственности, вне основания уголовной ответственности. Не подвергая сомнению существо данного подхода, уместно заметить: освободить можно лишь от того, что уже есть или, по крайней мере, должно быть. Если, однако, это так, то нужно предположить, что, говоря об основании самой уголовной ответственности, теория и уголовное законодательство фактически имеют в виду основание несколько иного рода: привлечения к уголовной ответственности, возложения ее и т. п. Дискуссионность высказанных ныне в юридической литературе представлений о понятии уголовной ответственности, ее стадиях и т. н. не позволяет со всей определенностью указать, о чем именно в данном случае следует вести речь, а потому и решение вопроса о преступлении как достаточном основании уголовной ответственности, думается, нуждается в более глубоком осмыслении.

Но в данном случае нет нужды вступать в дискуссию, поскольку, согласившись с тем, что преступление и состав преступления – понятия, не составляющие тождества, необходимо со всей определенностью заключить: признание основанием уголовной ответственности самого факта совершения преступления есть одновременно признание того, что состав преступления имеет какое-то иное значение, и вопрос лишь в том, в чем оно состоит.

Как это ни странно на первый взгляд, решение данного вопроса, но меньшей мере в принципе, не вызывает больших сложностей. Достаточно открыть любую книгу, посвященную составу преступления, и в ней наверняка за всеми рассуждениями автора без труда можно усмотреть его стремление отразить мысль о том, что для законодателя описание состава преступления в уголовно-правовой норме служит средством указания на то, при каких условиях деяние должно квалифицироваться в качестве преступления. Примечательно, что, расходясь во мнениях по поводу понятия состава преступления, интерпретируя его то как законодательную модель, то как реальную структуру, «строение» преступления, соглашаясь или не соглашаясь с наделением состава преступления функцией основания

уголовной ответственности, отечественные ученые при всем при этом единодушно декларируют не только нетождественность понятий преступления и состава преступления, но и недопустимость рассмотрения в качестве преступления деяния, не содержащего всех признаков состава преступления. Особенно явно обнаруживается общность взглядов на действительную роль состава преступления в случаях, когда речь идет о сущности и задачах уголовно-правовой квалификации, под которой чаще всего понимают установление в совершенном деянии признаков соответствующего состава преступления¹. Что же из этого следует? А то, что, возникнув изначально как процессуальное понятие, с помощью которого устанавливалось наличие или отсутствие преступления как события, состав преступления в последующем в материальном праве стал выполнять сходную функцию в деятельности законодателя и правоприменителя с той лишь разницей, что первый посредством описания состава преступления стал определять необходимые и достаточные признаки для признания деяния преступлением, второй путем установления наличия указанных законодателем признаков в каждом отдельном случае – решать задачу уголовно-правовой квалификации деяния в качестве преступления². Выражаясь иначе, эту мысль можно сформулировать и так: декларируя тезис, в соответствии с которым состав преступления есть основание уголовной ответственности, уголовно-правовая наука фактически отводила и отводит факту наличия в деянии всех признаков состава преступления роль основания для оценки совершенного деяния в качестве преступления.

С позиций сделанного вывода следует соответствующим образом воспринимать часто встречающуюся в юридической литературе идею разграничения понятий преступления и его состава исходя из особенностей решаемых с их помощью вопросов. «Назначение общего понятия преступления в законодательстве, – пишет, например, Н. Ф. Кузнецова, – состоит в том, чтобы отличать преступление от неправомерных правонарушений, в том числе от малозначительного деяния, а также служить основой категоризации (классификации) преступлений по характеру и степени их общественной опасности. При всем своем существенном значении по своей структуре преступление не очень приспособлено для квалификации преступлений, то есть для установления тождества между составом содеянного и характеристикой состава в диспозиции нормы». Далее, раскрывая функции состава преступления, автор увязывает их со способностью состава преступления служить основанием уголовной

¹См., напр.: Наумов А. В. Уголовное право. Часть Общая: Курс лекций. С.141.

²Авторам настоящих строк уже отмечалось, что встречающееся выражение «квалификация преступления» не совсем корректно, ибо отождествляет то, что квалифицируется (совершенное деяние), с тем, в каком качестве производится квалификация деяния (в качестве преступления или не являющегося таковым). Более подробно см.: Уголовное право: Особенная часть / Под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой. Учебник для вузов. М., 2000. С. 19–28.

ответственности, играть важную роль при квалификации содеянного и конструировании санкций уголовно-правовых норм¹. Еще более определенно по поводу специфики понятий преступления и его состава высказался М. И. Ковалев. По его мнению, понятие преступления содержит ответ на вопрос, какие действия из необозримой массы человеческих поступков законодатель может объявить преступными, понятие же состава преступления отвечает на подчиненный, но практически важный вопрос, какими конкретными признаками должно обладать человеческое поведение, чтобы быть преступным: «На первый вопрос следует ответ: преступными могут быть только действия, признанные общественно опасными; на второй: общественно опасными являются действия, содержащие все признаки состава преступления, описанного в соответствующей норме Особенной части уголовного закона». Также говоря об «очень малой практической нагрузке» понятия преступления, М. И. Ковалев в итоге констатирует: «Сейчас в деятельности органов правосудия практическую роль играет конкретный состав преступления, в котором законодатель указывает, какие признаки согласно его властной воле характерны для той или иной группы преступлений... Иными словами, состав и есть то конкретное, что позволяет различать отдельные преступления между собой, взвешивать и определять степень общественной опасности каждого из них, устанавливая их специфические признаки. Если понятие преступления интегрирует преступления, указывая на общий признак, присущий им всем, то состав преступления, напротив, дифференцирует их, разделяя на определенные виды»².

Приведенные высказывания вызывают несколько возражений. Во-первых, придерживаясь разного толкования состава преступления и ориентируясь на признание за ним функции основания уголовной ответственности, оба названных автора тем самым вольно или невольно отрицают такую роль за самим фактом совершения преступления. Между тем, что бы мы ни подразумевали под составом (законодательную модель или структуру, «строение»), он в любом случае интересует нас лишь постольку, поскольку с позиций условного силлогизма позволяет сделать умозаключение: деяние, содержащее все признаки состава, есть преступление, а деяние, не содержащее их, не есть преступление. Во-вторых, говоря о преступлении и его составе, следует иметь в виду, что, выступая как целое и часть, они в равной мере допускают возможность конструирования разных по объему и содержанию понятий. В этой связи, раскрывая значение общего понятия преступления, необходимо сказать и о том, какую функцию выполняют, если так можно выразиться, родовые (охватывающие собой

¹См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении. С. 181.

²Ковалев М. И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации: Учебное пособие. Свердловск, 1977. С. 77–78.

признаки какой-либо – должностные, воинские и т. п. – группы посягательств) и конкретные (фиксирующие особенности каждого отдельно взятого посягательства) понятия преступления. То же нужно заметить и применительно к понятиям состава преступления, которыми также могут отражаться признаки того или иного отдельного состава преступления, однородной группы и всех без исключения составов преступления. И, наконец, третье: подчеркивая различия между преступлением и его составом, важно одновременно не забывать о том, что определение понятия преступления и формулирование состава преступления в уголовно-правовых нормах в конечном счете имеют своей целью решение единой задачи – вычленение и отражение признаков, необходимых и, как обычно добавляют, достаточных для признания деяния преступлением.

Последнее соображение представляет особую актуальность. И не только потому, что, определяя признаки преступления, мы не можем абстрагироваться от признаков состава преступления (как, впрочем, и наоборот), но и потому, что, вопреки бытующему мнению, ныне действующее уголовное законодательство объявляет основанием уголовной ответственности не сам состав преступления, а деяние, содержащее признаки состава преступления. К сожалению, это обстоятельство в юридической литературе обычно упускается из виду, хотя совершенно очевидно, что состав преступления и деяние, содержащее все признаки состава преступления, не суть одно и то же. Можно высказывать разные предположения по поводу того, почему законодатель не счел нужным называть сам факт совершения преступления основанием уголовной ответственности. Однако не требует особых доказательств то, что между преступлением и деянием, содержащим все признаки состава преступления, нет и в принципе не должно быть существенных различий. Более того, вполне логично предположить, что, определяя основание уголовной ответственности, ст. 8 УК РФ указывает не только на правовые последствия совершенного преступления, но и формулирует его определение по так называемому формальному типу. Разумеется, новым оно является не в том смысле, что ранее данная конструкция вообще не была известна науке и практике (в них она связывалась с квалификацией содеянного, установлением основания уголовной ответственности), а в том, что в ст. 14 УК РФ нашло свое самостоятельное определение понятие преступления. В итоге остается не совсем ясным, какое именно деяние было бы правильнее признавать преступлением: содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного Кодексом (ст. 8), виновно совершенное, общественно опасное и запрещенное уголовным законом под страхом наказания (ст. 14) либо, наконец, и то и другое?

Склонная к признанию состава преступления основанием уголовной ответственности и противопоставлению формального и материального

подходов к определению понятия преступления, отечественная уголовно-правовая наука или вообще обходит вниманием решение данного вопроса, или исходит из как бы само собой разумеющегося положения о необходимости отдельного анализа признаков понятия преступления и его состава. Небесспорность этого положения становится особенно очевидной, если учесть, что традиционно состав преступления интерпретируется в качестве некоторого рода законодательной модели преступления. Не останавливаясь вновь на ошибочности подобного рода представлений о составе преступления, важно подчеркнуть, что описание в законе признаков состава преступления есть определение понятия конкретного преступления, в то время как общий императив – соответствие деяния составу преступления – есть дефиниция, способная служить соответствующим (общим) определением понятия преступления. Построенное по принципам формального подхода, оно действительно мало отличается от формулировок, усматривающих в преступлении деяние, предусмотренное законом в качестве такового. Вопрос лишь в том, насколько обоснованно негативное отношение к такому типу определения данного понятия? Еще в начале XX в. С. Е. Познышев был вынужден обратить внимание на то, что ввиду крайнего разнообразия тех деяний, которые наказывались и наказываются уголовными наказаниями, законодатель не может не конструировать формального определения преступления. «Его задача, – писал автор, – указать значение данного термина, указать признаки, принадлежащие всем обнимаемым им явлениям. И было бы большой ошибкой полагать, что данное выше определение, как чисто формальное, не имеет значения в науке. Оно дает криминалистам, теоретикам и практикам, внешний и легко распознаваемый признак, по которому они могут безошибочно узнавать подлежащие их ведению объекты и различать их от разных родственных им юридических явлений. В этом отношении оно весьма важно и необходимо»¹.

Верно подчеркивая практическую значимость формального определения, С. Е. Познышев вместе с тем разделял сложившийся еще на рубеже XIX–XX вв. взгляд на то, что оно «ничуть не подвигает нас в познании преступления, не дает ключа к оценке действия законодателя, к решению вопроса, действительно ли то или иное деяние, занесенное на страницы Уголовного кодекса, преступно». Надо полагать, что именно эти соображения обусловили негативное отношение к формальному понятию преступления и в советской юридической литературе, авторы которой со временем стали ориентироваться на выработку таких конструкций, которые объединяют в себе формальный и материальный подходы. По сути дела аналогичная идея была взята на вооружение и многими представителями зарубежной уголовно-правовой науки. В настоящее время есть немало весьма

¹Познышев С. Е. Указ. соч. С. 119.

существенных нюансов в самом толковании формального и материального. Но если абстрагироваться от них, то без особого труда вычленяется нечто общее для всех концепций единого, так называемого формально-материального понимания преступления: подчеркивая недостаточность формального подхода они основываются на необходимости его дополнения, а н. конкретизации, раскрытия и т. п. Как бы при этом ни интерпретировалось в отечественной или зарубежной литературе формальное и неформальное, что бы из них ни выдвигалось на первый план, в любом случае в понятии преступления вольно или невольно формальное в конечном счете ставится в один ряд с другим, неформальным (материальным), рассматривается в одной плоскости, на одном уровне. По этому же принципу построено определение понятия преступления в ст. 14 вновь принятого УК РФ 1996 г., с той лишь разницей, что оно, с одной стороны, не является единственным, а с другой – наделяет статусом формального признака не саму предусмотренность деяния уголовным законом в качестве преступления (как это предполагалось ст. 7 УК РСФСР 1960 г.), не наличие в деянии всех признаков состава преступления (о чем идет речь в ст. 8 УК РФ) и не соответствие деяния составу преступления (о чем нередко пишется в зарубежных работах), а запрещенность деяния уголовным законом под угрозой наказания.

Видимо, было бы наивно ставить перед наукой задачу выработки такой дефиниции понятия преступления, которая удовлетворяла бы практику во всех отношениях. Разумеется, есть свои минусы и у тех определений преступления, которые принято именовать формальными, ибо в них мы действительно фиксируем лишь то, какие деяния надлежит считать преступлением, и оставляем открытым решение другого вопроса: почему законодатель счел необходимым оценить их таким образом? Но можно ли на этом основании утверждать, что формальные определения понятия преступления требуют указания на какие-то дополнительные признаки? Думается, что нельзя. Нужно различать определения, которые не содержат в себе всех достаточных признаков понятия преступления, и определения, которые, фиксируя в нем главное, отправное, исходное, предполагают свою последующую конкретизацию. Если в первом случае есть все основания вести речь о выявлении каких-то новых признаков, позволяющих четко очертить объем определяемого понятия, то во втором задача стоит иная – выяснить, без чего деяние не может квалифицироваться в качестве предусмотренного уголовным законом как преступление (или содержащего все признаки состава преступления).

К сожалению, именно в этом отношении вновь принятый УК РФ занял позицию, которую трудно назвать последовательной. Констатируя, что при изложении оснований уголовной ответственности по существу дается понятие преступления как «совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом», логично

предположить: никаких иных признаков, кроме признаков состава преступления, для признания деяния преступлением не требуется, и, следовательно, об общественной опасности действия или бездействия, виновности и т. п. можно и нужно вести речь в данной формуле, но никак не в дополнение к ней и не в одном ряду с ней. Иной вывод применительно к общественной опасности деяния следует сделать из ч. 2. ст. 14 УК РФ, предписывающей: не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности. Учитывая, что наличие признаков деяния, предусмотренного уголовным законом, как раз и есть не что иное, как наличие в деянии всех признаков состава преступления, приходится заключить: по смыслу ч. 2 ст. 14 УК РФ наряду с фактом уголовно-правовой предусмотренности деяния (существования в нем всех признаков состава) понятие преступления характеризуется еще и общественной опасностью, играющей роль его самостоятельного и, как часто добавляют, основного признака. Если же обратиться к ч. 1 данной статьи, то здесь в значении отдельного признака понятия преступления называется также виновность совершенного деяния. Правда, в отличие от ст. 7 УК РСФСР 1960 г., объявлявшей преступлением деяние, предусмотренное уголовным законом, в УК РФ 1996 г. речь идет уже о «запрещенности деяния настоящим Кодексом под угрозой наказания». Это обстоятельство, однако, не только ничего не проясняет, но и расширяет перечень возникающих вопросов (насколько логично ставить запрещенность в один ряд с общественной опасностью и виновностью деяния, допустимо ли считать ее признаком состава преступления и др.) еще одним, пожалуй, самым актуальным: насколько вообще обоснованна произведенная замена ранее использовавшейся формулировки формального признака?

Надо сказать, что целесообразность такой замены в нашей юридической литературе отстаивалась еще авторами модельного уголовного закона. Высказывая аргументы в пользу своей точки зрения, один из его авторов (Н.Ф. Кузнецова) предпочел именовать формальный признак преступления юридическим и, называя его «уголовной противоправностью», пояснил: «В ст. 7 Основ уголовного законодательства этот признак обозначен как «предусмотренное уголовным законом» деяние. В таком изложении акцент делается на описание преступлений в уголовном законе. При этом в законе прямо не говорится, а лишь посредством логического толкования можно сделать вывод о наказуемости как самостоятельном признаке преступления. Поэтому в учебной и монографической литературе теоретическая характеристика преступления, как правило, не совпадает с законодательной, включая наряду с противоправностью и признак наказуемости. Однако и доктринальное толкование ст. 7 Основ оказывается тавтологичным, ибо

противоправность, возможная исключительно как уголовная противоправность, т. е. предусмотренность в уголовном законе, несомненно включает в себя наказуемость»¹. Положительно восприняв внесение соответствующих изменений в ст. 14 УК РФ 1996 г., тот же автор ныне утверждает, что новая «конструкция противоправности кладет конец долголетним спорам о том, является ли наказание признаком преступления, и неясностям о соотношении признаков уголовной противоправности и наказания». Признавая очевидным определение уголовной противоправности в данной статье как запрещенности под угрозой наказания, автор критически оценивает позицию ученых, которые помимо противоправности называют еще один, четвертый признак преступления – наказуемость. Полагая, что существование этой позиции обусловлено неточным пониманием противоправности, Н. Ф. Кузнецова признает угрозой наказанием другим, существующим наряду с запретом, компонентом уголовной противоправности, уточняя при этом: 1) запрещенность уголовным законом и есть уголовная противоправность; 2) в ст. 14 УК РФ говорится не о наказуемости, а об угрозе наказанием².

В принципе можно лишь приветствовать изменения уголовного закона, которые кладут конец научным дискуссиям. Но вряд ли следует ожидать этого от замены интересующих нас в данном случае формулировок. В настоящее время в позиции законодателя очевидным является только одно: признаком понятия преступления в ч. 1 ст. 14 УК РФ названа не сама по себе наказуемость, а запрещенность деяния под угрозой наказания. Часто встречающееся и по сей день отождествление одного с другим вызвано, однако, не столько бытующими представлениями о противоправности, сколько тем, что упускается различие между признаками понятия преступления и правовыми последствиями факта совершения преступления. Безусловно, предусмотренность в уголовном законе наказания за каждое совершенное преступление – факт, в существовании которого сомневаться не приходится. Дает ли это основание утверждать, что наказуемость является обязательным признаком преступления? О положительном решении данного вопроса могла бы идти речь в том случае, если бы наказуемость выступала одной из обязательных предпосылок признания деяния преступным, В отношении общественной опасности и виновности деяния для подобного утверждения есть все основания. Что же касается наказуемости, то с ней дело обстоит иначе: обуславливать ею возможность оценки деяния в качестве преступления – явная ошибка, ибо вопрос о применении или угрозе применения наказания допустимо ставить лишь в ситуации, когда деяние уже мыслится в качестве преступления. Действие (бездействие) преступно не

¹Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. С. 48.

²См.: Курс уголовного права. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1. С. 148–149.

потому, что его совершение влечет за собой применение или угрозу применения наказания. Как раз наоборот, применение или угроза применения наказания есть результат, правовое последствие признания действия (бездействия) преступным. Поскольку обязательные признаки преступления – то, без чего оно как таковое не существует, то вывод напрашивается сам собой: что бы мы ни имели в виду под наказуемостью (применение наказания или угрозу его применения), она в любом случае, предстает перед нами характеристикой правовых последствий, но никак не правовой природы, преступления.

Те же соображения позволяют считать небесспорной и идею рассмотрения наказуемости или угрозы наказуемости в качестве «компонента» какого-либо признака понятия преступления, в том числе и противоправности. Выше применительно к последней уже отмечалось, что, вопреки часто высказываемым утверждениям, она не может включать в себя предусмотренность деяния чем-либо, поскольку в первом случае нас интересует именно несоответствие, а во втором – соответствие признаков содеянного некоторого рода правовым предписаниям. Считая, что проблема заключается не в том, является ли предусмотренность деяния уголовным законом составной частью противоправности, но в том, допустимо ли в рамках данной предусмотренности говорить о противоправности в качестве обязательного признака понятия преступления, к сделанному выводу можно добавить положение, касающееся необоснованности признания составной частью противоправности деяния и его наказуемости. Естественно, оба данных тезиса ни в коей мере не дают основания для заключения о том, что понятие противоправности вообще лишено реального смысла. Ведь есть еще один возможный вариант его толкования: в значении, близком к тому, что подразумевается под термином «запрещенность деяния». Скорее всего и здесь нельзя ставить знак равенства. Однако вряд ли будет большой ошибкой исходить из того, что, называя деяние противоправным, мы характеризуем его как нарушающее нормы права вообще и содержащиеся в них запреты. В свою очередь несоблюдение запрета есть в определенном смысле и нарушение того, где он изложен: правовой нормы, закона. Имея в виду, что в ст. 14 УК РФ речь идет о запрещенности, а не о противоправности, суть интересующего нас вопроса можно, стало быть, сформулировать и так: обоснованно ли связывать предусмотренность деяния в уголовном законе в качестве преступления не только с общественной опасностью и виновностью совершаемых лицом действий, но и с их запрещенностью чем-либо?

Безусловно, в данной статье мнение законодателя по этому вопросу выражено вполне определенно. Сопоставив ее со ст. 1 Уголовного Уложения 1903 г., признававшей преступлением «деяние, воспрещенное, во время его учинения, законом под страхом наказания», ныне можно, казалось бы, говорить о возврате законодателя к уже когда-то существовавшим

представлениям о формальном признаке. Но это не совсем так, поскольку в отличие от ст. 14 УК РФ 1996 г. ст. 1 Уголовного Уложения упоминала о запрещенности деяния в общей форме и оставляла открытым вопрос о том, каким именно законом оно должно быть запрещено. Примечательно также, что, посчитав целесообразным увязать новое определение понятия преступления с деянием, запрещенным не любыми, а лишь уголовно-правовыми нормами, разработчики модельного и нового, действующего в настоящее время УК пошли по пути замены признака «предусмотренности деяния уголовным законом» признаком «запрещенности деяния уголовным законом». Оба названных обстоятельства тесно связаны между собой и основаны на тех представлениях о противоправности, которые с некоторых пор стали объединять в ней уголовно-правовую предусмотренность, запрещенность, наказуемость и т. п. признаки (свойства) деяния. Тем самым в концептуальном смысле в настоящее время в нашей стране в учении о противоправности обозначились две важнейшие особенности. Первая из них состоит в фактическом отрицании двуединой юридической природы понятия преступления, т. е. того направления, которое имеет место в концепциях некоторых зарубежных ученых, так или иначе различающих в правовой характеристике преступления оценку деяния с позиций уголовного закона (принцип «нет преступления без указания на то в уголовном законе», соответствие деяния предусмотренному в уголовном законе составу преступления и т. п.) и оценку деяния с точки зрения существующих в обществе правовых норм вообще (правопорядка). Вторая особенность обнаруживается при сравнении бытующего ныне толкования противоправности (а стало быть, и запрещенности) с тем, которое изначально считалось господствующим в отечественной юридической литературе. Почти до конца 50-х гг. XX в. противоправность в ней интерпретировалась в широком смысле слова, и при этом по разным причинам в учении о понятии преступления принцип «нет преступления без указания на то в уголовном законе» либо вообще не упоминался, либо отодвигался как бы на второй план. С момента отказа отечественного законодателя от аналогии уголовного закона в юридической литературе наметилась противоположная тенденция: раскрывая понятие преступления, авторы стали ставить во главу угла уголовно-правовую оценку деяния (так называемую уголовную противоправность, запрещенность Уголовным кодексом, наказуемость и т. п.), оставляя вне своих интересов его анализ с общеправовых позиций.

Было бы большой ошибкой считать, что уяснение юридической природы понятия преступления – проблема, решение которой носит частный характер. Не установив, что же в действительности составляет содержание противоправности, нарушение нормы (запрета) вообще или лишь уголовно-правовой нормы (запрета), мы не можем однозначно определиться со многими положениями, в том числе непосредственно касающимися

этимологии термина «преступление» (выход за пределы каких именно – уголовно-правовых или любых – норм он подразумевает); осознания характера противоправности в так называемом интеллектуальном признаке вины; сущности юридической ошибки при невиновном причинении вреда; правовой природы обстоятельств, исключающих преступность (или противоправность) деяния и т. п. Ясно, что понимание противоправности не может вступать в противоречие и с определениями отдельных видов преступлений (например, хищений), в которых нередко данный признак используется в качестве обязательного. Полагая, что решение всех этих вопросов в основе своей должно быть единым, следует вместе с тем не упускать из виду необходимость его согласования с положениями, непосредственно касающимися специфики предмета, метода и задач уголовного законодательства. Поскольку относительно такой специфики в юридической литературе уже давно идут дискуссии, данный подход было бы более правильным раскрыть в рамках самостоятельного анализа основных подходов к пониманию особенностей того, что регулируется уголовным законом, какими способами и методами и ради достижения каких именно целей.

В порядке обобщения всего сказанного о юридической природе понятия преступления подчеркнем два методологически важных тезиса: 1) попытки увязать понятие преступления либо с уголовно-правовой, либо с общеправовой оценкой содеянного не способны дать полного представления о предмете исследования; 2) различая уголовно-правовую и общеправовую оценки деяния, их нельзя ставить в один ряд в качестве самостоятельных признаков понятия преступления.

Раздел 3. Объект преступления и уголовно-правовое регулирование

Глава 1. Предмет уголовно-правового регулирования

По вопросу о предмете уголовно-правового регулирования в науке нет единства мнений. Чаще всего в качестве такового рассматриваются отношения, возникающие вследствие совершения преступления¹. Вместе с тем немалое число ученых, характеризуя предмет уголовно-правового регулирования, усматривают в нем не только эти, но и другие отношения, и прежде всего так называемые обычные, понимая под ними отношения, складывающиеся в какой-либо сфере жизнедеятельности общества, представляющие для него повышенный интерес, упорядочиваемые различными отраслями права, служащие объектом уголовно-правовой охраны

¹В последнее время только они называются предметом уголовно-правового регулирования. См., напр.: Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 4.

и подвергающиеся преступному воздействию в каждом конкретном случае¹. Иногда в качестве самостоятельной разновидности предмета уголовно-правового регулирования упоминаются «отношения, возникающие в связи с причинением вреда при реализации права на необходимую оборону, крайнюю необходимость, задержании лица, совершившего преступление», «отношения, возникающие из совершения общественно опасного деяния невменяемым»². Еще более широкий круг регулируемых уголовным правом отношений обозначен А. В. Наумовым, считающим необходимым выделять помимо названных также «отношения, возникающие из уголовно-правового запрета (часть граждан не совершают преступления из-за страха перед возможным уголовным наказанием)»³. Считая, что родовым понятием всех указанных отношений является их определение как «общественных отношений по предотвращению преступных (общественно опасных) посягательств», П. С. Тоболкин в качестве самостоятельных разновидностей предмета выделяет также отношения, регулируемые нормами, которые: запрещают сокрытие преступника, а равно орудий и средств совершения преступления; предоставляют лицу на стадиях приготовления и покушения добровольно отказаться от доведения преступления до конца; предписывают совершение активных действий, устанавливая уголовную ответственность за бездействие; предусматривают возможность освобождения от уголовной ответственности или наказания; запрещают совершать указанные в Особенной части УК общественно опасные деяния⁴.

Сразу же нужно подчеркнуть: в настоящей работе отдается предпочтение точке зрения, согласно которой предметом уголовно-правового регулирования выступают лишь общественные отношения, возникающие вследствие совершения лицом общественно опасного, в том числе и преступного, деяния. Не разделяя идею более широкой интерпретации предмета уголовно-правового регулирования, следует сделать акцент на главном: в рамках учения о предмете уголовно-правового регулирования нельзя отождествлять решение вопросов о том, что регулирует уголовное право, с тем, какими методами (в частности, установлением запретов) и ради чего (в целях охраны, вытеснения, предупреждения и т. д.) оно их регулирует. Думается, именно данное обстоятельство обычно упускается из виду в случаях, когда определение предмета уголовно-правового регулирования как отношений, возникающих вследствие совершения преступных деяний, признается слишком узкой его трактовкой. В последующем при

¹В этой связи в предмете уголовно-правового регулирования нередко различают предмет регулирования и предмет охраны.

²Яценко Б. В. Сущность уголовного права: Лекции. М., 1995, С. 33.

³Наумов А. В. Реализация уголовного права и деятельность следователя: Учебное пособие. Волгоград, 1983. С. 26. Позднее автор определил их как «отношения, связанные с удержанием лица от совершения преступления посредством угрозы наказания». См.: Российское уголовное право. Общая часть: Учебник. М., 1997. С. 6.

⁴См.: Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 26–28.

характеристике метода и задач уголовно-правового регулирования о так называемых обычных и других отношениях, дополнительно включаемых в предмет, речь пойдет особо. Здесь же уместно сосредоточить внимание на взаимосвязи объекта преступления только с отношениями, возникающими вследствие совершения преступления, которые обычно называют уголовно-правовыми и включение которых в предмет уголовно-правового регулирования уже давно никем не оспаривается. Указанная проблема не может не представлять интереса хотя бы потому, что в одних работах предполагается, что объект преступления связан с уголовно-правовыми отношениями, но находится вне их структуры, в то время как в других, напротив, он объявляется составной частью таких отношений. Более того, в литературе нередко предпринимается попытка доказать ссылками на теорию уголовно-правовых отношений какие-то положения учения об объекте преступления, и, в частности, мысль о неправомерности признания его элементом состава преступления. К такого рода аргументации прибегает, например, П. А. Фефелов. Поставив вопрос о том, «могут ли общественные отношения, являющиеся объектом преступления и охраняемые правом от преступных посягательств, выступать в качестве составной части этих же посягательств», автор утверждает: «Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным потому, что мы не можем смешивать то, что защищается правом, с теми преступными посягательствами, с которыми ведем борьбу»¹.

Если бы существующая неопределенность во взаимосвязи объекта преступления и уголовно-правовых отношений была обусловлена исключительно нашими недостаточно точными представлениями о первом, то вторые, вероятно, не требовали бы специального анализа. Дело, однако, в том, что в юридической литературе единство взглядов на необходимость признания уголовно-правовых отношений предметом уголовно-правового регулирования соседствует с дискуSSIONностью едва ли не каждого вопроса, касающегося их «строения» и отличительных признаков.

Значительный разброс мнений обнаруживается, в частности, относительно момента возникновения уголовно-правовых отношений. Большинство авторов считают, что «охранительное уголовное правоотношение возникает в момент совершения преступления и возникает объективно, т. е. независимо от того, стало ли известно о факте совершения преступления каким-либо государственным органом или нет, и даже независимо от того, знает ли об уголовно-правовом характере деяния сам преступник... а также независимо от того, предпринимаются ли соответствующими государственными органами какие-либо действия по установлению факта совершения преступления и изобличению виновного,

¹Фефелов П. А. Указ. соч. С. 173.

как ведет себя лицо, нарушившее уголовный закон»¹. Существуют, однако, и иные взгляды на этот счет. Так, связывая возникновение интересующих нас отношений с моментом возбуждения уголовного дела, А. И. Санталов объяснял это тем, что лишь квалификация преступления придает ему юридическое значение, а поскольку она невозможна в случаях, когда о содеянном еще неизвестно соответствующим правоохранительным органам, то соответственно делает вывод: «Совершение общественно опасного деяния есть реальный факт, который не «порождает» непосредственно и автоматически правоотношения, а служит основанием в случае его обнаружения для деятельности по установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и их наказанию (ст. 3 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР), если этот факт будет оценен как виновно совершенный и предусмотренный уголовным законом, т. е. как юридический факт (преступление)»². Более позднюю стадию правоприменительной деятельности здесь имеет в виду А. Л. Ривлин, утверждая, что уголовно-правовые отношения возникают в момент привлечения лица в качестве обвиняемого³. Ссылаясь на то, что «признание одного лишь факта совершения преступления в качестве обстоятельства, порождающего уголовное правоотношение, противоречит одному из важнейших принципов уголовного и уголовно-процессуального права – презумпции невиновности», В. Г. Смирнов утверждает: «Юридическим фактом, приводящим к возникновению материального уголовно-правового отношения, является вступивший в законную силу обвинительный приговор суда о назначении лицу, совершившему преступление, определенного наказания»⁴.

Какова причина существования столь разных мнений ?

Чаще всего она усматривается в отождествлении уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, в связи с чем, например, И. С. Ной счел нужным отметить, что «они не только самостоятельны, но и не соотносятся друг с другом как содержание и форма»⁵. Разделяя такой подход, следует обратить внимание и на то, что нередко в юридической литературе под регулируемым уголовным правом отношениями понимается фактически само преступное деяние, хотя одними авторами оно обозначается как предмет, а другими – как некоторого рода (негативное, антисоциальное и т. п.) отношение. Несколько иначе видит данную проблему В. Я. Таций,

¹Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 107. См. также: Барков А. В. К вопросу о сущности уголовных правоотношений // Проблемы уголовного права. Сб. ст. / Под ред. И. С. Тишкевича. Минск, 1976. С. 10; Самошин П. И. Единство уголовно-правовых отношений // Советское государство и право. 1971. № 1. С. 97.

²Санталов А. И. Указ. соч. С. 49.

³См.: Ривлин А. Л. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях // Правоведение. 1959. № 2. С. 108.

⁴Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 159.

⁵Ной И. С. Уголовное правоотношение – одна из важнейших юридических гарантий конституционных прав и свобод советских граждан // Личность преступника и уголовная ответственность. Межвузовский научный сборник. Вып. 1. Саратов, 1979. С. 21.

утверждая: «Преступление – не предмет регулирования уголовного права, а лишь своеобразный акт человеческого поведения, который обусловил появление соответствующего общественного отношения. Причем преступление порождает общественные отношения особого рода – вредные и опасные для охраняемых уголовным законом общественно полезных социалистических отношений. Особенность этих отношений не только в том, что они – общественные отношения особого рода (антисоциальные), но и в том, что они урегулированы уголовным законодательством и потому с момента своего возникновения становятся уголовно-правовыми»¹. Ю. И. Ляпунов также говорит о регулировании уголовным правом «негативных конфликтных отношений, возникающих в связи с деяниями, обладающими достаточно высокой степенью общественной опасности и потому признаваемыми уголовно-правовыми», однако далее утверждает, что характеристика данных отношений как «дефектных», «конфликтных», «отрицательных» и т. п. ошибочна. «В уголовно-правовом отношении, – поясняет автор, – дефектен лишь юридический факт – общественно опасное деяние, признанное преступлением. Именно он деформирует состояние правопорядка, нарушает его стабильность, вносит в него элементы дезорганизации. Само же уголовно-правовое отношение как интеллектуально-волевое отношение, стороной которого является государство, выполняет социально полезную функцию: его реализация позволяет правоохранительным органам ликвидировать конфликт между правонарушителем и обществом»².

Уже одно то, что регулируемые уголовным правом отношения воспринимаются столь оригинально с точки зрения их полезности для общества, дает основание судить об уровне теоретической разработки проблемы. Но эта оригинальность может быть объяснена достаточно просто, если принять во внимание тезис, согласно которому преступление само по себе есть отношение («антисоциальное», «дефектное», «негативное» и т. п.) лица к окружающим. Вполне логично допустить, что именно такого рода отношение (преступление) как раз и выступает юридическим фактом, обуславливающим возникновение какого-то иного отношения (государства к преступнику). Стало быть, не видя оснований для характеристики антисоциальных отношений в качестве не того, что составляет социальную суть самого преступления, а того, что оно порождает, нужно подчеркнуть: какой бы точке зрения на этот счет ни отдавалось предпочтение, она в любом случае подразумевает под предметом уголовного права отношения, однако не те, которые порождают отношения, требующие уголовно-правового регулирования, а те, которые непосредственно подвергаются такому регулированию. Подменить один вид отношения другим – значит не только

¹Таций В. Я. Указ. соч. С. 109.

²Ляпунов Ю. И. Указ. соч. С. 12–13.

назвать общественно полезные (позитивные) отношения отношениями противоположного свойства (антисоциальными, негативными и т. п.), но и создать неразрешимую проблему в понимании структуры уголовно-правовых отношений. То, как вправе или обязан вести себя индивид по отношению к другим людям, – сфера регулирования всей системы социальных норм, в том числе и норм права. Когда же лицом игнорируются требования социальных норм и совершается опасный для окружающих поступок, то возникает, если так можно выразиться, ответное отношение (реакция) людей к самому виновному, и именно оно – ответное отношение – требует своей нормативной определенности как в основаниях возникновения, так и в содержании, целях и т. д. И то, что в теоретическом плане такая определенность больше похожа на свою противоположность, в некоторой степени может, быть объяснено отождествлением уголовно-правового отношения не только с уголовно-процессуальным, но и антисоциальным, криминальным, преступным отношением.

И все же не это главный источник существования споров о моменте возникновения уголовно-правовых отношений. Нельзя не поддержать В. С. Прохорова, Н. М. Кропачева и А. Н. Тарбагаева в том, что в данном случае в основе дискуссии лежит различное понимание природы правового отношения. «Если признать, – пишут они, – что правоотношение вообще и уголовно-правовое отношение как его разновидность есть правовая связь между субъектами, характеризующаяся наличием соответствующих друг другу прав и обязанностей, то, естественно, моментом возникновения таких прав и обязанностей и будет момент возникновения правоотношения, и ничего иного для его возникновения не требуется. Если под правоотношением понимать несколько иное, скажем, рассматривать его в качестве особого идеологического отношения, возникающего как результат воздействия права на поведение людей, то столь же естественно исключается возможность связывать уголовно-правовое отношение с фактом совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. При таком понимании правоотношения норма уголовного права и преступление – предпосылки возникновения уголовно-правового отношения. Они создают права и обязанности, но не само уголовно-правовое отношение... чтобы стать действительным правоотношением, оно, как и каждое общественное отношение, должно воплотиться в деятельности»¹. Суждения авторов можно разделить лишь в части, касающейся представлений об источнике, порождающем отсутствие в науке единства взглядов на момент возникновения уголовно-правовых отношений, но вряд ли следует согласиться с их представлением о действительной природе правового отношения, а точнее, того общественного отношения, которое возникает

¹Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 98.

вследствие совершения преступления и которое составляет предмет регулирования уголовного права. Конечно, проблема эта не столько уголовно-правовая, сколько общеправовая, и сам факт того, что представители отдельной отрасли права в своих воззрениях ориентируются на положения, сформулированные в общей теории, возражений вызывать не должен. Однако можно ли в настоящее время считать данную теорию безупречной? Думается, что нет. Более того, позволим себе подчеркнуть: ни о каком едином понимании предмета уголовного права не может идти речи без переосмысления общей теории правоотношений, большинство положений которой нуждается в серьезной критической оценке.

В первую очередь это касается часто экстраполируемой в уголовно-правовую область знаний идеи допустимости двойного толкования «строения» правоотношения. В изложении ее сторонника С. С. Алексеева суть данной идеи такова: «Если рассматривать правоотношение только как идеологическую форму, то в этом случае ему свойственно чисто юридическое содержание, складывающееся лишь из субъективных юридических прав и обязанностей. Ничего иного в правоотношении как особой идеологической форме нет и быть не может... По-иному характеризуется строение правоотношения, если оно понимается как единство фактического материального содержания и юридической формы. В этом случае в правоотношении наряду с субъективными юридическими правами и обязанностями (составляющими его юридическое содержание) могут быть выделены еще два основных элемента: субъекты права и его объекты. Кроме того, в данном случае обособляется материальное содержание правоотношения». Поясняя необходимость второго, широкого подхода и обозначая в этой связи основными элементами «состава» правоотношения его «содержание» (материальное – поведение субъектов и юридическое – субъективные юридические права и обязанности), «субъекты права» (т. е. участники правоотношения) и «объекты правоотношения», автор пишет, что стремление выйти за пределы юридической формы продиктовано не только практическими соображениями, задачами полного анализа субъективных юридических прав и обязанностей, но прежде всего диалектико-материалистической концепцией правоотношения, неразрывной связью юридической формы в правоотношении с ее фактическим содержанием. Заметим также, что, по мнению С.С. Алексеева, понимаемый таким образом «состав правоотношения» в полной мере соответствует сложившимся в правоведении научным традициям и словоупотреблению («фактический состав», «состав правонарушения») и т. д.¹

Думается, для обоснования столь неоднозначного – узкого и широкого – толкования «строения» правоотношений приведенных автором аргументов

¹См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 98–99.

явно недостаточно. Конечно, нужно считаться с научными традициями и принятым словоупотреблением, но только не как с доказательством истинности суждений. Можно также согласиться с актуальностью для правоповедения задачи анализа субъективных юридических прав и обязанностей, но это не довод для выбора того или иного подхода в ее решении. Трудно возразить что-либо и против концептуального диалектико-материалистического положения о неразрывности взаимосвязи формы и содержания как таковых. Только не свидетельствует ли данное положение как раз о противоположном – о недопустимости рассмотрения «строения» правоотношения и исключительно как связи субъективных юридических прав и обязанностей и одновременно как единства фактического и юридического? О неразрывной взаимосвязи формы и содержания можно говорить лишь применительно к некоторому рода целому, единому, а не к форме какого-то одного и содержанию другого целого, и, стало быть, сначала нужно доказать, что юридическое и фактическое могут быть рассмотрены в качестве не только взаимообусловленного, но и целого (правоотношения). Во-вторых, с позиций философии, о какой взаимосвязи содержания и формы в правоотношении может идти речь, когда в рамках концепции одного и того же автора правоотношение интерпретируется то как идеологическая форма, имеющая исключительно юридическое содержание, то как единство фактического (материального) содержания и юридической формы, то как юридическое и материальное, представляющее различные стороны или стадии (состояния) единого содержания, одна из которых выступает в виде возможности (юридическое содержание), а другая в виде действительности (материальное содержание).

Можно, конечно, принять во внимание то, что в учении о правоотношении философские категории содержания и формы используются в ином, чем в правоповедении, смысле. Однако, как далее будет показано, то же самое имеет место и при анализе каждого элемента правоотношения. Между тем уже давно известно, что некорректное применение категорий диалектики – это обычно не вопрос выбора терминологии, а свидетельство небесспорности самой теории, ее основных положений. Даже допустив возможность условного, «юридического» толкования содержания и формы, учение о правоотношениях не может претендовать на роль научной теории без уяснения их содержания и формы в действительном, философском понимании. Затем остается не совсем ясным, почему нужно говорить об условности, а не наоборот – безусловности положения о том, что правоотношение и отношение, которое регулируется юридическими нормами (оно и принадлежит к числу реальных, фактических), представляют собой различные социальные явления. В этом случае правоотношение – средство правового воздействия, а фактическое отношение – предмет регулирования, т. е. та область социальных явлений, на которую воздействует право. Полагая,

что последовательное рассмотрение данного положения не препятствует анализу сложных переплетений юридического и фактического как тесно связанных, но все же самостоятельных социальных явлений, следует обратить внимание на точку зрения Ю. Г. Ткаченко, выступившей против их объединения в одно общее понятие правоотношения. Считая необоснованным включено в него того, что относится к разным областям общественной жизни, автор с одним толкованием понятия правоотношения (правоотношение в смысле модели) увязывает субъективные права и юридические обязанности, представляющие индивидуальные модели возможного и должного поведения субъектов права, выступающие как образцы-мерки для этого поведения (но не само фактическое поведение), а с другим (правоотношение в смысле отношения как такового) – фактическое отношение, поведение, урегулированное нормами права. По мнению Ю. Г. Ткаченко, оба варианта интерпретации данного понятия имеют практическую значимость и представляют научный интерес с точки зрения их структурного анализа. Применительно к понятию правоотношения-модели утверждается: «Его элементами являются субъективные права и обязанности. Структура правоотношения состоит, во-первых, из корреспондирующих связей субъектов правами и обязанностями и, во-вторых, из обособленных, автономных прав и обязанностей субъектов»¹. Что же касается правоотношения-отношения, то его носителями объявляются субъекты, а структурой, соединяющей их в целое, – «связи, зависимости и разграничения»².

Если не иметь в виду структурную характеристику, то в главном мнение Ю. Г. Ткаченко представляется заслуживающим поддержки. Сколь бы тесно ни было взаимосвязано то, что регулирует право, и то, каким образом, при помощи чего оно это делает, объединять все это в рамках единого понятия правоотношения нет никаких оснований. Это особенно важно иметь в виду при решении вопросов, касающихся момента возникновения отношений, составляющих предмет правового регулирования вообще и уголовно-правового в частности. Одно дело, когда, встав на точку зрения С. С. Алексеева о единстве правовой формы и фактического содержания правоотношений, мы утверждаем, что они первоначально возникают без определенного фактического (материального) содержания, а затем, при совершении положительных действий, юридическая форма обретает это содержание, и тем самым достигается цель правового регулирования – складывается в полном объеме фактическое отношение, которого раньше не было³. Думается, что при таком подходе к решению вопроса ни о какой неразрывной связи формы и содержания правоотношения не приходится

¹Ткаченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М., 1980. С.173.

²Там же. С. 143.

³См.: Алексеев С. С. Указ. соч. Т. 2. С. 97.

говорить. И совсем другое – когда о связи содержания и формы речь идет применительно к разным понятиям, отдельно к фактическому отношению, составляющему предмет регулирования, и к правоотношению как средству регулирования. Естественно, обособить одно понятие от другого нужно не только для того, чтобы исключить существование формы без содержания, или, напротив, неоформленного содержания, но и для того, чтобы иметь возможность рассматривать основные – общеправовые и отраслевые – проблемы юриспруденции в ракурсе взаимодействия фактического и юридического, сущего и должного.

Один из вопросов, возникающий при осмыслении такого взаимодействия, – вопрос о соответствии «строения» фактического отношения и правоотношения. Поскольку в обоих случаях мы имеем дело с некоторого рода отношениями, то вполне логично предположить, что его онтологический и гносеологический «составы» должны быть подобными, сходными. Думается, что позиция Ю. Г. Ткаченко, утверждающей, что «правоотношение-модель» вовсе не является образом «правоотношения-отношения», в этом плане небезупречна¹. Определяя права и обязанности участников, законодатель создает конструкцию, признаки которой в наиболее существенном виде не могут не воспроизводить состав и структуру регулируемого отношения, ибо в противном случае адресат не сможет соотнести юридическую конструкцию с описываемой ею реальностью. Важно, что при этом о сходстве «строения» допустимо говорить только тогда, когда фактическое отношение сравнивается с правоотношением, а не с правовой связью как таковой. Отношение, в котором его сторонами мыслятся участники, и связь субъективных прав и обязанностей – отнюдь не одно и то же. Проблема как раз в том и состоит, что связь прав и обязанностей есть именно правовая связь, но никак не правоотношение. Споры нет, никакая отрасль юридических знаний не может не проявлять к ней интереса. Но, думается, для этого нет необходимости отождествлять отношение (правоотношение) и связь (правовую связь), ибо такого рода анализ вполне укладывается в рамки представлений о правоотношениях как отношениях, сторонами которых выступают участники, а не что-либо иное. Во всяком случае из двух подходов к «составу» правоотношения один – тот, при котором понятие правоотношения толкуется как идеологическая форма, складывающаяся исключительно из субъективных юридических прав и обязанностей, – вообще не может быть использован при уяснении «строения» регулируемого уголовным правом отношения, ибо предмет регулирования вообще и уголовно-правового в частности предполагает не правовые связи, а фактически складывающиеся в обществе отношения. Что же касается так называемого широкого толкования «состава» правоотношения, то оно,

¹См.: Ткаченко Ю. Г. Указ. соч. С. 173.

думается, может и должно служить основой для уяснения «строения» реально возникающих в обществе отношений, подвергающихся правовому регулированию, и вопрос лишь в том, что положения общей теории права на этот счет во многом небесспорны.

Некритическое восприятие данных положений при разработке проблемы предмета уголовно-правового регулирования не могло не сказаться на решении всех, если так можно выразиться, частных вопросов, в том числе и вопроса о моменте возникновения уголовно-правовых отношений. В немалой степени именно этим объясняется широкая распространенность мнения о возникновении их в момент совершения преступления. Присоединяясь к точке зрения, согласно которой им является время вынесения, а точнее, вступления в законную силу приговора, следует согласиться и с тем, что такое решение вопроса есть реализация принципа, в соответствии с которым лицо может быть признано виновным в совершении преступления и подвергнуто наказанию не иначе, как по приговору суда. Споры нет, нельзя ставить знак равенства между тем, когда именно возникает вина (во время совершения преступления), и тем, когда она устанавливается. Но точно так же нельзя подменять момент, когда возникает отношение, составляющее предмет уголовно-правового регулирования. Вне связи с фактически совершенными действиями людей об отношении между ними говорить не приходится, а стало быть, оно не может возникнуть тогда, когда преступление еще не раскрыто или не доказано в установленном порядке. До признания виновным в совершении преступления лицо способно исполнять роль участника лишь уголовно-процессуального, но не уголовно-правового отношения.

Каково «строение» последнего ?

Ориентируясь на теорию правоотношений, в юридической литературе обычно исходят из того, что в нем должны выделяться три элемента: участники (субъекты права), содержание и объект правоотношения¹. Можно ли согласиться с таким подходом? Думается, что нет. И прежде всего в части, касающейся признания и характеристики того, что в одних работах называется «содержанием» правоотношения, в других – «отношением как таковым», в третьих – связью между участниками и интерпретируется как права и обязанности сторон, фактическое поведение и т. п. Не останавливаясь вновь на обоснованности объединения в рамках регулируемого уголовным правом общественного отношения так называемого материального и юридического содержания, следует обратить внимание на неудачность терминологического обозначения всего этого отношением как таковым, поскольку составная часть одного отношения не может быть одновременно и целым, и его частью. Столь же малоубедительным в данном случае нужно

¹См., напр.: Фефелов П. А. Указ. соч. С. 172.

признать и использование термина «содержание», ибо в категориальном смысле оно есть не часть целого, а вся совокупность элементов и связей между ними. Не лучше обстоит дело и с применением термина «связь», поскольку в рамках целого она всегда выступает не элементом, а именно связью между ним и другими элементами. Но дело даже не в этом, а в том, что понятие «связь» не может интерпретироваться как поведение (как, впрочем, и субъективные юридические права и обязанности). Конечно же, при желании можно попытаться найти и какое-то иное терминологическое обозначение фактического (и должного) поведения в рамках понятия регулируемого уголовным правом отношения, но суть проблемы состоит не в терминологии, а в том, есть ли достаточные основания для рассмотрения поведения (прав и обязанностей) людей в роли элемента общественного отношения в одном ряду с теми элементами, которые в юридической литературе принято называть участниками и объектом правоотношения?

В рамках бытующих ныне представлений о строении правоотношения такая постановка вопроса скорее всего вызовет удивление, ибо, как уже отмечалось, в понятии правоотношений, как, впрочем, и любого общественного отношения, поведение (фактическое или должное) не может не представлять интереса. Не отрицая актуальности решения данного вопроса, следует вместе с тем подчеркнуть: далеко не все, что выступает частью общественного отношения, есть его элемент. Элемент есть то, что способно к отдельному, самостоятельному существованию в рамках единого целого; он может выступать в качестве носителя некоторого рода признаков, свойств, но не являться ими как таковыми. Безусловно, подобной способностью обладают стороны отношения и то, по поводу чего оно складывается, однако ни поведение, ни субъективные юридические права и обязанности сами по себе существовать не могут, они всегда неразрывно связаны с людьми, участниками правоотношений или общественных отношений. Конечно, представления о всякой структуре условны, но и условность должна иметь какие-то границы. Признавать поведение, права и обязанности участников самостоятельным внутренним элементом – значит, выходить за допустимые рамки условности и в конечном счете идти по пути гипостазирования, т. е. наделения признаков, свойств чего-либо самостоятельным существованием, рассматривать их в отрыве от носителей. Думается, что по сути дела именно это и имеет в виду К. Х. Момджян применительно к существующему в философской и социологической литературе расхождению мнений по вопросу о структуре социального действия. Отмечая, что в одних случаях она раскрывается через категории «субъект – объект» или «субъект – объект – предмет», в других этой цели служат категории потребностей и интересов, мотивов и целей, актов и результатов деятельности, в третьих – структурные схемы совмещают все названные и дополнительные понятия, автор пишет: «Во избежание

возникающей путаницы следует отличать структурную характеристику социального действия от анализа его функционально-динамической организации, не требовать от структурного анализа «прямого» ответа на вопросы: по какой причине, при каких условиях, с какой целью, в какой последовательности, с какими результатами осуществляется действие?»¹ Подчеркивая, что структурная характеристика предполагает лишь установление самостоятельных организационно выделенных элементов, сторон действия, «которые относятся друг к другу», К. Х. Момджян присоединяется к мнению ученых, полагающих, что структурными элементами действия являются действующие субъект и объект. «Кроме того, особым структурным моментом действия, отличным от собственно элементов, мы считаем организационную связь между субъектом и объектом, характер и направленность которой также рассматриваются структурным анализом методом изолирующей абстракции»².

Такое решение вопроса, в соответствии с которым поведение участников отношения или правоотношения мыслится в качестве не самостоятельного элемента, именуемого «содержанием», «отношением как таковым» или «связью», а характеристики сторон отношения (правоотношения), имеет весьма важное значение прежде всего для уяснения роли в нем этих сторон. Представляется, что и в этом плане теория правоотношений небезупречна. Исходной, не требующей доказательств в понимании любого отношения является мысль о том, что они всегда имеют как минимум две стороны. Очевидно и то, что в общественном отношении ими являются люди. Казалось бы, аналогичное положение следует из теории правоотношений. Не будем, однако, спешить с выводами, ибо она отнюдь не логична и в этом аспекте. И действительно, о какой последовательности суждений может идти речь, когда первоначально утверждается, что в правоотношении его участники «связаны», т. е. занимают по отношению друг к другу определенное положение (состояние, позиции), и при этом отмечается, что такая характеристика правоотношения в полной мере согласуется с философским пониманием отношения, в соответствии с которым уже сам факт существования отношения означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу. Подчеркивая, что именно момент взаимных отношений сторон является ключевым для понимания правоотношений, С. С. Алексеев далее пишет о связи, но уже не участников, а субъективных прав и обязанностей. Акцентируя невозможность их рассмотрения вне правоотношений и вне связи права с обязанностью, обязанности с правом, автор констатирует, что понятие правоотношения как раз и сложилось для обозначения отражения органической, нерасторжимой связи между субъективными правами и обязанностями. «Таким образом, – утверждается в

¹Момджян К. Х. Указ. соч. С. 127.

²Момджян К. Х. Указ. соч. С. 127–128.

итоге, – выработанная в правоведении теоретическая конструкция «правоотношения» не есть прямое распространение, проекция на правовой материал философских категорий «связь» и «отношение». И дело не в том, что в философской литературе разграничение между указанными категориями еще не устоялось... и что обособление этих категорий проводится многими авторами по непосредственно материальным критериям, которые вряд ли применимы¹ в правоведении. Суть в другом. Выделение правоотношений из всей массы многообразных и разнохарактерных связей, существующих в правовой действительности... осуществляется по особому, высокозначимому с позиций материалистической диалектики и правоведения основанию – раскрывает ли данная связь социальную природу и юридический характер субъективных прав и обязанностей»¹.

В том, что такая трактовка правоотношения не есть проекция философских представлений о категориях «связь» и «отношение», сомневаться не приходится. Но именно это обстоятельство и позволяет утверждать, что из двух подходов к «составу» правоотношения один – тот, при котором понятие правоотношения толкуется как идеологическая форма, складывающаяся исключительно из субъективных юридических прав и обязанностей, – вообще не может быть использован при уяснении «строения» регулируемого уголовным правом отношения как раз потому, что сторонами правоотношения могут выступать лишь люди (участники), но никак не то, что характеризует их, субъективные юридические права и обязанности. Во всяком случае такое решение вопроса является логичным и вполне согласуется с положениями философии, согласно которым «специфика социального взаимодействия как раз в том и состоит, что обе его стороны – субъекты– люди. Всякая иная трактовка этого вопроса, в частности, ставящая на один полюс взаимодействия людей, а на другой – нечто иное, например, вещь или идею, имеет фетишистский характер: религиозный, товарный и т. п.»².

Надо сказать, что и при характеристике уголовно-правового отношения признание его сторонами участников обычно лишь декларируется. Отдавая предпочтение широкой трактовке «строения» правоотношения, авторы обычно рассматривают всех его участников как единый элемент, вычленимый наряду с объектом правоотношения. Упуская из виду, что связь между сторонами отношения – это связь именно между отдельными элементами, в юридической литературе вольно или невольно правоотношения интерпретируют как отношения не столько участников между собой, сколько участников, с одной стороны, и чего-то иного – с другой. Самым распространенным вариантом такой интерпретации являются представления, в которых все участники отношения наделяются статусом его

¹Алексеев С. С. Указ. соч. Т. 2. С.85–87.

²Фофанов В. П. Указ. соч. С. 147.

«субъекта» и рассматриваются как противостоящие не друг другу, а объекту правоотношения. От данного подхода отличается решение вопроса, излагаемое В. С. Прохоровым, Н. М. Кропачевым и А. Н. Тарбагаевым, которые пишут, что «из двух имеющихся в литературе подходов к проблеме объекта правоотношения: объект – то, по поводу чего складывается правоотношение, и объект – то, на что правоотношение направлено, обоснован лишь второй, так как действительный объект правоотношения может быть определен лишь в системе «объект – субъект» (где в качестве субъекта может выступать не только каждая из сторон правового отношения, но и правоотношение в целом), т. е. лишь как такое социальное явление, ради желаемого воздействия на которое как норма, так и правоотношение направляют действия людей»¹.

Какой бы смысл ни вкладывался в понятие уголовно-правовых отношений (правоотношение – отношение или правоотношение – модель), оно в любом случае есть отношение между участниками, выступающими разными его сторонами, и уже только поэтому они не должны объединяться в один элемент. Встать на иную точку зрения – значит игнорировать тот факт, что, будучи сторонами отношения, его участники не могут выполнять в нем одинаковую роль, не могут быть одним элементом. Нельзя различать стороны отношения и вместе с тем полагать, что каждая из них не является самостоятельным элементом отношения. Суть вопроса в том и состоит, чтобы раскрыть специфику функций сторон – участников отношения, с методологической точки зрения сделать это можно лишь с использованием философских категорий «субъект» и «объект». В соответствии с общепринятым их смыслом активная сторона есть субъект, а пассивная – объект отношения. В итоге само отношение предстает перед нами как отношение субъекта и объекта, но в отличие от всех вышеперечисленных вариантов толкования каждая сторона в данном случае выступает как самостоятельный, хотя и связанный с другим, элемент отношения. Ни о каком отношении участников к чему-то – отношению в целом или объекту, не являющемуся участником, – здесь речь идти не может. Зато она может и должна идти, в частности, о том, в чем суть такой активности в общественном отношении или правоотношении и кто именно способен выполнять в них роль субъекта и объекта. Не останавливаясь подробно на решении этих вопросов применительно к правоотношению, заметим, что разграничение в нем участников на субъект и объект правоотношения следует ставить в зависимость не от наличия субъективных юридических прав или обязанностей, а от того, какие виды поведения ими предполагаются: право или обязанность совершить активное поведение или, напротив, воздержаться от его совершения. Что же касается регулируемых уголовным правом

¹Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 118.

общественных отношений, то в них активность участников выражается не в возможном или должном, а в фактически совершенном поведении. Не вступая в дискуссию и по поводу того, кого именно нужно считать сторонами регулируемого уголовным правом отношения, следует заметить, что решение этого вопроса зависит от того, как именно интерпретируется момент возникновения уголовно-правовых отношений: увязывание его с моментом вступления в силу обвинительного приговора предполагает, что одной из сторон выступает не подозреваемый или обвиняемый, а лицо, признанное виновным в совершении преступления; другой – не сам по себе суд, а тот, от имени кого он выступает и выносит свое решение по рассматриваемому уголовному делу.

Раскрывая характер связи между участниками регулируемых уголовным правом общественных отношений, ряд авторов высказались в пользу того, что в них права и обязанности сторон ограничиваются правом государства назначить наказание и обязанностью виновного претерпеть его, а также, иные последствия, предусмотренные уголовным законом¹.

Не разделяя такой точки зрения, А. А. Пионтковский счел нужным подчеркнуть, что «уголовное право не может рассматривать преступника только как объект осуществления карательной власти государства. Он вместе с тем и субъект определенных прав. Нормы материального уголовного права устанавливают, что к нему должна быть применена та статья Уголовного кодекса, которая предусматривает ответственность за совершенное им общественно опасное деяние, т. е. требуют правильной квалификации его деяния. Наказание применяется в строгом соответствии с санкцией уголовного закона, оно должно соответствовать конкретной степени общественной опасности преступника; при назначении наказания суд обязан соблюдать нормы Общей части Уголовного кодекса. Вместе с тем наказание преступника – обязанность определенных органов власти, действующих от имени государства»². Свое возражение против позиции, при которой в правоотношении у одной стороны имеются только права, а у другой – лишь обязанности, высказали и многие другие ученые. М. Д. Шаргородский при этом исходил из того, что подобного рода конструкция в теоретическом плане не может рассматриваться как правоотношение; неприемлема она и фактически, «ибо лицо, совершившее преступление, имеет субъективные права, а не находится в результате совершения преступления «вне закона»³. В качестве такого субъективного права в данном случае указывалось право требовать, чтобы назначенное наказание не превышало установленного в законе предела и применялось судом лишь при установлении факта совершения общественно опасного деяния. В других работах в перечень

¹См.: Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С.182.

²Курс советского уголовного права. В 6 т. Часть Общая. Т. 1. Уголовный закон. С.17.

³Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1. Л., 1968. С. 10.

таких прав дополнительно включаются право на учет общественной опасности содеянного, личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание; право на зачет срока предварительного заключения в срок назначенного наказания; право на применение закона, устраняющего наказуемость деяния или смягчающего наказание, и т. д.¹

Можно понять причины, по которым регулируемое уголовным правом отношение чаще всего воспринимается как отношение между участниками, каждый из которых имеет некоторого рода права и обязанности. И дело здесь не только в привлекательности самой идеи, но и в широко распространенном среди правоведов убеждении в том, что любое правоотношение есть единство прав и обязанностей, в котором всякому праву непременно сопутствует, корреспондирует обязанность, а обязанности одного участника – субъективное право другого. обстоятельное рассмотрение данного положения, разделяемого не всеми представителями общей теории права, увело бы нас в область таких проблем, которые ныне являются, да скорее всего и в будущем еще долго будут служить предметом острых дискуссий. Более того, в понимании уголовного правоотношения обнаруживается много неясного в решении вопроса о наличии у виновного не только каких-то субъективных прав, но и обязанности претерпевать применяемые к нему меры воздействия. Думается, что несомненный интерес в этой связи представляет мнение, согласно которому правовой статус преступника должен увязываться не с обязанностью претерпевания каких-то мер воздействия, а с особым рода правовым состоянием лица². «Охранительное субъективное право, – утверждает Е. Я. Мотовиловкер, – может быть представлено правом на односторонние действия. В таком случае на другой стороне возникает правовое состояние, выражающее связанность, зависимость субъекта, поскольку действия управомоченного неизбежно затрагивают его (нарушителя) интересы. В данном случае отсутствие обязанности не означает отсутствие правоотношения. Просто оно имеет специфический охранительный характер»³. Если, однако, в концептуальном смысле этот или иной взгляд на характеристику прав и обязанностей требует своего дальнейшего обсуждения, то как обстоит дело с нормативным отражением прав и обязанностей участников уголовно-правового отношения в самом законе?

К сожалению, решение этого вопроса обычно выпадает из сферы внимания исследователей проблемы уголовно-правового отношения. Между тем в Уголовном кодексе можно найти массу статей, очерчивающих круг того,

¹См.: Ковалев М. И. Советское уголовное право: Курс лекций. Вып. 1. С. 116–117; Божев В. П. Уголовно-процессуальные отношения. М., 1975. С. 101; Огурцов Н. А. Правоотношение и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1975, С. 127–139; Петрова Г. О. Уголовно-правовое регулирование деятельности человека. Ставрополь, 1991. С. 91–92; и др.

²См.: Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С.195.

³Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. С. 125.

что должен или может делать суд, но нет ни одной статьи о правах и обязанностях лиц, совершивших преступление. Конечно, никто не ставит под сомнение имеющуюся у них возможность требовать правильной квалификации содеянного, учета тех или иных обстоятельств, применения институтов освобождения от уголовной ответственности, назначения справедливого наказания – одним словом, всего того, о чем упоминается в юридической литературе в доказательство тезиса о наличии субъективных прав у индивида как участника уголовно-правового отношения. Но почему эти положения формулируются в нормах процессуального, а не материального права? Что это, несовершенство используемых законодателем критериев разграничения предметов уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования или, напротив, учет особенностей задач, решаемых каждой отраслью права? Думается, что последнее. Индивид может требовать правильного, с его точки зрения, применения уголовного закона, однако требовать и принимать решение по существу вопроса – не то же самое. Все уголовно-правовые предписания непосредственно адресованы правоприменителю. Именно он и только он выступает источником правовой активности. Это касается не только решения вопроса о преступности деяния (наличии признаков состава преступления), но и в равной степени определения меры воздействия на лицо, признанное виновным в совершении преступления. Естественно, общество не может исключить возможности принятия ошибочных решений своим представителем и потому оставляет за индивидом право на их обжалование. Осуществление такого права – характеристика действий участника лишь уголовно-процессуального, а не уголовно-правового отношения. Эти два вида отношений отличаются как формой, так и содержанием. Если регулирование поведения участников в первом направлено на быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона, то во втором – на решение охранительной задачи. Это, естественно, предопределяет специфику предмета регулирования. Применительно к уголовному законодательству она состоит в том, что его предметом мыслится отношение не между кем-то, а кого-то к кому-то: общества к лицу, признанному в установленном порядке виновным в совершении преступления.

Данный момент представляется весьма существенным. Немало проблем структурной характеристики правоотношения обусловлено тем, что оно часто воспринимается как взаимоотношение сторон, при котором каждая из них играет активную и пассивную роль. Наиболее отчетливо это обнаруживается в концепции уголовно-правовых отношений, изложенной А. И. Санталовым. Подчеркивая соотносительность понятий объекта и субъекта, автор писал: «Признание человека объектом правоотношения в советской юридической науке является своего рода табу... Это обстоятельство лишний раз

свидетельствует о том, что теория правоотношения создавалась и развивалась на базе преимущественно гражданских, имущественных правоотношений. При этом полностью игнорируется специфика уголовных правоотношений. А она заключается в том, что указанное правоотношение – отношение личной ответственности, отношение воздействия государства на личность совершившего общественно опасное деяние. В личных же отношениях каждый из субъектов отношения является одновременно и объектом, иначе не было бы такого взаимоотношения, которое характерно для любого общественного отношения. Если субъект и объект – соотносительные понятия, то преступник в одном отношении может быть субъектом (его отношение к государству), а в другом – объектом (отношение государства к нему)». Раскрывая эту мысль, А. И. Санталов проводит мысль о том, что государство как субъект наказывает преступников с целью их исправления, отмечая далее: «С другой стороны, в процессе этой деятельности преступник так или иначе проявляет свое отношение к государству и выступает в качестве субъекта отношения, а государство является объектом. Поскольку, однако, активной стороной, носителем властных полномочий выступает государство, то мы вправе назвать лицо, совершившее общественно опасное деяние, также и объектом предметно-практической деятельности государства по борьбе с преступностью»¹. По мнению автора, такая позиция не противоречит ни философскому пониманию объекта, ни диалектической логике, в соответствии с которой субъект и объект – соотносительные понятия и могут меняться местами, если речь идет о людях и общественных образованиях.

Концепцию А. И. Санталова можно было бы считать заслуживающей поддержки, если бы не один весьма существенный момент. Связан он с интерпретацией соотносительности понятий субъекта и объекта в смысле их способности меняться местами. Думается, что это требует уточнений, прежде всего потому, что соотносительность категорий означает несколько иное: невозможность определения каждой из них в отрыве от другой².

Что же касается способности субъекта и объекта меняться местами, то она находит свое выражение не в одном и том же, а в разных отношениях между людьми. При социальном взаимодействии люди выступают участниками взаимоотношений, в процессе которых каждая сторона может быть активной и в какой-то момент пассивной. Смена их функций, обмен деятельностью – явление, которое характеризует суть такого взаимодействия и без которого оно не существует вообще. Но обоснованно ли ставить знак равенства между социальным взаимодействием и общественным отношением? Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что социальное взаимодействие включает в качестве составляющих, первичных образований

¹Санталов А. И. Указ. соч. С. 58.

²См.: Копнин П. В. Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966. С.67.

некоторое множество отдельных отношений между людьми. Отдельное же отношение выступает моментом социального взаимодействия, фиксирует положение сторон, их субъект-объектную определенность. Именно однозначность одной стороны как активной, а другой – как пассивной дает возможность расчленить процесс взаимодействия на качественно различные этапы, представить динамику явления в статическом состоянии. И именно по этой причине изменение положения сторон не может не означать возникновения нового общественного отношения. Думается, что как раз данное обстоятельство и не было учтено в полной мере А. И. Санталовым, вследствие чего в понятие уголовно-правового отношения оказались включенными отношения государства к преступнику и преступника к государству. Принимая во внимание, что в данном случае должна идти речь не о двух частях одного отношения, а о самостоятельных их видах, не будет лишним заметить: то, что автором обозначается как отношение преступника к государству, в большей степени касается предмета не уголовно-правового, а уголовно-исполнительного регулирования¹.

Важно отметить, что все вышесказанное об уголовно-правовом отношении есть не предпосылка, а следствие решения вопроса о том, что следует считать его предметом, и сделать некоторые терминологические уточнения. Априорно исключив участников из числа возможных объектов правоотношения, общая теория права либо вообще не упоминает о таких объектах, либо обозначает ими все что угодно, но только не участника. Так, С. С. Алексеев исходит из того, что применительно к правоотношению с понятием объекта нужно связывать различного рода материальные и духовные блага, способные удовлетворять потребности субъектов, т. е. интерес у прав омоченного. Констатируя невозможность признания объектом правоотношений человека, личность, автор особо отмечает недопустимость отождествления объекта правоотношения и объекта (предмета) правового регулирования, тесную связь материальных и нематериальных благ с так называемым материальным содержанием правоотношения, особую значимость проблемы определения объекта преступления для гражданского права и близких ему отраслей (семейное и т. д.) и отсутствие необходимости искусственно «вымучивать» проблему объекта в тех отраслях, «где в правоотношениях результат действия обязанного лица неотделим от самой деятельности и где объект не получает специальной нормативной регламентации» (административное, процессуальное право). Примечательно, что и в применении этой философской категории в теории правоотношений С. С. Алексеев вынужден обращать внимание на специфическую, юридическую ее интерпретацию. «В философии, – пишет он, – термин «объект» используется главным образом для характеристики соотношения

¹В нем индивид рассматривается как «субъект, изменяющий свое поведение под влиянием мер государственного принуждения».

материи и сознания... В юридической же литературе категория объекта не связывается непосредственно с субъектом, а понимается в ином, специальном плане – объекты рассматриваются применительно к правоотношению», «Разумеется, – замечает далее автор, – явления правовой действительности могут быть проанализированы и с точки зрения общефилософских представлений об объекте, при котором эти явления соотносятся с познающим субъектом... Едва ли, однако, такой чисто философский ракурс исключает существование специальной проблемы объекта в правоведении, проблемы, где термин «объект» (он мог бы быть заменен и другим) имеет особый, присущий правоведению смысл»¹.

С точки зрения отстаиваемых в настоящей работе положений, со многими приведенными суждениями об объекте правоотношения можно согласиться, если вещи называть своими именами: понимаемый таким образом объект есть в действительности предмет правоотношения. В этом случае при определении объекта вряд ли есть основания вести речь о существовании в нем «особого, присущего правоведению смысла» вообще, и, в частности, о невозможности признания индивида объектом, а не предметом правоотношения. Конечно, сама по себе идея разграничения объекта и предмета еще не решает всех проблем, тем более что и в философии до сих пор нет четкого представления о соотношении данных понятий. Но это уже другой вопрос. Пока же приходится констатировать, что не только в общей теории правоотношений термин «объект» получает свой, «юридический» смысл, но и в рамках отдельной правовой отрасли знаний ему придают значение, применимое лишь к решению конкретной, интересующей исследователя проблемы. Во всяком случае именно так обстоит дело в уголовном праве при разработке учения об объекте преступления и предмете уголовно-правового регулирования. Раскрывая содержание объекта преступления как определенных общественных отношений, авторы считают принципиально важным отличать его от предмета посягательства, подразумевая обычно под последним составную часть общественного отношения, а стало быть, и объекта. При характеристике же предмета уголовно-правового регулирования, когда вновь поднимается вопрос об общественных отношениях, объект наделяется свойствами их «элемента» и, следовательно, воспринимается в качестве составной части предмета. В итоге один и тот же элемент общественного отношения обозначается в учении об объекте преступления термином «предмет», а в теории предмета уголовно-правового регулирования – «объект». Между тем обсуждаемый круг вопросов о предмете преступления в методологическом плане не отличается от того, который имеет место при рассмотрении объекта правоотношения вообще и уголовно-правового в частности.

¹Алексеев С. С. Указ. соч. Т. 2. С. 154–163.

Безусловно, главное не в том, каким терминам отдается предпочтение, а в том, что ими обозначается. Можно предмет интересующих нас отношений назвать объектом. Но тогда придется всякий раз оговаривать, какой именно объект имеется в виду: один из участников отношения или то, что раскрывает опосредованность связи между ними, делает ее предметной. Нельзя упускать из виду, что предметность – важнейшая черта любого отношения, и не случайно его отличие от связи на уровне всеобщности нередко видят как раз в том, что оно носит опосредованный характер: с этой точки зрения понятие связи применимо, как правило, там, где имеет место непосредственная зависимость, в то время как отношение указывает на опосредованную¹.

Надо полагать, что сказанное применимо и к юридическому анализу понятия общественного отношения или правоотношения. Быть может, для правоотношений так называемого регулятивного типа решение этой задачи не представляет большой сложности (под предметом здесь обычно подразумевают объекты – материальные или нематериальные – субъективных прав и обязанностей). Что же касается «правоотношений охранительного типа», то с их предметом дело обстоит иначе. Свидетельство тому – широкий спектр взглядов, высказываемых по поводу «объекта» уголовно-правовых отношений. Иногда, например, проводится идея его тождественности «содержанию» регулируемых уголовным правом отношений и делается вывод о том, что в качестве их «объекта» следует рассматривать «действия, способные привести к достижению различных, но внутренне единых целей наказания»².

Нередко в этой связи говорится о понятии уголовной ответственности, которой, кстати, в одних работах отводят роль объекта уголовно-правовых отношений, в других – их содержания, в третьих – формы и т. д. А. А. Чистяков поддерживает мнение «о тождественности объекта охранительного уголовно-правового отношения деянию, содержащему признаки состава преступления, и, как следствие, о тождественности содержания основания ретроспективной уголовной ответственности объекту охранительного уголовно-правового отношения»³. В. С. Прохоров, Н.М. Кропачев и А. Н. Тарбагаев утверждают, что «уголовно-правовое отношение, порожденное преступлением, содержит такую программу, которая, реализуясь, приводит в действие цепь явлений и проходит ряд этапов. В конечном итоге оно приводит своих субъектов к действительному объекту: тому общественному отношению, которое охранялось и которое было нарушено совершенным преступлением и поэтому нуждается в восстановлении»⁴. Г. О. Петрова пришла к выводу, что общий объект уголовно-правового отношения – это

¹См.: Свидерский В. И. О диалектике отношений. Л., 1983. С. 22.

²Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 164–166.

³Чистяков А. А. Элементы основания уголовной ответственности. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1993. С. 23.

⁴Прохоров В. С., Кропачев Я. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 127.

нарушенный или поставленный под угрозу нарушения общественный порядок, родовой – нарушенный или поставленный под угрозу нарушения правопорядок и непосредственный – нарушенное или поставленное под угрозу нарушения конкретное правоотношение¹.

По нашему мнению, нельзя поддержать попытки в той или иной форме отказаться от необходимости обособления в регулируемых уголовным правом отношениях их предмета (объекта), ибо в противном случае как результат совершенного преступления придется рассматривать возникновение не отношения, а некоторого рода связи между обществом и преступником. В то же время не вызывает сомнения тот факт, что в любом правовом регулировании речь идет об упорядочении поведения людей, которое всегда носит предметный характер. Как уже отмечалось, особенностью отношений, возникающих вследствие совершения преступления, является то, что они суть не взаимоотношения, а отношения, в которых одна сторона (субъект) выступает как источник активности, а другая (объект) – как тот, на кого данная активность направлена. Под активностью в данном случае понимается некоторого рода воздействие; предполагается, что оно имеет предмет, отличающийся как от задач, средств и форм воздействия, так и от объекта отношения, как мы его понимаем. В научной литературе с термином «предмет» всегда связывается нечто конкретное в объекте, то, что характеризует не социальную, а физическую сторону деятельности людей, и, подвергаясь воздействию, способно изменяться. Все это склоняет к мысли о том, что с позиций правового регулирования предметом отношений, возникающих вследствие совершения преступления, выступает правовой статус лица, признанного виновным в совершении преступления. В чем ином, как не в ущемлении субъективных прав и законных интересов, способно проявляться правовое воздействие на преступника, отношение к нему общества? Конечно, такое отношение всегда содержит в себе отрицательную оценку, порицание, осуждение виновного и его деяния. Однако и отрицательная оценка должна в чем-то находить свое выражение, влечь за собой определенные правовые последствия для виновного. Понятно, что совершение преступления не ставит лицо вне закона, но ведь бесспорно и другое. «Фемида, – как удачно замечает М. И. Ковалев, – не должна выступать в образе немощной старухи, которая только и может, что грозить пальцем непослушному внуку»². Поскольку отношение общества к лицу, совершившему преступление, может находить свое выражение исключительно в ущемлении его правового статуса, то, думается, именно правовой статус и есть предмет правового воздействия, обуславливающий необходимость жесткой, нормативной определенности действий сторон, характера связи между ними, а также пределов, средств и целей воздействия

¹См.: Петрова Г. О. Уголовно-правовое регулирование деятельности человека. Ставрополь. 1991. С. 107–109.

²Ковалев М. И. Советское уголовное право: Курс лекций. Вып. 1. С. 29.

общества на виновного.

В настоящей работе не ставится целью обстоятельное рассмотрение вопросов, касающихся понятия правового статуса и места уголовной ответственности в структуре предмета уголовно-правового регулирования. Уяснение предмета уголовно-правового отношения для нас представляет интерес лишь в той мере, в какой он позволяет определить место объекта преступления в механизме уголовно-правового регулирования. Для реализации этой задачи важно не то, как интерпретируется уголовная ответственность (как предмет, «содержание», одна из «форм» уголовно-правовых отношений и т. п.), а решение вопроса, обоснованно ли включать в предмет уголовно-правового регулирования совершенное лицом преступление. Ранее уже подчеркивалось, что оно само по себе есть отношение (криминальное, негативное, общественно опасное и т.п.), но предметом уголовно-правового регулирования выступает порожаемое им отношение общества к виновному (именно порожаемое, а не трансформируемое). Здесь же уместно сказать о точке зрения, согласно которой уголовно-правовое отношение возникает не само по себе, а по поводу чего-нибудь, из чего делается вывод, что «объектом охранительного уголовно-правового отношения выступает деяние, содержащее признаки состава преступления, указанного в законе»¹.

Надо сказать, что в юридической литературе уже отмечалась ошибочность такой позиции. Как обоснованно пишет Г. О. Петрова, «преступление является юридическим фактом, зародышем уголовно-правового отношения. Поэтому, вырастая из него, развиваясь, уголовно-правовое отношение движется вперед к противостоящему ему объекту. Преступление «питает» растущее уголовно-правовое отношение, предшествуя ему во времени. Следовательно, преступление, являясь причиной уголовно-правового отношения, не может противостоять ему как объект»². Присоединяясь к такой критике, следует признать вполне логичным и другое: по той же причине в качестве объекта уголовно-правовых отношений не должен рассматриваться объект преступления, каким бы образом последний ни интерпретировался. Этот акцент необходим не только потому, что дает ответ на интересующий нас вопрос о возможности включения объекта преступления в «состав» уголовного правоотношения, но и потому, что, выступая против признания преступных деяний «объектом» регулируемых отношений, Г. О. Петрова утверждает: «Объектом уголовно-правового отношения выступает то же самое отношение, которое охраняет уголовный закон. Однако, во-первых, эти отношения носят уже конкретный и персонально определенный характер и, во-вторых, подверглись реальному нарушению или угрозе нарушения конкретным преступником, вошли как

¹Чистяков А. А. Указ. соч. С. 16.

²Петрова Г. О. Указ. соч. С. 105–106.

объект в состав преступления»¹.

Не будем вступать в дискуссию о том, насколько последователен автор в своих суждениях. Более важно то, что с точки зрения логики одно отношение (охраняемое уголовным правом) не может быть составной частью другого – уголовно-правового. Прежде чем перейти к изложению своего взгляда на понятие и место того, что поставлено под охрану уголовным законом в механизме уголовно-правового регулирования, в порядке заключения можно подчеркнуть главное: когда мы говорим о совершении лицом общественно опасного деяния, в том числе и преступного, то имеем в виду отношение индивида к людям; предмет же уголовно-правового регулирования составляет отношение общества к тому, кто совершил общественно опасное деяние. Это противоположные не только по своему характеру, но и объектам и субъектам отношения.

Глава 2. Метод уголовно-правового регулирования

Долгое время метод уголовного права либо вовсе не рассматривался в учебной литературе, либо раскрывался предельно кратко: «Метод регулирования уголовно-правовых отношений заключается в установлении уголовного наказания за определенные деяния и реальном его применении к лицам, совершившим преступление»²; специфика метода уголовно-правового регулирования состоит в том, что «за нарушение запрета, установленного уголовно-правовой нормой, как правило, следует наказание, применяемое судом от имени государства»³; и т. п. Не лучшим образом обстояло дело и с научными публикациями⁴.

В последние годы ситуация изменилась, но не намного. В частности, стали высказываться мнения о недопустимости сведения метода уголовно-правового регулирования к применению и угрозе применения мер наказаний, необходимости более широкой трактовки данного понятия с включением в него «1) применения санкций уголовно-правовых норм (уголовного наказания); 2) освобождения от уголовной ответственности и наказания (включая и применение принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним, совершившим преступление; 3) применения принудительных мер медицинского характера»⁵.

¹Петрова Г. О. Указ. соч. С. 107.

²Советское уголовное и исправительно-трудовое право. Кн. 1. Общая часть советского уголовного права: Учебник. М., 1987. С. 8.

³Советское уголовное право. Часть Общая: Учебник / Отв. ред. Б. В. Здравомыслов, М. А. Гельфер и др. М., 1982. С. 4.

⁴См.: Бушуева Т. А. Структура уголовно-правового метода и ее значение для определения эффективности уголовного права // Проблемы правового регулирования вопросов борьбы с преступностью. Владивосток, 1977; Ной И. С. Метод уголовного права // Личность преступника и уголовная ответственность. Правовые и криминологические вопросы. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1981.

⁵Российское уголовное право. Общая часть: Учебник. М., 1997. С. 9–11; см. также: Галиакбаров Р. Р. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Конспекты лекций и иные материалы. Краснодар,

Обоснованность такого рода представлений о методах уголовно-правового регулирования вызывает большие сомнения: думается, методы, выступая в качестве приемов, способов регулирования общественных отношений, должны отличаться от различных, скажем так, форм реагирования на совершенное общественно опасное деяние, в том числе применением санкций, назначением наказания, применением мер принудительного характера. Однако в данном случае нас интересует не столько это, сколько то, что уже давно всеми авторами признается одним из методов регулирования: установление уголовным законом запрета на совершение общественно опасных деяний.

Актуальность уяснения существа такого метода обусловлена многими соображениями, два из которых в рамках данной работы требуют особого акцента. Первое в конечном счете связано с представлением об уголовном праве как отрасли, предметом которой служат преступление и наказание. Именно так в свое время она была охарактеризована Н. С. Таганцевым, видевшим в них юридические отношения двойного рода: «отношение преступника к охраняемому законом юридическому интересу – преступление и отношение государства к преступнику, вызываемое учиненным им преступным деянием, – наказание»¹. Позднее та же мысль была высказана М. Д. Шаргородским: «Предметом уголовного права, как будто не вызывающим никаких сомнений, – писал он, – являются те общественные отношения, которые мы понимаем под словом «преступление», и связанное с ними наказание»².

Считая преступление лишь юридическим фактом, но не самим предметом уголовно-правового регулирования, В. Г. Смирнов утверждал: «Для того чтобы раскрыть предмет уголовного-правового регулирования, надо ориентироваться не на юридический факт, порождающий уголовно-правовое отношение, но на специфику общественного отношения, вызывающего необходимость урегулирования его мерами уголовного-правового воздействия»³. Не разделяя такой позиции, М. И. Ковалев сделал вывод, что предметом уголовного-правового регулирования являются также общественно опасные действия, посягающие на различного рода охраняемые ценности. Обосновывая свою позицию, автор подчеркивает: «Если речь идет о содержании предмета уголовного-правового регулирования, то, следовательно, имеются в виду обобщенные признаки тех общественных отношений, которые должны быть урегулированы нормами уголовного права, причем признаки, составляющие сущность общественного, а не правового отношения, В этом смысле и преступление является общественным и

1999. С.11.

¹Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т. 1. С.15–16.

²Шаргородский М. Д. Предмет и система уголовного права. С. 41.

³Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 50.

одновременно правовым отношением, а не просто юридическим фактом»¹. Заметим, что признание преступления предметом уголовно-правового регулирования послужило поводом для критики положения о возможности определения самого преступления как общественного отношения. «Именно соотнесение преступления с предметом правового регулирования – общественными отношениями, а не отождествление преступления и общественных отношений, – считают В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев и А. Н. Тарбагаев, – позволяет установить общее, внутреннее, объективное свойство (качество) всех без исключения преступлений, раскрыть их генетическую однородность и, следовательно, историческую изменчивость, средства, методы и цели борьбы с преступностью, т. е. выявить сущность общественной опасности не только как уголовно-правовой, но и социальной категории»².

Что же касается второго соображения, то оно состоит в следующем. Полагая, что объект уголовно-правовой охраны – это различного рода «нормальные» общественные отношения, которые служат объектом преступления, в отечественной юридической литературе часть авторов высказались в пользу того, что осуществление уголовным законом охранительной функции непременно сопряжено с их регулированием, что, собственно, и дает возможность говорить о его творческом, созидательном, воспитательном характере³. Такого решения вопроса придерживается, в частности, М. И. Ковалев, в связи с чем пишет: «Норма уголовного права обращена к конкретному гражданину не только санкцией, но и диспозицией, то есть она угрожает и предписывает, говоря гражданину, как надо и как не надо себя вести в определенной ситуации. Тем самым она всем гражданам или определенной категории их вменяет в обязанность конкретное поведение или, наоборот, запрещает такое при каких-то условиях под угрозой уголовного наказания»⁴.

Аналогичным образом рассуждают и другие сторонники данной позиции. «Каждый уголовно-правовой запрет, – отмечает, например, В. С. Прохоров, – очерчивает рамки поведения людей: это можно делать, а то – нельзя. Деятельность людей, проходя сквозь гребень уголовно-правовых запретов и велений, упорядочивается. Разве это не регулирование общественных отношений?»⁵. Другая группа авторов настаивает на том, что в данном случае регулирования не происходит, «общественные отношения, которые являются объектом преступления, лишь ставятся под охрану уголовного закона, и последний никакого влияния на них не оказывает. Точнее, не видоизменяет, не регулирует, как и не трансформирует их в

¹Ковалев М. И. Советское уголовное право: Курс лекций. Вып. 1. С. 63, 76.

²Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 22.

³См.: Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. М., 1967. С. 100–101.

⁴Ковалев М. И. Советское уголовное право: Курс лекций. Вып. 1, С.96–97.

⁵Прохоров В. С. Указ. соч. С. 79–80.

уголовно-правовые отношения, поскольку они функционируют независимо от него. Таким образом, общественные отношения, выступающие объектом того или иного преступления, только охраняются уголовным законом (не более того), поэтому они не превращаются в уголовно-правовые отношения»¹. «Сказанное, – уточняет В. Я. Таций, – вовсе не означает, что уголовное право как система определенных норм, регулирующих поведение людей, выполняет исключительно охранительную функцию (роль своеобразного сторожа) и не выполняет при этом никакой созидательной функции по отношению к ним. Формулируя запреты человеческих поступков, направляя поведение людей относительно охраняемых им общественных отношений, оно не только создает нормальные условия для их сохранения, но и тем самым способствует их совершенствованию и развитию в соответствии с интересами государства и общества. В этом, в частности, проявляется созидательная, творческая роль уголовного права»².

В чем причина существования противоположных точек зрения по вопросу о регулятивных возможностях уголовно-правового регулирования? В. Г. Смирнов полагал, что она в какой-то мере заключена в недостаточной юридической определенности терминов «регулирование», «охрана», «обеспечение» и т. п., вследствие чего предложил различать правовое регулирование в широком и узком смысле слова в первом случае оно «включает в себя различные способы и цели государственно-правового воздействия на какое-либо определенное общественное отношение (группу определенных общественных отношений). Чаще всего, однако, при доказательстве необоснованности признания объекта уголовно-правовой охраны предметом уголовно-правового регулирования акцентируется внимание на недопустимости отождествления понятий правового регулирования и правового воздействия. «Правовое регулирование, – поясняет П. С. Тоболкин, – естественно, предполагает определенное воздействие на общественные отношения. Однако не всякое воздействие есть правовое регулирование. При правовом регулировании воздействие на общественное отношение осуществляется прежде всего путем его регламентации на основе норм права и носит общий, абстрактный характер без учета индивидуальных особенностей и черт каждого из них. Правовое регулирование, кроме того, состоит в довольно жесткой регламентации общественной жизни, связанной с возникновением субъективных прав и обязанностей»³.

Надо полагать, что именно из таких представлений о взаимосвязи данных понятий исходят и многие другие авторы, утверждая, что «сам факт существования запретительных норм уголовного права, карающих за

¹Таций В. Я. Указ. соч. С. 104.

²Там же. С. 106.

³Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. С. 23–24.

совершение общественно опасного деяния, воздействует на отдельных лиц, склонных к совершению преступления, и удерживает их от совершения преступных действий. Однако здесь нет еще правоотношения и поэтому не может быть также уголовно-правового регулирования»¹.

Безусловно, правовое воздействие и правовое регулирование – понятия не тождественные. Но суть проблемы в данном случае заключена совсем в ином: в уяснении того, какова природа запретов на совершение наказуемого деяния («не убей», «не укради» и т. п.). Приходится, к сожалению, говорить об общеизвестных вещах: любой правовой запрет есть метод регулирования. Если это так, то ни о какой логике не может идти речи в случаях, когда, с одной стороны, признается факт установления уголовным законом запретов на совершение деяний, объявляемых преступными, а с другой – утверждается, что уголовный закон не регулирует поведение людей, а лишь воздействует на него, причем вне рамок правоотношений. Первое с необходимостью влечет за собой второе: установление запрета означает возложение обязанности не совершать общественно опасных действий, а возложение ее как раз и является регулированием, вне зависимости от того, исполняется ли она индивидом. Можно придерживаться разных мнений о том, какие именно отношения следует считать предметом регулирования – криминальные (преступления), охраняемые либо те и другие одновременно. Однако, придерживаясь бытующих представлений об уголовно-правовой природе нарушаемых преступником запретов, нет оснований ставить под сомнение регулятивное воздействие норм уголовного права на поведение людей. Другое дело, следует ли считать обоснованным сам тезис о запрещенности общественно опасных деяний уголовным законом. Положительное решение этого вопроса обычно воспринимается как само собой разумеющееся: в частности, в ныне действующем УК РФ само понятие преступления формулируется как совершение некоторого рода деяния, запрещенного Кодексом под страхом наказания. Более того, довольно часто можно встретить суждения, согласно которым уголовное право характеризуется как право запретов, а сам запрет обозначается как уголовно-правовой тип, способ, метод регулирования общественных отношений. Понятно, что с точки зрения здравого смысла индивид может наказываться лишь за совершение того, что каким-либо образом запрещено. Но в данном случае нас интересует не столько сам факт запрещенности преступного деяния, сколько другое: вопрос о том, какими именно нормами – уголовно-правовыми или иными – формулируется данный запрет, возлагается обязанность воздержания от общественно опасного поведения.

Определяясь с природой запретов типа «не убей», «не укради», нельзя забывать о том, что в обществе существует не только уголовный закон, но и

¹Шаргородский М. Д., Иоффе О. С. О системе советского права // Советское государство и право 1957. № 6. С. 108.

множество других юридических (конституционных, гражданско-правовых, административно-правовых и т. д.) и неюридических норм (этических, моральных, религиозных и т. п.). В отличие от Уголовного кодекса, где речь идет об отклоняющемся поведении, социальные нормы чаще всего описывают должный, желаемый вариант поведения людей, некий его допустимый стандарт. Выполняя такую функцию, они, безусловно, прямо или косвенно очерчивают границы порицаемых обществом действий, информируя его членов о добре и зле, хорошем и плохом, допуская одно и запрещая другое. Если это так, то вполне закономерно возникает вопрос: для чего нужно при установлении уголовной ответственности запрещать деяния, которые уже без того запрещены? По каким соображениям возникает необходимость или, по крайней мере, является оправданным конструирование уголовным законом запрета, к примеру, в статье, предусматривающей ответственность за уклонение от уплаты налогов? Существуют Конституция РФ, налоговое законодательство, где прямо говорится об обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, и, стало быть, еще до и вне зависимости от принятия уголовно-правовой нормы налогоплательщики были не вправе уклоняться от уплаты налогов. Быть может, повторный запрет имеет своей целью возложение новой, уголовно-правовой обязанности: не уклоняться от выполнения ранее возложенной обязанности? Однако не будет ли это означать декларативность соответствующих статей Конституции и налогового законодательства, а в общем контексте, с учетом всей совокупности статей Особенной части Уголовного кодекса, предусматривающей наказуемость в той или иной форме ранее запрещенных деяний, – системы социальных норм в целом? К сожалению, такой вопрос в юридической литературе не ставится.

Считая, что нормы других отраслей права в ряде случаев имеют вспомогательное значение для правильного понимания и применения норм уголовного права, в советской юридической литературе в доказательство уголовно-правовой природы запретов нередко ссылались на то, что в уголовном законе наказываются и такие деяния, запрет на совершение которых отсутствует в других отраслях права (в том числе убийство, нанесение вреда здоровью, изнасилование и растление малолетних, похищение людей, оскорбление, клевета, укрывательство преступлений, соучастие в преступлении)¹. Не касаясь обоснованности тезиса о вспомогательном характере иных юридических норм (представляется, в некотором смысле правильнее было бы говорить о противоположном, т. е. о вспомогательной роли уголовного закона для всей системы социальных норм), заметим, что в ответ на замечание об отсутствии законов, устанавливающих неприкосновенность жизни, здоровья, свободы частных

¹См.: Дурманов Н. Д. Советский уголовный закон. С. 96.

лиц или целостности и независимости государства, Н. С. Таганцев еще более ста лет назад пояснял: «Те приказы и запреты, неисполнение которых описывается в диспозитивной части законов уголовных, могут быть двух порядков: или это будут веления правопроизводящей воли, облеченные в форму закона, или на законе основанного постановления или распоряжения – писаное право, или это будут веления, не облеченные в закон или законное постановление, – право неписаное, коего бытие мы распознаем или из описания его нарушений в законах уголовных, или посредством анализа условий и признаков различных юридических институтов публичного или даже частного права, или даже путем обобщения фактов общественной жизни»¹.

Разумеется, нет правил без исключений, и, наверное, найдется статья, если не в современном, так в ранее действовавшем уголовном, законодательстве, предусматривающая ответственность за деяние, которое по каким-либо причинам оказалось вне сферы социального регулирования. Однако с позиций принципа не должно вызывать сомнений положение, согласно которому нельзя объявлять преступным то, что с точки зрения действующей в обществе системы социальных регуляторов (права, морали и т. п.) не получило социального запрета, является правомерным или нейтральным.

Вряд ли убеждает в необходимости признания уголовно-правовой природы интересующего нас запрета соображение о том, что объявление общественно опасных деяний запрещенными Уголовным кодексом обеспечивает наиболее эффективное предупредительное воздействие на лиц, склонных к совершению преступления. В данном случае авторы вольно или невольно упускают из виду главное: удерживающее воздействие имеет не сам факт запрета совершения общественно опасного деяния, а предусмотренная в УК возможность применения наказания за его нарушение. Иными словами, не способ возложения обязанностей, но характер реакции общества на их несоблюдение здесь играет решающую роль.

Не свидетельствуют в пользу тезиса об уголовно-правовой природе запрета на совершение преступных деяний и взгляды, которые высказываются в отечественной литературе применительно к пониманию структуры норм уголовного права. Отсутствие в УК статей, в которых бы запрет на наказуемое деяние не предполагался, а прямо формулировался, нередко побуждает авторов, с одной стороны, объяснять данный факт тем, что в уголовном законе запреты содержатся в скрытом виде, а с другой стороны – идти по пути весьма оригинальной трактовки элементов уголовно-правовой нормы. Учитывая ее конкретное содержание и то, что именно принято понимать под каждым элементом нормы права, следовало бы со всей

¹Таганцев Н. С. Указ. соч. Т. 1. С. 25.

определенностью констатировать, что описание признаков деяния в статьях Общей и Особенной частей Уголовного кодекса – условия их применения и, стало быть, имеет значение гипотезы, но никак не диспозиции правовой нормы. Однако в юридической литературе многими авторами не воспринимается это, казалось бы, вполне простое и логичное решение вопроса. В качестве альтернативы ему предлагаются положения о том, что «гипотеза в уголовно-правовых нормах носит общий характер», «гипотеза подразумевается в уголовно-правовых нормах», «в уголовно-правовой норме происходит слияние гипотезы с диспозицией», «диспозиция выполняет одновременно роль гипотезы», «гипотеза говорит о наличии юридического факта, но описание его содержится в диспозиции», «в уголовном праве правильнее пользоваться привычной терминологией» и т.п. Встречается, правда, и иной вариант решения вопроса. Так, В. С. Прохоров, Н. М. Кропачев и А. Н. Тарбагаев утверждают, что «в конечном счете схема конструкции уголовно-правовой нормы может быть представлена в таком виде: при условиях, указанных в норме (гипотеза), запрещено совершать следующие действия (диспозиции) во избежание определенных нормой последствий (санкция) – таков позитивный аспект уголовно-правового регулирования; если же требование нормы нарушено (гипотеза), суд должен применить к виновному следующие меры (диспозиция) – таков ретроспективный аспект уголовно-правовой нормы. Уголовно-правовая норма, естественно, едина в функциях: охраняя, она регулирует и, регулируя, – охраняет»¹.

Подобного рода представления о «строении» нормы права явно не «вписываются» в общее учение о ней. Примечательно, однако, что они находят поддержку и у некоторых правоведов. Так, отмечая своеобразие интерпретации гипотезы и диспозиции в уголовном праве, С. С. Алексеев пишет: «Указанный разнобой в терминологии создает известные неудобства. Но все же в наименованиях, принятых в науке уголовного права, есть определенный резон: здесь отражается связь, существующая между регулятивными и охранительными нормами, обеспечивается широкая (для граждан) информация в едином нормативном положении и о запрещенном поведении, и о санкциях за допущенное нарушение. В самом условии уголовно-правовой нормы, именуемой диспозицией, в скрытом (снятом) виде содержится указание на запрет, нарушение которого приводит данную охранительную норму в действие, т. е. именно то указание, которое в регулятивных нормах действительно называется диспозицией»². Н. Н. Рыбушкин предпочитает говорить в данном случае о специфике не только уголовно-правовых, но и запрещающих норм в целом, т. е. в более широком плане. Признавая диспозицию и санкцию необходимыми элементами

¹Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Указ. соч. С. 43–44.

²Алексеев С. С. Указ. соч. Т. 2. С. 60–61.

структуры любой, в том числе и запрещающей, нормы, автор полагает, что последние действуют непрерывно («с момента введения их в действие и до их отмены или изменения, независимо от каких-либо конкретных жизненных ситуаций»), вследствие чего утверждает: «Представляется бессмысленным полагать, что для норм, содержащих такие запреты, необходимы гипотезы». Диспозицией запрещающих норм при этом называется элемент, в котором «в негативном виде обозначается идеальная модель вытесняемого общественного отношения, указывается обязанность не вступать в это отношение. Санкция рассматривается той частью запрещающей нормы, в которой указаны меры государственного обеспечения ее диспозиции. В значении элемента запрещающих норм называются также "указания на субъектный состав» и «указания на цель»¹.

Обстоятельный анализ всех отправных положений проблемы «строения» правовой нормы выходит за рамки настоящей работы. Однако по меньшей мере небесспорной нужно признать идею о том, что одно и то же явление (в данном случае норма права) в каждом конкретном случае может иметь неодинаковую структуру. Понятно, что содержание элементов тех или иных правовых норм не может не иметь специфики. Но если она касается количества выделяемых элементов или выполняемых ими функций, то впору говорить уже об особенностях структуры разных явлений. Во избежание такого рода подмен оставим в стороне вопрос о «строении» запрещающих норм права вообще и обратимся к содержанию лишь уголовно-правовых норм. Е. Я. Мотовиловкер исходит из того, что они всегда лишь предполагают запрет на совершение общественно опасных деяний, но не содержат его. «Запрещающая норма, – обоснованно пишет он, – соответствует охранительной норме, связана с ней, но является внешней (другой) по отношению к последней. Соблюдение запрета связано с поддержанием нормального хода общественных правоотношений. Поэтому запрещающая норма носит регулятивный характер. Применение же охранительной нормы происходит, когда уже факт преступного посягательства налицо, когда общественные отношения удержать в нормальном русле не удалось... Преступление нарушает не уголовно-правовую норму, а, как правило, регулятивную норму из другой отрасли права, будь то обязывающая, управомочивающая или запрещающая норма. Уголовная же правовая норма не нарушается. Она есть охранительная правовая норма, ибо условием, вызывающим ее действие, служит акт преступления»².

Считая такую точку зрения наиболее правильной, следует подчеркнуть, что в той или иной степени она уже давно высказывалась в юридической литературе. В этом плане особый интерес представляют взгляды К. Биндинга, с именем которого связывают возникновение так называемой нормативной

¹Рыбушкин Н. Н. Запрещающие нормы в советском праве. Казань, 1990. С. 26–35.

²Мотовиловкер Е. Я. Указ. соч. С. 23-27.

теории, особо подчеркивавшего положение о недопустимости отождествления закона, который нарушается преступником, с законом, по которому виновный наказывается. Само по себе данное положение для отечественной науки не было новым, но в концепции К. Биндинга оно впервые было увязано с выводом об отсутствии в уголовном законе того, что именуют правовыми нормами и что подразумевает закрепление в нем критериев положительного (нормального, желаемого для общества) поведения людей. По логике К. Биндинга, преступление не может нарушить уголовного закона, в частности, потому, что в нем не содержится необходимых правил, которыми должны руководствоваться индивиды; он адресуется не им, а тем, кто его применяет.

В том, что идея отказа от нормативного характера положений уголовного закона является несостоятельной, двух мнений быть не может. Вряд ли стоит сомневаться и в другом: ее появление во многом было обусловлено ошибочными представлениями автора о понятии правовой нормы вообще и уголовно-правовой в частности. Но в чем именно состояла эта ошибочность? Безусловно, не в том, что всякая правовая норма есть некоторого рода желаемый стандарт, который «задается» законодателем, а в том, что применительно к уголовному праву установление положительных правил поведения увязывалось с требованиями, которые могут быть сформулированы в так называемой диспозитивной части закона и должны быть непосредственно адресованы лишь индивидам, а не правоприменителю. Поскольку описываемые в диспозиции признаки всегда характеризуют деяние как преступное, то нет ничего удивительного в том, что К. Биндинг сделал вывод об отсутствии в ней указания на правомерное (нормальное) поведение. Столь же логичным следует признать и тезис автора об установлении стандартов поведения для индивидов нормами различных отраслей права: гражданского, государственного и т. д. В этом смысле вполне обоснованной выглядит в конечном счете и мысль о недопустимости отождествления закона, который нарушается преступником, с законом, в соответствии с которым лицо несет уголовную ответственность. Если, однако, все это не вызывает возражений, то почему нельзя поддержать идею К. Биндинга об отсутствии в уголовном законе правовых норм? Да потому, что она не только по сути дела отрицает у него наличие регулятивных свойств, собственного предмета правового регулирования и т. п., но и вступает в явное противоречие с утверждениями автора о том, что уголовный закон адресуется правоприменительным органам, именно они, а не граждане должны его соблюдать в своей деятельности. Если допустить, что в нем действительно не содержится правовых норм, положительных правил поведения, то о соблюдении чего же тогда может идти речь? Во все времена уголовный закон не только объявлял преступным какой-то круг деяний, но и непременно в той или иной форме определял правила, которыми должен

руководствоваться правоприменитель, его права и обязанности. Это в полной мере касается и ныне действующего УК РФ, в котором нет и не может быть ни одной статьи, которая бы в какой-либо степени не регулировала деятельность соответствующих государственных органов в решении вопросов преступности и наказуемости деяний. Главная ошибка К. Биндинга состояла, стало быть, не в том, что нормы права им понимались как некоторого рода стандарт общественно полезного, правомерного поведения, но в том, что он рассматривал деятельность правоприменителя вне их рамок.

Не восприняв идею об отсутствии в уголовном законе собственных правовых норм, отечественная юридическая наука стала утверждать, что именно уголовный закон устанавливает запрет на совершение общественно опасного деяния, что давало возможность говорить о наличии в уголовном законе предписаний, непосредственно обращенных к гражданам, а следовательно, и о его нормативности. Такой подход с неизбежностью породил противоречия, которые стали именовать особенностями уголовного права, его парадоксами и т. п. Признание уголовно-правовой природы данного запрета привело, в частности, к тому, что преступления стали восприниматься в качестве деяний, являющихся уголовно противоправными, противозаконными, т. е. непосредственно нарушающих уголовный закон. Если учесть, что для квалификации деяния в качестве преступления должна быть установлена его предусмотренность так называемой диспозицией статьи уголовного закона, то становится неясным, о чем именно нужно говорить: о тождественности или, напротив, не тождественности содеянного признакам состава преступления, о соблюдении или несоблюдении уголовного закона теми, кто совершает посягательство. Некоторые авторы сочли возможным рассматривать положение, при котором преступление и нарушает уголовно-правовую норму, и служит условием ее применения, как один из парадоксов уголовного права¹.

Между тем причины возникновения такого рода парадокса известны уже давно. Именно они имелись в свое время в виду Н. С. Таганцевым, поддерживавшим К. Биндинга в оценке выражения «нарушение уголовного закона» как «очевидного недоразумения», вызванного тем, что «положение уголовного закона, на основании которого приговаривается преступник, отождествляется с юридическим положением, которое преступник нарушает. Всякий уголовный закон, – писал далее Н. С. Таганцев, – содержит в себе описание преступного деяния (диспозитивная часть) и назначенное за него наказание (санкция); но описание логически не может быть нарушено; напротив того, для применения закона уголовного безусловно необходимо, чтобы учиненное было юридически тождественным с диспозицией закона, с его определением: неисполнение же или, вернее, неприменение санкции

¹См.: Коган В. М. Логико-юридическая структура советского уголовного права, Алма-Ата, 1966. С. 34.

возможно, конечно, только со стороны органов судебной власти, а не со стороны правонарушителя»¹.

Именно признанием уголовно-правовой природы запретов на совершение общественно опасных деяний нужно объяснять и сложности, с которыми столкнулась юридическая наука при решении вопроса о структуре уголовно-правовой нормы. И действительно, что мешает многим авторам признать обоснованной мысль, согласно которой не уголовный закон, а вся система социальных регуляторов призвана провести границу между приемлемым и неприемлемым для общества поведением индивидов и на этой основе рассматривать нарушение уже так или иначе существующих правил поведения в качестве условия применения уголовно-правовых норм, т. е. их гипотезы? Вряд ли решение такого вопроса связано с необходимостью реализации сформулированного ныне в ст. 3 УК РФ принципа законности, в соответствии с которым преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Кодексом: определение границ приемлемого или неприемлемого поведения, формирование запрета на совершение общественно опасного деяния являются лишь одним из условий для оценки его в качестве преступного, и, стало быть, установление запрета социальными нормами еще не есть установление оснований уголовной ответственности, т. е. состава преступления. Нежелание считать признаки состава преступления во всей их совокупности гипотезой уголовно-правовой нормы может быть продиктовано только тем, что такое представление о гипотезе не оставляет в уголовно-правовой норме никакого места для диспозиции, как она интерпретируется многими авторами, т. е. как установление запрета на совершение общественно опасного деяния и тем более как предписание гражданам правомерного поведения. Опасаясь, что лишение уголовного закона функции установления запрета на совершение общественно опасных деяний неизбежно повлечет за собой вывод об отсутствии в нем собственных юридических норм, многие ученые склонны отстаивать мысль об уголовно-правовой природе данных запретов. В результате получается, что стремление доказать существование в уголовном законе собственных юридических норм побуждает признать наличие в нем собственного запрета на совершение наказуемого деяния, что, в свою очередь, и порождает вывод об особенностях уголовно-правовой нормы, в которой гипотеза, по мнению одних авторов, отсутствует вовсе, других – сливается с диспозицией, третьих – выполняет ее роль, четвертых – носит неопределенный или общий характер и т. п.

¹Таганцев Н. С. Указ. соч. Т. 1. С. 24. Данное положение в начале XX в. подчеркивалось и другими авторами, в частности. Н. Д. Сергиевским: «Уголовный закон, или право положение, на основании которого преступник наказывается, существенно рознится от того право положения, которое он, совершая преступное деяние, нарушает. Мы не можем сказать, что преступник нарушает уголовный закон... Преступник нарушает известные запреты, на которые в уголовном законе заключается как бы ссылка и которые являются для него необходимым предположением» (Сергиевский Н. Д. Указ. соч. С. 39).

Думается, что для обоснования нормативного характера уголовного законодательства нет нужды выдавать нелогичность суждений за якобы присущие ему особенности. Обособление его в отдельную отрасль права, собственно, и есть тот аргумент, который доказывает наличие в нем самостоятельных правовых норм. Естественно, он не только не единственный, но и даже не самый главный. Более убедительным в этом смысле является соответствующая интерпретация содержания уголовно-правовых предписаний, в связи с чем особое значение приобретает решение вопроса о взаимосвязи в уголовном законе его норм и статей. В том, что эти понятия не тождественны, в настоящее время, пожалуй, уже никто не сомневается. Но мало лишь декларировать недопустимость их отождествления; необходимо еще реально считаться с различиями между ними при определении содержания нормы уголовного права как таковой. К сожалению, далеко не всегда отечественная уголовно-правовая наука поступает именно таким образом. Более чем убедительный пример тому – поныне бытующие представления о смысле вычленения Общей и Особенной частей Уголовного кодекса и их взаимосвязи. В юридической литературе обнаруживается немало нюансов в определении каждой из них, но почти всякий раз Общая или Особенная части характеризуются в виде некоторой совокупности норм, а не статей Уголовного кодекса. Нужно ли удивляться тому, что применительно к Особенной части стало общепринятым экстраполировать решение вопроса о структуре правовой нормы на статью уголовного закона, вычленяя в последней диспозицию и санкцию, с одной стороны, и умалчивать о «строении» того, что называют нормами Общей части, – с другой. Между тем совершенно очевидно, что нормы права выступают первичными образованиями, «кирпичиками», «клеточками» и т. п., которые не могут не иметь единой структуры, «строения», а стало быть, и некоторой обособленности друг от друга. С точки зрения стилистических интересов, конечно же, допустимо с некоторой долей условности различать в статьях Особенной части Уголовного кодекса диспозицию и санкцию. Но при выяснении соотношения нормы и статьи нельзя упускать из виду того, что последняя есть внутреннее подразделение нормативного акта, документа, отражающая логически обособленную часть его текста и включающая в себя одно или несколько сложных предложений, членами которых, как известно, служат подлежащее, сказуемое, определение, дополнение и обстоятельство. Эти члены предложения, а также наименование, примечание, вычленяемые части, пункты, абзацы и т. п. и есть структура статей нормативного акта, которые, в свою очередь, выступают структурными образованиями, объединяемыми в ныне действующем законодательстве в главы и, на следующем уровне, в разделы. В аналогичной плоскости осуществляется группировка самих разделов, вследствие чего формируются Общая и Особенная части. Если, однако, они, а также разделы, главы и статьи

уголовного закона лежат в одной плоскости систематизации кодифицированного материала, то вывод может быть только один: Общая и Особенная части Уголовного кодекса представляют собой разные совокупности статей, а не различные комплексы уголовно-правовых норм.

Данное положение служит основанием для утверждения о неразрывной, органической связи Общей и Особенной частей Уголовного кодекса. Решая данный вопрос, в юридической литературе обычно ссылаются на принадлежность их к одному и тому же целому, единство решаемых ими задач. С этим, разумеется, нельзя не согласиться. Но ограничиваться лишь такого рода ссылкой – значит не акцентировать внимание на наиболее важном моменте: всякая норма уголовного права устанавливается одновременно статьями как Общей, так и Особенной частей Уголовного кодекса. Именно то, что ни те, ни другие сами по себе полностью не раскрывают содержание уголовно-правовой нормы, исключает возможность толкования и применения ее лишь на основе статей какой-либо одной части Кодекса. Именно по этим соображениям ее определение как некоторой совокупности норм, а не статей уголовного закона, представляется не просто некорректным, но ошибочным с методологической точки зрения. Наконец, именно данное положение служит предпосылкой для правильного уяснения содержания не только уголовно-правовой нормы в целом, но и каждого ее элемента.

В самом деле, что нужно рассматривать в качестве условий применения уголовно-правовой нормы об ответственности, например, за кражу? В ч. 1 ст. 158 УК РФ они сформулированы весьма лаконично, как совершение «тайного похищения чужого имущества». Понятно, что перечень обязательных условий для привлечения индивида к уголовной ответственности за данное преступление не исчерпывается лишь названными признаками. В частности, здесь ничего не сказано о признаках малозначительности деяния, вменяемости, минимальном возрасте привлечения к уголовной ответственности, характере и форме вины, покушении или приготовлении, соучастии в преступлении, возможности осуждения лица за кражу, совершенную при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Имея в виду, что соответствующие положения на этот счет в силу своего универсального значения содержатся в Общей части УК РФ, допустимо ли связывать все их с характеристикой условий применения нормы уголовного закона, устанавливающей основание уголовной ответственности за кражу? Думается, в решении данного вопроса не должно быть двух мнений, ибо весь смысл подразделения кодифицированного материала на Общую и Особенную части как раз в том и состоял, чтобы при изложении отдельных уголовно-правовых норм вывести в первую часть все повторяющееся, единое, оставив во второй лишь отличительное, специфическое. Столь же несомненным представляется и то, что интересующая нас норма может применяться лишь в случаях, когда кража совершена на территории или вне пределов РФ, во

время, когда данная норма стала действующей, т. е. вступила в силу. Исходя из принципа деления законодательного материала, а также нетождественности юридической нормы и статьи закона, сам по себе факт «выведения» положений общего характера за скобки при изложении оснований ответственности нельзя воспринимать как конструирование новой, самостоятельной уголовно-правовой нормы. Точно так же не имеет статуса отдельной уголовно-правовой нормы понятие хищения, сформулированное законодателем в примечании к ст. 158, хотя оно распространяется на все формы хищения. Стало быть, если попытаться полностью воспроизвести основания применения уголовно-правовой нормы об ответственности за кражу, то они должны содержать в себе предписания не только так называемой диспозиции ч. 1 ст. 158, но и примечания к ней, а также положений глав 2–8 Общей части УК РФ. Важно подчеркнуть, что при всей своей многочисленности эти условия укладываются в первую часть формулы «если... то...» и представляют собой гипотезу уголовно-правовой нормы, описываемую законодателем, в отдельных статьях Особенной и целой группе статей Общей части Уголовного кодекса.

Думается, что с соответствующих позиций должен решаться вопрос и о содержании второго элемента уголовно-правовых норм, обычно именуемого санкциями. В юридической литературе их часто понимают как некоторого рода наказание, предусмотренное за совершение деяния, служащего условием применения уголовно-правовой нормы. Более того, иногда даже подчеркивается, что ничего иного в санкции не содержится. Не чем иным, как отождествлением санкции уголовно-правовой нормы и санкции статьи Особенной части, такое решение вопроса объяснить нельзя. Но оно порождает не только не совсем корректные представления о пределах наказуемости деяний¹, но и неверное понимание санкции уголовно-правовой нормы, ее содержания и роли в рамках единого целого. Ведь одно дело, когда смысл существования санкции мы видим в изложении предписаний законодателя относительно того, что вправе избрать суд в качестве меры наказания при применении, скажем, той же самой нормы об ответственности за кражу, т. е. возможности определить штраф в размере от двухсот до семисот минимальных размеров оплаты труда или заработной платы или иного дохода осужденного от двух до семи месяцев, либо обязательные работы на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительные работы на срок от одного года до двух лет, либо арест на срок от четырех до шести месяцев, либо лишение свободы на срок до трех лет (ч. 1 ст. 158 УК РФ). И совсем другое дело, когда санкция данной уголовно-правовой нормы интерпретируется по типу: «наказывается в пределах, установленных статьей Особенной части, с учетом установленных

¹См.: Кругликов Л. Л. Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания: Учебное пособие. Ярославль, 1986. С. 37–44.

статьями Общей части целей наказания, порядком и условиями назначения отдельных видов наказания, общими началами назначения наказания, перечнем смягчающих и отягчающих обстоятельств, правилами назначения наказания при неоконченной преступной деятельности, соучастии в преступлении, условиями применения условного осуждения и основаниями освобождения от уголовной ответственности и наказания». Не только логически, но и фактически содержание санкции отдельной уголовно-правовой нормы характеризуется совокупностью положений, изложенных в санкции статьи Особенной части и в соответствующих институтах (главы 9–14) Общей части.

Поскольку всякая уголовно-правовая норма не менее объемна в изложении условий (обычно именуемых в литературе диспозицией) и возможных последствий (так называемой санкции) ее применения, то небесспорными представляются утверждения некоторых авторов, считающих, что по общему правилу одна уголовно-правовая норма содержится в одной статье Особенной части¹.

Если уж говорить о количественном соотношении нормы и статьи уголовного закона, то для этого можно представить себе либо отдельную норму (например, об ответственности за кражу) в кодексе, в котором не используется деление материала на Особенную и Общую части, либо отдельный закон, в котором решаются все без исключения вопросы преступности и наказуемости какого-то одного преступления (кражи). И в том и в другом случае об уголовно-правовой норме можно говорить лишь при условии, что она носит самостоятельный характер в том плане, что обладает способностью к самостоятельному применению. Эта способность обуславливает и соответствующее содержание уголовно-правовой нормы, которое в категориях механизма уголовно-правового регулирования представляет неразрывную связь юридического факта и порождаемых им правовых последствий. Ничего иного в правовой норме нет, что, кстати, лишний раз свидетельствует в пользу сторонников мнения о двухчленном «строении» норм права. Вместе с тем их содержание не может быть сведено и к какому-то одному элементу, в том числе и к правоотношению. Данное положение также требует акцента, поскольку существует мнение, что "структура юридической нормы есть объективированный результат отражения в норме определенного отношения. Фактическое общественное отношение, подлежащее правовому регулированию, объективно требует, чтобы структура правовой нормы логически соответствовала собственному внутреннему строению. Оно достаточно жестко предопределяет характер связи и количество структурных элементов нормы... С известной условностью можно утверждать, что та или иная норма содержит столько

¹См.: Дурманов Н. Д. Указ. соч. С. 106–107.

структурных логических элементов, сколько этого требует данное отношение. Структура имущественных отношений индивидов обуславливает наличие в правовой норме таких элементов, как гипотеза, диспозиция (одна или две), санкция, мера поощрения, указание на каждого из субъектов. Большинству уголовных отношений соответствует двучленная структура нормы. Для массовых, политических отношений, требующих конституционного оформления, зачастую достаточно констатации в праве их наличия. В структуре многих конституционных норм реально проявляется обычно один элемент»¹.

Такого рода представления о структуре юридической нормы вызывают возражения, прежде всего потому, что структура всякого целого, в том числе и норм, не может быть непостоянной². Кроме того, трудно говорить о последовательности суждений, когда по сути дела одно и то же – а именно условия применения правовой нормы – при характеристике ее гипотезы авторами включаются в структуру нормы права, а при анализе юридических фактов – нет. Поскольку описание гипотезы в конечном счете и есть изложение содержания конкретных юридических фактов, с наличием которых связывается применение нормы права, то, думается, нет никаких оснований для отождествления строения правовой нормы и правоотношения и выведения тем самым за ее рамки признаков, непосредственно касающихся юридического факта. Нельзя, однако, не считаться и с тем, что в какой-то части юридическая норма непременно должна раскрывать и содержание самого правоотношения, его элементы и связи между ними. Юридический факт, рассматриваемый в единстве с порождаемым им правоотношением, – это и есть составляющие уголовно-правовой нормы. Какого бы наименования се структурных частей мы ни придерживались. в любом случае реальное содержание уголовно-правовой нормы включает в себя предписания как об условиях, так и о юридических последствиях применения нормы. И если сами условия применения – юридический факт, то порождаемое ими отношение есть не что иное, как предмет уголовно-правового регулирования. Ранее уже отмечалось, что таковым следует считать уголовно-правовое отношение, а точнее, регулируемое уголовным законом отношение общества к лицу, признанному виновным в совершении преступления (в некоторых случаях отношение общества к яйцу, причинившему вред в состоянии невменяемости). Поскольку и само преступление с социальной точки зрения представляет собой отношение лица к людям, то выходит, что всякая уголовно-правовая норма в первой своей части содержит юридические

¹Теория государства и права: Учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В. М. Карельского и В. Д. Первалова. М., 1997. С.282.

²Как справедливо отмечает С. С. Алексеев, внутреннее строение, связь элементов, образующих структуру нормы, отличаются инвариантностью, жесткостью, «неразрушимостью», при которой отсутствие хотя бы одного из необходимых элементов приводит к разрушению данной целостности – юридической нормы (Алексеев С. С. Указ. соч. Т. 2. М., 1982. С. 54).

признаки одного отношения (индивида к окружающим), а во второй – другого (общества к индивиду–преступнику).

Ориентируясь на понимание уголовно-правовой нормы как единства юридического факта и предмета регулирования, следует решать и все возникшие в этой связи вопросы, в том числе вопрос о нормативности уголовного закона. Подчеркнем еще раз: отрицая наличие в нем собственных юридических норм, К. Биндинг ошибался не в том, что считал недопустимым подменять закон, который нарушается преступлением, законом, по которому наказывается виновный, но в том, что видел в санкции последнего лишь меру принуждения. К сожалению, таким же образом санкция стала истолковываться и многими представителями отечественной юридической науки, отстаивающими идею об уголовно-правовой природе запрета на совершение общественно -опасного деяния, сопряженную с представлением об особенностях строения нормы уголовного права. Суть же проблемы заключена в другом: санкция есть не мера принуждения как таковая, а то, что в каждом отдельном случае раскрывает предмет уголовно-правового регулирования. Если мы имеем дело с совершением общественно опасного деяния невменяемым, то это служит юридическим основанием для возникновения такого отношения, в рамках которого суду вменяется в обязанность решить вопрос о целесообразности назначения и виде принудительных мер медицинского характера. Когда содеянное квалифицируется в качестве определенного рода преступления, то возникает уголовно-правовое отношение, причем именно предусмотренное санкцией конкретной уголовно-правовой нормы. Специфические его признаки,, непосредственно касающиеся того, в чем оно по общему правилу может находить свое выражение (перечень мер наказаний), законодатель излагает в статье Особенной части Уголовного кодекса. В Общей же его части содержатся предписания, которыми должен руководствоваться правоприменитель по всем категориям уголовных дел. Устанавливаемые в ней правила адресуются именно ему, обязывая совершить одни действия, запрещая другие и дозволяя третьи. Можно спорить о том, какой именно способ регулирования используется законодателем в том или ином случае, но применительно к той части уголовно-правовой нормы, которую именуют санкцией, несомненным представляется следующее.

1. Деятельность правоприменителя нельзя рассматривать вне рамок уголовно-правового регулирования, ибо в Уголовном кодексе нет (и в принципе не может быть) норм, не имеющих целью установление жестких правил, которыми надлежит руководствоваться соответствующим правоохранительным органам при решении вопросов преступности и наказуемости деяния в каждом отдельном случае. Для кого, как не для государственного органа, ч. 1 ст. 13 Уголовного кодекса устанавливает, что «граждане Российской Федерации, совершившие преступление на

территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству»? Кто, как не суд, обязан считаться с тем, что пожизненное лишение свободы не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступление в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора шестидесятипятилетнего возраста?

2. Всякое правовое регулирование не может осуществляться не только вне правоотношения, но и вне юридических норм, и, стало быть, уголовно-правовая норма должна содержать в себе такую часть, в которой законодателем описываются конкретные признаки предмета уголовно-правового регулирования. В так называемых регулятивных нормах ею выступает диспозиция, устанавливающая признаки правомерного поведения и адресуемая участникам регулируемого общественного отношения. Нормы Уголовного кодекса, предусматривающие правовые последствия совершения общественно опасного деяния (в том числе и преступления), являются нормами охранительного типа. Их специфика состоит не в том, что они не содержат в себе признаков правомерного поведения, а в том, что данные признаки формулируются санкцией охранительной нормы.

3. Как и во всякой иной отрасли, используемые в уголовном праве методы регулирования отношений, возникающих вследствие совершения преступления, не могут не иметь специфики. Однако если иметь в виду, что предметом регулирования данной отрасли выступают лишь эти отношения, нет никаких оснований не только для ее характеристики как отрасли запретов, но и для сведения уголовно-правовых методов к применению или угрозе применения мер наказаний.

4. Общеизвестно, что предмет и метод правового регулирования всегда тесно взаимосвязаны. Если это так, то вряд ли можно считать последовательной позицию авторов, которые признают предметом уголовно-правового регулирования исключительно отношения, возникающий вследствие совершения общественно опасного деяния, и вместе с тем разделяют мнение об уголовно-правовой природе запрета на совершение общественно опасного деяния. Представляется, что эти положения являются взаимоисключающими: допуская, что именно уголовное право формирует такого рода запреты, мы констатируем наличие в предмете и иных отношений, ибо нельзя запрещать какое-либо поведение и тем самым не регулировать его, утверждая же, что предметом уголовно-правового регулирования служат только отношения, возникающие вследствие совершения общественно опасного деяния, мы одновременно отрицаем уголовно-правовую природу запрета на совершение общественно опасного деяния. Как говорится, третьего не дано.

5. Полагая, что обоснованным является второй подход, следует подчеркнуть, что понятием «уголовно-правовое регулирование» охватывается не только его предмет, но и юридический факт, что, однако, не дает

оснований для их отождествления. Описывая признаки общественно опасного деяния, с наличием которого связывается возникновение уголовно-правовых отношений, законодатель никакого регулирования самих деяний не производит, а стало быть, и при применении уголовно-правовых норм речь должна идти о деяниях, предусмотренных уголовным законом, но никак не нарушающих его. Если говорить в общем плане, то преступление есть всегда нарушение некоторого рода социальной нормы. Иногда она указывается в числе обязательных признаков состава преступления, что имеет место, например, при вменении преступлений в виде нарушения различного рода правил (безопасности движения, технических правил, правил регистрации и т. п.). В таком случае уголовно-правовая квалификация содеянного требует установления того, в каком нормативном акте сформулирована обязанность, несоблюдение которой виновным служит условием применения уголовно-правовой нормы. Но нередко этого не требуется. Но не потому, что преступление не нарушает каких-либо социальных норм, а потому, что подразумевается общеизвестность их предписаний.

6. Помимо установления юридических фактов, определения характера связи между участниками отношения и т. д., регулирование всегда связано с реализацией определенных целей, задач. Безусловно, они, как и юридический факт, предмет регулирования и т. п., также входят в понятие правового регулирования. Но опять же важно заметить: не следует ставить знак равенства между тем, что регулируется, и тем, ради чего осуществляется регулирование. Именно последнее значение имеется в виду, когда речь идет о так называемых обычных отношениях, т. е. о тех, под которыми в юридической литературе подразумевают отношения, урегулированные какой-либо отраслью права, поставленные под охрану уголовным законом и, как утверждается, играющие роль объекта при совершении преступления. Часто высказываемое в отечественной юридической литературе мнение, согласно которому они также выступают в качестве предмета уголовно-правового регулирования, не учитывает не только того, что нет необходимости регулировать уже урегулированное, но и того, что цель и предмет – понятия, отражающие самостоятельные элементы этого механизма. Следовательно, данные отношения должны рассматриваться в рамках учения не столько о предмете, сколько о задачах и целях уголовно-правового регулирования.

Глава 3. Задачи уголовно-правового регулирования

Нормативное закрепление направленности уголовно-правового регулирования – традиция, которой всегда придерживалось советское государство. В этом смысле не является исключением и ныне действующий Уголовный кодекс, провозгласивший в ст. 2 своей задачей «охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и

общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений». Не только современное зарубежное, но и отечественное уголовное законодательство, действовавшее в нашей стране до начала XX в., не знает такого рода положений. Имея в виду уже одно это обстоятельство, безусловно, можно ставить вопрос о целесообразности закрепления в Уголовном кодексе его задач¹.

Но какое бы решение в данном случае ни было признано наиболее правильным, оно не дает оснований ставить под сомнение необходимость теоретического осмысления проблемы, для которого главное – выбор подхода. Если анализировать задачи любого нормативного акта вне связи с иными его институтами, то такого рода анализ вряд ли способен раскрыть всю сложность проблемы и вольно или невольно в конечном счете превратится в комментирование положений закона. Возможно, для учебника оно достаточно. Однако научное исследование всегда направлено на уяснение не только смысла чего-либо, но и его места в системе понятий и явлений, с которыми имеет дело та или иная отрасль знаний. К сожалению, соответствующий ракурс рассмотрения задач уголовного законодательства в юридической литературе встречается нечасто. Между тем далеко не все вопросы здесь нашли свое решение. Среди них – и вопрос об отграничении задач от близких по смыслу понятий функций, целей законодательства.

Надо сказать, что в уголовно-правовой литературе уже предпринимались попытки рассмотрения данной проблемы, в частности, В. Г. Смирновым, который утверждал, что понятие «функция» в данном случае синтезирует задачи и способы регулирования общественных отношений, определяет цели и методы регулирования в их единстве. «Но поскольку, – пояснял он, – задачи и методы правового регулирования не могут быть поняты без уяснения структуры и содержания предмета, на который воздействует право, постольку понятие функций права фактически отражает в совокупности предмет, задачи и метод регулирования. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с понятием, которое в единстве выражает социальное назначение правового регулирования. Именно в функции правового регулирования находит свое выражение предмет регулирования (из него выводятся задачи) и метод регулирования (он определяется предметом и задачами регулирования)». Ограничившись выделением охранительной и регулятивной функций и предпочитая именовать последнюю из них организационной, В. Г. Смирнов исходил из того, что охранительная функция находит свое непосредственное выражение и конкретизацию в задаче охраны некоторого рода ценностей, а

¹Еще не так давно считалось, что статья, посвященная задачам Уголовного кодекса, вводится в него «прежде всего для понимания классово-политической природы этого документа» (Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 13).

организационная – соответственно в целях наказания¹. Полагая, что такого рода толкование понятия функций придает им весьма широкое, даже всеобъемлющее значение, не позволяющее отличить их от задач и порождающее отождествление задач уголовного права с задачами уголовно-правового регулирования, М. И. Ковалев ориентировался на терминологический смысл данных слов: задача – то, что требует определенного решения или исполнения, функция – это роль, значение чего-либо. «Бесспорно, – констатировал автор, – между задачами и функциями существует тесная связь. Однако задача есть нечто, извне данное исполнителю, право же само формулирует ее. Она ставится материальными условиями жизни как нечто объективно закономерное, подлежащее решению в рамках данной общественно-экономической формации. Функция – это роль, которую выполняет само право. Содержание же роли определяется задачами права»².

Характеризуя их применительно к уголовному законодательству, М. И. Ковалев в числе задач данной отрасли права выделил в качестве главной охрану всей системы общественных отношений, а в качестве иных – организационную и предупредительно-воспитательную задачи. Поскольку это же было обозначено автором как функции уголовного права, то вполне закономерно возникает вопрос: существует ли вообще какой-либо смысл в разграничении понятий функций и задач?

Прежде всего уточним, что в философской литературе с термином «функция» принято связывать не просто роль, значение чего-либо, а нечто, представляющее собой «такое отношение элемента к целому, которое делает действие элемента с точки зрения «интересов» данной системы целесообразным и таким образом служит обеспечению сохранения целого»³. Если под правом как таковым подразумевать совокупность юридических норм, то, очевидно, с позиций приведенного определения интересующего нас термина признание за правом регулятивной функции не должно вызывать каких-либо возражений. Более того, не будет лишним в этой связи подчеркнуть, что именно в регулировании и состоит основная социальная ценность всякой юридической нормы. Ставя в один ряд с регулятивной функцией так называемую охранительную и выделяя соответствующие – регулятивные и охранительные – правоотношения и юридические нормы, правоведы тем самым вольно или невольно дают основания полагать, что одни нормы права (регулятивные) призваны регулировать что-либо, в то время как иные (охранительные) – только охранять. С этой точки зрения может показаться неслучайным и то, что в одних нормативных актах в качестве их задачи законодателем обозначается само регулирование какой-то

¹См.: Смирнов В. Г. Указ. соч. С. 9, 76.

²Ковалев М. И. Советское уголовное право: Курс лекций. Вып. 1. С. 23.

³Райбекас А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск, 1977. С. 156.

группы отношений (например, это имеет место в ст. 1 Кодекса законов о труде РФ, в то время как в других – охрана чего-либо (ст. 1 Кодекса об административных правонарушениях, ст. 1 УК РФ), исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений (ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ) и т. д. Ясно, что в приведенных случаях речь должна идти лишь о несовершенстве используемой в науке и законодательстве терминологии. Но если это так, то вполне логично предположить, что специфику регулятивных и охранительных норм нужно видеть именно в том, что ими регулируется, каким образом, и – главное – с какой целью¹.

Полагая, что охрана некоторого рода ценностей как раз и является целью принятия уголовного законодательства, можно было бы заметить, что цель, по смыслу этого слова, непосредственно характеризует деятельность людей, и, следовательно, правильнее рассматривать охрану как цель не самого Уголовного кодекса, а осуществляемого при его посредстве уголовно-правового регулирования².

Задачи же, напротив, представляют собой некоторый перечень вопросов, решаемых непосредственно законодателем и касающихся определения специфики не только того, ради чего производится регулирование, но и того, что характеризует круг регулируемых отношений, основания их возникновения (юридические факты), содержание прав участников отношений и т. д. Возможно, оба указанных соображения не бесспорны. Но в конечном счете принципиально значимо иное: каким бы термином – «функция», «задача», «цель» – ни обозначалась в уголовном праве охрана, это не должно влечь за собой ни противопоставления, ни отождествления ее с регулированием. Между тем сам факт выделения уголовно-правовой охраны и уголовно-правового регулирования в одном и том же качестве (функций, задач) неизбежно ставит их в общий категориальный ряд, что столь же неизбежно влечет за собой их противопоставление. Именно это обстоятельство позволяет говорить о целесообразности использования интересующих нас терминов в разном значении: «охраны» – в смысле цели принятия и применения уголовно-правовых норм, а «регулирования» – их функции. Но в таком случае нужно констатировать, что: 1) решение вопроса о функциях, с одной стороны, и целях (или, если иметь в виду часто используемую терминологию, задачах) уголовного законодательства – с другой – проблема больше методологического, чем терминологического плана; 2) вопреки получившему признанию в литературе мнению. Уголовный

¹Вряд ли учитывает это в полной мере П. А. Фефелов, который, с одной стороны, признает тесную связь между понятиями «регулирование» и «охрана», а с другой – полагает, что применительно к уголовному праву «было бы более правильным говорить о предмете и методе уголовно-правовой охраны, а не о предмете и методе регулирования (Фефелов П. А. Указ. соч. С. 217).

²Этот нюанс часто подразумевается. Так, у самого наказания нет никаких целей, но цели есть у суда, назначающего наказание.

кодекс призван выполнять не регулятивную и охранительную функции (задачи), а регулятивно - охранительную функцию, предполагающую упорядочивание общественных отношений именно с позиций реализации конкретной цели – охраны некоторого рода ценностей.

С точки зрения сформулированного общего положения становится очевидной не только условность наименования соответствующих – регулятивных и охранительных – видов правовых норм и правоотношений, но и дискуссионность часто встречающихся утверждений: «нельзя себе представить такую правовую охрану определенных общественных отношений, которая не выражалась бы в регулировании их»¹; регулируя поведение людей, уголовное право тем самым закрепляет общественные отношения и охраняет их от нарушений, а потому уголовно-правовая охрана есть средство, а регулирование – метод закрепления общественных отношений²; регулируя, уголовный закон охраняет отношения между людьми, а охраняя, он регулирует их³.

Мало согласуясь с декларируемым тезисом о регулировании и охране как отдельных функциях (задачах) уголовного права, данные положения как раз фактически и основаны на посылке, согласно которой одно и то же способно выступать в двояком значении: и как то, что регулируется, и как то, что охраняется уголовным законом. Как уже отмечалось, возникновение этой точки зрения в немалой степени обусловлено стремлением обосновать наличие в уголовном законодательстве собственного предмета регулирования путем весьма оригинальной трактовки природы нарушаемых преступлением запретов, «строения» уголовно-правовых норм и т. п. Не касаясь вновь сомнительности приводимой в этой связи аргументации, уместно подчеркнуть, что в уголовно-правовом регулировании его предмет и цели – понятия хотя и тесно связанные, но все же самостоятельные. И если вслед за некоторыми авторами в самом регулировании непосредственно видеть охрану, а в охране – регулирование, то это неизбежно будет означать подмену в одном случае предмета целью, в другом, напротив, – цели предметом регулирования. Последнее неприемлемо в той же мере, что и первое. Принимая во внимание, что правовое регулирование отношений между людьми только направлено на охрану определенного рода ценностей, но само по себе ею не является, так же как, в свою очередь, и охрана лишь предполагает регулирование, но как таковая, им признаваться не может, следует заключить: предмет уголовно-правовой охраны нужно рассматривать лишь в связи, но никак не в рамках предмета уголовно правового регулирования.

Все вышесказанное, конечно же, не исчерпывает всех аспектов

¹Дурманов Н. Д. Указ. соч. С. 100.

²См.: Никифоров Б. С. Указ. соч. С. 13.

³См.: Ляпунов Ю. И. Указ. соч. С. 8–9.

характеристики проблемы охраны в качестве цели уголовно-правового регулирования. Несомненный интерес представляет решение вопросов, так или иначе связанных, например, с установлением того, исчерпывает ли она перечень возможных целей. Ранее действовавшие советские уголовные кодексы ориентировались именно на это, в то время как в юридической литературе нередко дополнительно говорилось еще о воспитательной и предупредительной задачах (функциях), и не случайно в научной концепции перспективного развития советского уголовного законодательства высказывалась мысль о необходимости нормативного отражения всех их в будущем уголовном кодексе. Примечательно, что выполнение охранительной (она была обозначена как главная) задачи при этом увязывалось с «регулированием специфических общественных отношений (охранительных, уголовно-правовых)», а в предупреждении преступлений различались общее и частное предупреждение, и, соответственно, средством обеспечения одного из них признавалось само существование уголовно-правового запрета, наличие норм Общей части о необходимой обороне, крайней необходимости и иных норм, обеспечивающих повышение социальной активности граждан, а другого – применение к лицам, совершившим преступления, уголовного наказания, принудительных мер медицинского и воспитательного характера, а также норм об освобождении от уголовной ответственности и наказания. Считая обоснованной постановку перед уголовным законом и воспитательной задачи, разработчики модельного кодекса исходили из того, что она может быть решена теми же средствами (фактом существования и применения уголовных норм). Отмечая, что уголовный кодекс предназначен не только для воздействия на антиобщественные элементы, но и для формирования нравственных идеалов у членов общества, авторы далее поясняли, что «некоторые нормы уголовного права призваны воспитывать у граждан нетерпимость и даже воинствующее отношение к совершению преступлений. Таковы нормы, наделяющие граждан правом на защиту от общественно опасных посягательств, задержание преступника и т. д.»¹.

Заметим, что в отличие от воспитательной задачи (функции), необходимость выделения которой подвергалась сомнению в юридической литературе, правомерность признания одной из задач (функций) уголовного права – предупреждение преступлений – ранее под сомнение не ставилась. Другое дело, что нередко ее предпочитали рассматривать как подчиненную главной (охранительной)².

¹Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 13–15.

²Так, например, применительно к ранее действовавшему законодательству П. С. Тоболкин пришел к выводу, что в специально-юридическом плане нормы уголовного права выполняют две функции – негативную (вытеснения из жизни общества чуждых общественных отношений, порождаемых фактом совершения преступления, и предупреждения преступлений в будущем) и превентивную (регулирования общественных отношений по предотвращению общественно опасных посягательств в конкретных жизненных ситуациях). Посредством осуществления двух названных функций, полагал автор, уголовно-правовые нормы выполняют еще и свою социально-политическую функцию – охраны собственности, личности и прав граждан, а также

Умалчивая о воспитании (и, думается, правильно¹), законодатель счел нужным рассматривать в качестве задач нового Уголовного кодекса не только уголовно-правовую охрану (как прежде), но и предупреждение преступлений. Такое решение вопроса едва ли можно считать безупречным. И, конечно, не потому, что есть причины сомневаться в способности уголовно-правовых средств оказывать предупредительное воздействие. Дело в том, что следует различать цели, задачи и функции уголовного законодательства в целом, с одной стороны, и отдельных его институтов – с другой. Включение предупреждения преступлений в число задач Уголовного кодекса неизбежно порождает вопрос о том, что помещало в таком случае рассматривать в числе, во-первых, целей наказания задачу охраны и, во-вторых, в числе задач законодательства в целом иные цели наказания: восстановление социальной справедливости и исправление осужденных? Безусловна, поиск ответа на эти вопросы связан с решением довольно сложных проблем уголовно-правового регулирования, в том числе и с проблемой механизма общего и частного предупредительного воздействия². И все же вряд ли требует доказательств положение о том, что охрана и предупреждение – понятия не одного уровня, и последнее – только средство обеспечения первого.

Перейдем к рассмотрению вопроса о соотношении объекта уголовно-правовой охраны с объектом преступления. Уяснение этого соотношения представляет особый интерес потому, что с момента возникновения науки уголовного права и по сей день представления об объекте преступления исходили и исходят из отсутствия различий между ним и тем, что уголовный закон берет под свою защиту. Как уже отмечалось, еще на рубеже XIX–XX вв. представители отечественной юридической науки, говоря об объекте преступления как о некоторого рода благах, видели в нем фактически объект уголовно-правовой охраны и расходились во мнениях по поводу того, что именно уголовный закон защищает: нормы права, субъективные права, интересы и т. д. Провозгласив, что всякое преступление посягает на общественные отношения и только на них, советская теория опять же ограничилась декларацией, наделяя статусом объекта преступления в каждом отдельном случае те же самые субъективные права, правоотношения, интересы и т. д. Ориентируясь на отсутствие различий между тем, на что посягает преступник, и тем, что берет под охрану уголовный закон, авторы специально отмечали: «Общественные отношения как объект уголовно-правовой защиты и объект преступления тождественны»³. Видимо, именно

всего правопорядка от преступных посягательств. См.: Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. С. 34–35.

¹Надо сказать, что и в настоящее время весьма часто оно обозначается в качестве одной из задач, стоящих перед уголовным законодательством. См., напр.: Уголовное право. Общая часть. М., 1997. С. 18; Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть: Курс лекций. С. 28–29.

²Прежде всего имеется в виду распространенное мнение о том, что сами уголовно-правовые нормы (а не предусмотренное и них наказание) способны оказывать удерживающее влияние.

³Курс советского уголовного права. В 6 т. Часть Общая. Т. 2. С. 112.

по этой причине при обосновании необходимости признания общественных отношений объектом преступления почти все исследователи обращались к Руководящим началам 1919 г., в которых преступление определялось как «нарушение порядка общественных отношений, охраняемых уголовным правом» (ст. 5), а задачей уголовного права объявлялось «посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс» (ст. 3). При этом, однако, не учитывалось, в частности, то, что задачей здесь называлась охрана не общественных отношений как таковых, а их порядка (системы). Нюанс весьма существенный, поскольку в ст. 1 Руководящих начал формулировалось: «Право – это система (порядок) общественных отношений, соответствующих интересам господствующего класса и охраняемых организованной его силой». Конечно, подобное понимание права трудно назвать корректным. Однако оно позволяет утверждать, что, говоря о задаче Руководящих начал, законодатель имел в виду не охрану общественных отношений в современном смысле слова, а поддержание правового порядка (системы). Подобным образом соответствующие статьи Уголовных кодексов 1922, 1926 и 1960 гг. в действительности не дают оснований утверждать, что в них именно общественные отношения в современном понимании признавались объектом уголовно-правовой охраны. Еще меньше оснований для таких утверждений дает ст. 2 ныне действующего Уголовного кодекса, определяющая своей задачей охрану от преступных посягательств прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды и конституционного строя Российской Федерации.

Справедливости ради нужно заметить, что не все представители советской юридической науки соглашались с идеей тождественности объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления. Наиболее обстоятельно на этот счет высказался Ю. А. Демидов: «Понятие объекта уголовно-правовой охраны не идентично понятию объекта преступления. По своему объему первое понятие шире второго. Уголовное право предусматривает средства охраны своих объектов не только от преступлений, но и от общественно опасных действий невменяемых и от опасностей, создающих состояние крайней необходимости. Но дело не только в этом, а главным образом в том, что понятие «объект преступления» снижает объект уголовно-правовой охраны до «элемента» или «стороны» преступления. Непонятно, как советский государственный и общественный строй, социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность, личность и другие объекты уголовно-правовой охраны могут быть «элементом» или «стороной» преступления». Автор полагал, что объект уголовно-правовой охраны – это не «элемент» или «сторона» преступления, а важнейшие классовые ценности, ради охраны которых создается уголовное право с его подчас жестокими

репрессиями, свидетельствующими о том, что господствующий класс с их помощью защищает условия своего существования, свою «святая святых». Касаясь существующих в буржуазной науке различных подходов к определению объекта уголовно-правовой охраны, Ю. А. Демидов подверг критике мысль о том, что «центральным объектом охраны должен быть человек», ибо такой подход, по его мнению, подразумевает абстрактного индивида, т. е. рассматривает его в отрыве от общественных (прежде всего экономических) отношений, изолированно от классовой структуры конкретного исторического общества, скрывает классовую природу уголовного права. Решая вопрос применительно к советскому уголовному законодательству, автор пришел к выводу о том, что оно охраняет человека в его сущности, т. е. в совокупности общественных отношений¹.

Думается, что идея не тождественности объектов уголовно-правовой охраны и преступления заслуживает поддержки, но только по совсем иным соображениям. Прежде всего нужно различать направленность отдельного посягательства и разных видов посягательств. Очевидно, что, говоря об объекте уголовно-правовой охраны, законодатель всегда имеет в виду некоторого рода классификацию преступлений, осуществляемую по их направленности на соответствующие группы. Суть вопроса состоит в том, можно ли считать здесь основой классификации (признаком деления) специфику общественных отношений? Полагая, что утвердительный ответ вступает в противоречие с действительностью, нельзя одновременно отрицать очевидного: перечисляя объекты уголовно-правовой охраны, законодатель всегда относил и ныне относит к ним некоторого рода ценности, способные удовлетворять потребности индивидов или всего общества и порождающие определенные общественные отношения, нуждающиеся в социальном нормировании, упорядочивании, регулировании и т. д. Конечно, это весьма абстрактная характеристика объектов уголовно-правовой охраны. Однако и ее вполне достаточно для того, чтобы утверждать: указанные признаки объекта уголовно-правовой охраны подразумевают под таковым не сами общественные отношения, а то, по поводу чего они возникают. Если же учесть, что в каждом отдельном посягательстве соответствующими признаками обладает не объект, а предмет преступления, то вполне логично сделать вывод: объект уголовно-правовой охраны есть именно предмет, но никак не объект преступления.

Чем объяснить, что отечественная наука всегда усматривала и ныне усматривает в объекте уголовно-правовой охраны не предмет, а как раз объект преступления? Очевидно, все тем же: бытующими представлениями об объекте преступления, увязывающими с ним характеристику не того, кому преступление причиняет или создает угрозу причинения вреда, но того, что

¹См.: Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. С.32–50.

уголовный закон берет под свою защиту. Будучи ошибочным в своей основе, такой взгляд на объект преступления с неизбежностью порождает не только весьма спорное понимание объекта уголовно-правовой охраны, но и сложности в решении многочисленных вопросов, возникших в этой связи в юридической литературе и уже рассмотренных в настоящей работе. Это, безусловно, в первую очередь вопрос о разграничении преступного вреда и преступных последствий, который до настоящего времени остается открытым и который всегда упускается из виду при анализе понятий объекта и предмета преступления и их соотношения. Именно отождествление изменений в окружающем мире, производимых наказуемым деянием (преступные последствия), с их оценкой как вреда для индивида или общества послужило основанием для интерпретации объекта преступления в качестве не того, кому причиняется вред или создается угроза его причинения, а того, что подвергается преступному воздействию, нарушению, изменению и т. п. В свою очередь, именно такого рода интерпретация объекта преступления обусловила подмену нарушения (несоблюдения) преступным деянием социальных норм нарушением (как говорят, «взрывом», «взломом», «дезорганизацией») им общественных отношений (правоотношений), с одной стороны, и подмену социальной сущности самого преступления, выражающего отношение лица к другим членам общества, социальной сущностью объекта посягательства, воспринимаемого как общественные отношения, – с другой. Перечень вопросов, конечно, можно было бы продолжить.

Многое встает на свое место в том случае, когда решение обозначенных проблем основывается на постулате, в соответствии с которым всякое преступление причиняет или создает угрозу причинения вреда не чему-то (какому-либо благу, интересу, праву в объективном или субъективном смысле, правоотношениям, общественным отношениям и т. д.), а кому-то, т. е. индивиду, группе лиц или всем членам общества. В этом случае становится очевидной необходимость критической оценки целого ряда положений отечественной уголовно-правовой доктрины, касающихся представлений о самом объекте преступления, понятия преступления, его признаков и соотношения с составом преступления, а также регулируемых уголовным правом общественных отношений, правовой природы нарушаемого деянием запрета, целей и задач уголовного законодательства, его места и предназначения в системе социальных регуляторов.

Содержание

Предисловие

Раздел 1. Понятие объекта преступления

Глава 1. Досоциалистические концепции объекта преступления	8
Глава 2. Общественные отношения как объект преступления	19
Глава 3. Люди как объект преступления	39

Раздел 2. Объект преступления и понятие преступления

Глава 1. Родовая специфика понятия преступления	56
Глава 2. Общественная опасность преступления	73
Глава 3. Юридическая природа понятия преступления	83

Раздел 3. Объект преступления и уголовно-правовое регулирование

Глава 1. Предмет уголовно правового регулирования	103
Глава 2. Метод уголовно правового регулирования	125
Глава 3. Задачи уголовно правового регулирования	143